

У Р А Л Ь С К И Й № 11 (569), 2004

следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ
СТОЛИЦА
КОЛЧАКА**

**КАК
Я БЫЛА
РУСАЛКОЙ**

**КУЛЬТУРА
СПИННИНГА**

**СЕРЕБРЯНЫЙ
СЛЕД НА СОСНОВОМ**

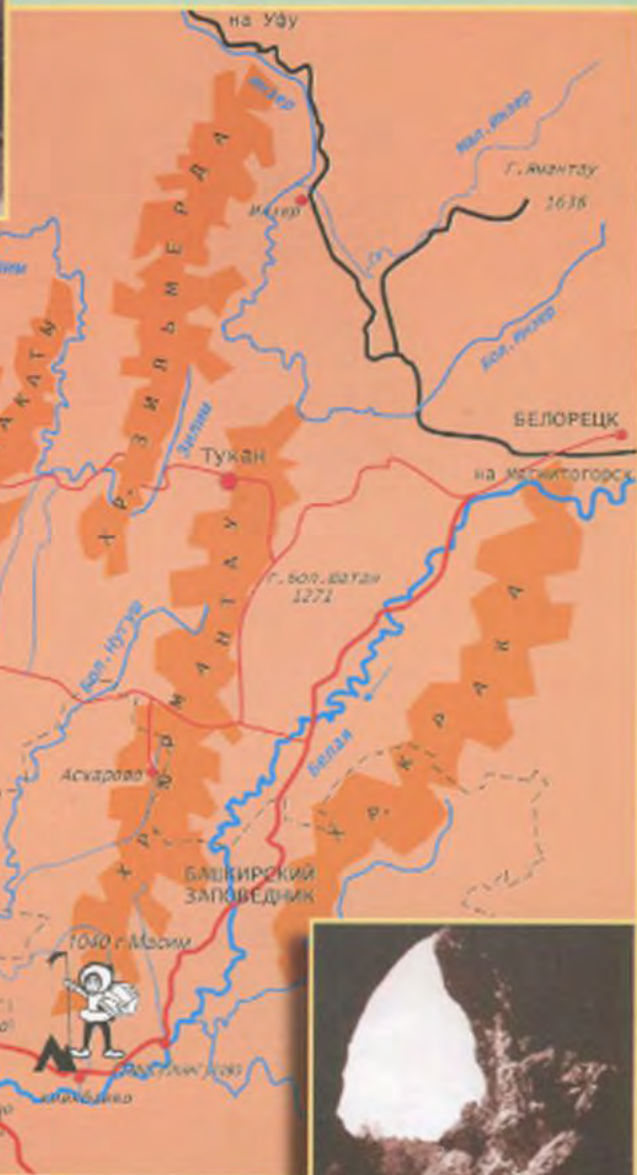

Маршруты Уральского следопыта

Капова пещера, Шульган-Таш, одна из крупнейших пещер на Юж. Урале, на правом берегу реки Белой. Образовалась в известняках и доломитах девонского возраста. Коридоры и гроты расположены двумя этажами. Общая длина их свыше 2 км. ...На втором этаже Каповой пещеры, на глубине 300м от входа, имеются рисунки мамонтов, лошадей, носорогов. Изображения представляют собой сплошь закрасненные красной краской силуэты или грубые контуры. Наличие фигур мамонтов и носорогов позволяет датировать рисунки ...эпохой верхнего палеолита.

БСЭ

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин,
Анастасия Новикова
Художественный редактор
Юлия Ульянова

Художник
Ирина Овсянникова
фото 1 пол. обложки
Александр Лауруков
Набор

Валентина Кадочникова
Корректор
Юрий Виноградов
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллегия
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казрин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко

Чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор

дзастуженный врач России

издано при поддержке
министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.99 г. Министерством
печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными на
материале А4, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматривают-
ся рукописи, дополненные электронной
версией (E-текст, дискета, CD).
Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно указать тему.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.10.2004 года
Формат бумаги: 84x108/16, Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralsstalker@sky.ru
info@uralsstalker.ru
www.uralsstalker.ru

«Уральский следопыт», № 11, 2004
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 004-244X
следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 11 2004 (569)

РЕКА ВРЕМЕНИ

Краеведческая копилка

- А.АДУТОВ Гайна-тарханы, кто вы?.....2
Тропой поиска
А.ПИЧУГИН Тайна острова Соснового.....13
П.ФЕДОТОВ Шемахинская дача Никиты.....43
Юбилей
И.ПЛОТНИКОВ Колмак в Екатеринбурге.....32
В мире прекрасного
В.ПОПОВ Гитара и цыганищина.....48
Клуб собирателей
А.МАКУРИН Екатеринбург в телефонокартиях.....56
Человек и природа
Ю.КОНЬКОВ Репище.....63
Тропой поиска
А.ТРОФИМОВ Масон из рода Голубцовых.....84
Страна топонимия
Я.ГЕЛЬБЛУ Шульган-Таш – столпы мироздания.....87

АЭЛИТА

Фантастика

- С.ЭСТ Новенькая.....6
В.ВОРОН Другие двери.....66
Современная поэзия Урала
Д.КОЛЧИН-ЕРШАКОВ Стихи.....30
Ю.КИРЧЕНОВ Стихи.....46
Современная проза
В.МАЛЬЦЕВ Московский «Титаник».....41

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Охота и рыбалка

- С.РОГОЖКИН Кондинская протока.....15
Прозы «Уральского следопыта»
ФОТОКОНКУРС.....18
Экспедиция
В.МИХАЙЛЕНКО В краю заповедной Печоры.....20
Путешествия
М.ЛАРИОНОВ Поход на Пуптораны.....38
А.ТИХОМИРОВ Фаны на ялты с плюсом.....54
Школа юного журналиста
А.ПОЛОНИК Экспедиция на Диксон.....60
Советы специалиста
Особенности организации путешествия в пещеры.....85

Гайна-тарханы, кто вы?

В детстве, когда мы ездили на родину мамы, в аул Кояново Пермского района, местная детвора дразнила: «Гайна, гайна!» Я обижался, но родители объяснили, что так называют бардымцев. Позже в письме дяди Хамита моему отцу встретил выражение: «говоря по-гайнински». В средних классах школы понял, что мы «башкиры», говорящие по-татарски. Потом познакомился с понятием «гайна-тархан», а затем узнал еще одно прозвище: «куманы». Прочитав «Наказ»... в Уложенную комиссию» (1767-68 гг.) от башкирского и тарханского народа, я понял, что мы не башкиры, а «тарханы». Все это меня очень заинтересовало, тем более, что никто и нигде конкретно не объяснил происхождение названия «гайна-тархан», хотя есть сведения о том, что это башкиры гуннского происхождения, и что в нашем регионе некогда жили гунны (19).

Я не историк и не филолог, и эта статья — всего лишь гипотеза о происхождении небольшого народа, живущего в Бардымском районе на юге Пермской области, основанная на некоторых очевидных фактах.

Факты говорят о том, что наш район лежит внутри метеоритного кратера. В журнале «Вокруг света» (8) дано геологическое исследование нашего региона и сказано о метеоритном кратере диаметром примерно 550 км. Метеорит, по-видимому, летел на северо-восток и упал на западный склон Среднего Урала, при этом Средний Уральский хребет был отброшен на 250 км на восток. Кольцо кратера проходило через г.Ижевск, р. Чусовую, г.Екатеринбург и южнее г.Уфы. Место падения метеорита находится в точке с координатами 56° с.ш.

и 56,5° в.д. Точка с координатами 57° с.ш. и 55,5° в.д. лежит внутри треугольника Кудаш, Куземьярово и Березники. Мне кажется, что внутри большого кольца еще находится меньшее — диаметром около 300 км, и наш район расположен в его северо-западной части.

Смущает время падения метеорита — 600 миллионов лет назад. Есть предположения о локальном землетрясении в Среднем Поволжье в 6 веке до нашей эры (9), а у башкир до сих пор жива легенда об образовании Урала из-за падения метеорита. Причем не в виде сказки, а — астрономического наблюдения. По моему мнению, тюрки являются одними из древнейших обитателей Среднего Урала. Например, для славян и германцев арийские народы — это легенда, а тюрки жили рядом с ними, воевали и ходили в гости. В нашем районе очень много географических названий связано с араби. Видимо, до тюрков они жили в нашем регионе, а позже были вытеснены и частично ассимилированы.

Из-за падения метеорита образовался широкий уральский коридор для прохода с востока на запад. Поскольку Средней Урал стал ниже, чем Южный, он был более проходим и удобен для миграции народов (20). Вообще племена и народы проходили в Европу из Азии через Дербентский проход или, я думаю, Средне-Уральский. Так шли Батый и Тимур. Южный Урал неудобен из-за высоты и пустынь Прикаспия (как говорят: «Легко по карте, а идти-то надо по земле»).

Во время Великого переселения тюрко-язычные гунны, по-видимому, прошли через северо-восточ-

Нападение грифона.
Золотая пластина из сибирского собрания Эрмитажа.

ную часть уральского коридора и в наш район пришли с севера. Западные авторы писали о гуннах как о народе, одетом в звериные шкуры, т. е. он жил в холодном климате и в лесостепи. Кстати, одежда гуннов была из ценных мехов (10).

Легенда о братьях Гайна и Айна (19), по-моему, говорит о столкновении гуннов с прабашкирским племенем ейна, которое было вытеснено на юго-восток. А может, они пришли вместе? Вероятно, из-за войн у башкир о гуннах остались негативные воспоминания: например, сказка о жестоком Катил-паше. Никто не знает, как они называли себя сами, все ссылаются на китайские источники, но китайцы из разных провинций не всегда понимают друг друга и не произносят некоторые звуки. В книгах (15,21) гунны известны под именем соответственно «Ганг-ну» и «Хиуйн-ну», а на карте Идриси (12 век) Уральские горы выведены под названием «Айани» (15). З.Валидов писал, что в 8 веке по Волге жили племена гуннского происхождения, и называет, в том числе, народы «ен-гу» и «хун» (22). Так вот, часть гуннов могла осесть на Среднем Урале и, смешавшись с финно-угорскими и прабашкирскими племенами, передать им свой диалект тюркского языка. Поэтому гайнинцы могут быть потомками гуннов. Вполне возможно, что люди, живущие в районе, докажут это предположение.

Тюркские языки усваиваются легче по сравнению с другими языками, и более информативны. Например, средняя длина слова в русском языке составляет 7 букв, в английском — 5 (23), а в татарском, думаю, не больше 5. В средние века татарский язык — язык универсальный, наиболее приемлемый для межтюркского общения, — видимо, служил на Руси языком общения между народами, это видно по записям Афанасия Никитина. В языке нашего народа много синонимов и слов других народов, прошедших через кратер (11), и, наверное, этот язык развивался быстрее, т. к. некоторые его слова короче, чем в других татарских диалектах.

Основная масса гуннов начала смещаться к югу, вытесняя и поглощая народы. После их ухода пришли зауральские угры (9), заняв северную и за-

падную части большого кратера. В юго-восточной части кратера племена смешивались и объединялись, образуя ядро башкирского народа. В записках неизвестного автора наш регион назван «сердцем древней Башкирии» (1), а историки средневековья называли его «внутренней Башкирией» (15).

Гунны, пройдя междуречье Волга — Дон, в 371 году появились на Северном Кавказе (17), разбили алан (21), покорили болгар, которые появились в Причерноморье еще в 354 году (17). Вместе с гуннами, предположительно, из Зауралья на Северный Кавказ пришли бараджи (24), но, возможно, они с болгарами появились из Закавказья. В 375 году в Приазовье гунны разбили готов (18) и обрушились на Римскую империю. После смерти Атиллы (452-453 гг.) и ряда поражений гунны начали отходить на восток. Часть гуннов, наверное, смешалась с германцами и с племенами Паннонии и Болгарии, так как у них есть имена и легенды, связанные с Атилллой (18). А часть, в Причерноморье, вошла в состав болгарских племен (7). Византийские императоры иногда называли болгар гуннами (17). А бараджи в 630 гг. основали государство со столицей Баранджар на реке Судак в Дагестане (24).

В 636 году хан Кубрат объединил болгарские племена и создал государство Великая Болгария (12). После смерти Кубрата в 642 году (6) его сыновья разделили болгар. Хан Котраг перешел Дон, хан Батбай остался на земле предков (17), а остальные ушли на запад и на юг. Распад государства, видимо, произошел под давлением Византии и хазар, которые появились на Северном Кавказе, пройдя Дербентские ворота. И в 650 году котраги двинулись на север (6). В составе болгар были и бараджи (20). Позже, в Среднем Поволжье, они вошли в состав Хазарского каганата.

В 737 году арабы во главе с Марваном прошли через Дербент, ворвались в Хазарию (20) и вдоль Волги дошли до Самары (18). Из-за войн каганата с Византией и Арабским халифатом болгары вынужденно ушли на север, на территорию совре-

Фантастический зверь в борьбе с удавом.

менного Татарстана, и вклинились между башкирами и уграми (мадьярами), создав впоследствии Волжскую Булгарию. В Татарстане до сих пор есть аул Мадьяр и люди с фамилией Мадьяров. А у бараджей сохранилось предание, что на старом месте обитания на их город напал дракон (аждаха), и народ, потерпев поражение, покинул город (5). Может, это отголосок сражений с хазарами или арабской конницей, которая издали очертаниями напоминает дракона. Бараджи пришли на земли башкирского племени биляр, сдвинув их на восток и частично ассимилировав. На этом месте был построен (?) Великий Город — Биляр.

Угры с частью западных башкирских племен могли, перейдя на Каму, уйти на северо-запад, на территорию современной Кировской области. Часть башкир отошла на северо-восток. «В 884 г. угры вышли из земли Сцитской и пришли в Русцию (Суздаль), а затем через Киев и Карпаты прошли в Паннонию» (22,9). Я думаю, что угры шли вдоль границ славянских племен, а значит, прошли через бассейн рек Москвы и Угры. Мадьяры в пору этой миграции временно обитали в областях Этель-Кузе и Леvedия, кстати, эти места до сих пор не найдены. Может быть, Этель-кузе (Глаз Волги) — это верховья Волги? А Леvedия, быть может, находится в районе Харькова (13). Киев угры прошли в начале 900 годов (13), в период княжения Вещего Олега (16).

В начале 12 века русские князья организовали «крестовые» походы на тюрков. Вспомните поход князя Игоря в 1185 году. В 1183 году князь Всеволод Большое Гнездо вместе с половцами напал на болгар и осадил Биляр (13). Была война, и некоторая часть билярцев могла уйти вдоль Камы и в 1199 г. осесть в нашем регионе (2).

В 1229 г. произошли столкновения болгар с войсками Чингиз-хана на восточных границах Волжской Булгарии, и «прибежали половцы» (13). С этого

времени к нам с юга, наверно, мигрировали «куманы» (так, оказывается, называют нас башкиры из Ишимбая).

Другая большая миграция произошла в 14 веке. В 1395 г. Тимур осадил Биляр. Жители, в основном бараджи, посоветовавшись, решили по воле Тенге сдаться, уповая на милость Аллаха и победителя (5). После грабежа города Тимур решил выяснить, почему ему выпал такой подарок? Жители испугались, тогда вперед вышла Рабига-хаджия (3), вдова Джадаш-бия, и сказала правду (5). Тимур, пораженный ее смелостью, а может, и отчаянием, дал ей и двум ее сыновьям, Инсану и Ихсану-биям, охранную грамоту с запретом трогать этот род, его имущество и скот и отпустил на все четыре стороны (5). По тем временам это была тарханная грамота с большими привилегиями. Так появился тарханский род. Инсан-бий с матерью и частью рода вдоль левого берега Камы пошел на северо-восток (5). В Татарстане, на Каме, был аул Бардже (5), находившийся как раз по пути движения барадже.

Из нашей родословной известно, что в начале 14 века Инсан-бий осел в бассейне реки Тулвы (4). Таким образом, бараджи принесли имя «тарханы», то есть народ с привилегиями. В отличие от поздних времен, в средние века соблюдались права, данные народу предшествующими властями. Так, видимо, дошло до наших времен объединенное название «гайна-тархан». Бараджи внесли свой вклад и в географические названия нашей местности, пример — пос. Барда.

После взятия Казани в 1552 г. и разгрома Казанского ханства часть татарского (мишар?) народа со своими ханами, двигаясь вверх по Каме (1), образовала, видимо, в районе Кунгура ядро шаубинских татар. По семейным преданиям, кто-то из этих ханов взял жену из нашего рода. После церковного раскола, скрываясь от гонений, появились «крусские», которые тоже получили здесь убежище.

Золотое украшение. Из сибирской коллекции.

Пришлые люди не только воспринимали обычаи аборигенов, становясь «гайна-тарханами», но и вносили свои обычаи и нравы. А здесь им, видимо, как-то помогали обживаться. Из нашей родословной (для примера) видно, что имена приобретали местный колорит (4), мусульманские сменились на местные и иногда, звучали как прозвища.

Почему же племена и роды приходили именно сюда? Во-первых, места здесь труднодоступные, это отмечали многие авторы средневековья (15,2), и можно было спрятаться и сохранить свой род. Во-вторых, потомки гуннов, наверное, сами относились к другим народам с уважением и дружелюбно. Римские историки, вопреки пристрастному отношению к гуннам, вынужденно и с завистью сообщают о справедливости их судей, о неподкупности правящих, о легкости налогов (10), о демократичности гуннского общества. Кунгурский бургомистр Юхнев в 1725–1726 гг., проезжая с секретной миссией по башкирским дорогам, отметил, что гайнинцы — народ богатый, живет независимо от уфимских судей и, в отличие от башкир других дорог, гайнинцы не враждуют между собой, хотя оружия у них много (19).

Мы видим, что народ пытался сохранить и сохранил свою самобытность. Это видно и по истории Пугачевского восстания. К сожалению, гражданская война разрушила эту идиллию, и брат пошел на брата, родители — против детей, друг — против друга. В годы Великой Отечественной войны наш народ, как и другие народы СССР, храбро воевал, добросовестно трудился, принял сотни эвакуированных и раненых, которые внесли свой вклад в культуру народа гайна-тархан.

Хочется, чтобы в наше трудное время мы посмотрели на себя, друг на друга, на другие народы и вспомнили уроки истории. Напомню слова историка В.О.Ключевского: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться».

Литература:

1. Автор неизвестен. «Историческая записка о ... центре древней Башкирии». Г. С.-Петербург, 1867 г.
2. Асфандияров А.З. «История башкирских сел Пермской и Свердловской областей». Г. Уфа, 1999 г.
3. Ахметзянов М.И. «Родословная татар». Г. Казань, 1995 г.
4. Ахметзянов М.И. «Про пермских татар». С. Барда, 2000 г.
5. Ахметзянов М.И. «Ногайская орда». Г. Казань, 2002 г.
6. Богданов И. «Путь через века», журнал «Техника молодежи», № 3, 1977 г.
7. Валиуллин Р. Ш. «Очерки по истории родного края». С. Барда, 1996 г.
8. Журнал «Вокруг света», № 10, 2003 г.
9. Иванов В.Б. «Открытая книга Башкортостана». Г. Уфа, 1995 г.
10. Иванов В.Д. «Русь изначальная», том 2. Г. Москва, 1992 г.
11. Исаков Д.М. «Татарская нация: история и современность». Г. Казань.
12. Исаков Д.М. «Татары». Из серии «Народы и культуры». Г. Москва, 2001 г.
13. Карамзин Н.М. «История государства Российского», том 1-4. Г. Тула, 1990 г.
14. Кулбахтин Н.М. «Из истории гайнинских башкир». Г. Уфа, 1996 г.
15. Мажитов Н.М. «История Башкортостана», том 1. Г. Уфа, 1994 г.
16. Нестор «Повесть временных лет», серия «Древняя русская литература». Г. Москва, 1980 г.
17. Рагуляк В.Н. «Очерки истории Кубани». Г. Краснодар, 1996 г.
18. Рашитов Ф.А. «История татарского народа». Г. Саратов, 2001 г.
19. Фатыхов А.Ф. «Гайна иле». С. Барда, 1995 г.
20. Халиков А.Х. «Происхождение татар Поволжья и Приуралья». Г. Казань 1978 г.
21. Щербина Ф.А. «История Кубанского казачьего войска», том 1. Г. Екатеринбург, 1910 г.
22. Янгузин Р.З. «Этнография башкир». Г. Уфа
23. Симонович С.В. «Общая информатика». Г. Москва, 2001 г.
24. Татарский энциклопедический словарь. Г. Казань, 1999 г.

Золотая пряжка.
Из собрания Эрмитажа.

Нювенькая

Когда Русалочка совсем выбилась из сил, ей наконец-то удалось «отдать ляпку» одной из своих одноклассниц, чьи темные, жесткие, густые волосы то развевались на бегу вороньим гигантским крылом, то тяжело опадали на узенькую спину с выпирающими костяшками позвоночника, припудренную мазью из цветочной пыльцы. То, что Ведьмушка просто пожалела новенькую и поддалась ей, было очевидным. Глуховатый звук хлопка ладонью неожиданно звонким эхом отразился от стены колючих хмурых елей, окружавших поляну, на которой полагалось играть во время перемены. И хотя Русалочка придерживала неудобный веночек, он, скользя по пушистым зеленоватым прядям, все-таки свалился с ее головы и упал в маленький бочаг, затянутый ряской, из которого на длинных стеблях торчали бархатные головки камыша.

«Не повезло!» — подумала Русалочка. Она присела на корточки, испуганно оглядываясь — видели или нет, — и попыталась выудить грязный веночек подобранным прутом. Ее маленькое прозрачное сердечко заняло в тоскливом предчувствии, потому что мадам Яга уже ковыляла к ней по зелено-пестрому ковру из мха и трав, ловко раздвигая ажурные зонтики борщевика загнутыми, похожими на турецкие кинжалы-ятаганы когтями.

— Новенькая! Глупая девчонка! — пронзительно закличала классная дама. — Сколько раз повторять, чтобы ты содержала школьную форму в порядке! Если так будет продолжаться дальше, то я доложу о твоём вызывающем поведении господину директору Вио — пусть посмотрит на тебя, бездельница! К тому же не воображай, будто никто не знает о том, что в твоих вещах — веночек из модных ныне, но запрещенных в заведении, древесных веток. Систематический обыск в нашем частном закрытом приюте — добрая традиция!

«Чего она от меня хочет? — подумала Русалочка, опуская голову. — Я ведь не сделала ничего плохого. Почему нужно обязательно ходить в форменном головном уборе из осоки, а нельзя иметь веночек из березовых или ивовых веточек? Это осока такая противная, от ее зазубренных листьев весь лоб в мелких порезах. А ивовая кора, наоборот, помогает при болезнях — малярии, например».

С выступившими от несправедливых нападков слезами Русалочка молча переминалась в столбе мутно-белого солнечного света, маленькая, жалкая и беспо-

мощная, и на нее осуждающе взирали: темный лес, звезды, крупными светлячками залепившие небо, и солнце с гневным лицом из лунных морей. Русалочка обмерла еще больше: «Все! Конеч! Мне не выпутаться». И вспомнила о другом своем проступке. На уроке географии, первом для нее в этой странной школе-приюте, она робко спросила: «Как может быть, что на теплом ласковом солнышке — моря? И почему они лунные?» Преподававший в младших классах географию и физкультуру Оборотень, крепкий, нестарый еще мужчина с пристальным звериным светящимся взглядом исподлобья, ответил: «Волчье солнце — есмь естественный спутник Земли. Наклон его орбиты к плоскости эклиптики. Синодический период обращения. Запишите, дети!» Русалочке же Оборотень отвесил подзатыльник, а она не посмела ничего сказать в ответ, так как географ-физрук пугал ее еще больше, чем классная дама — Баба Яга, (а уж ее Русалочка боялась до смерти, особенно такую злобную, как сейчас).

— Давай помогу тебе, ал цветик, — сквозь зубы сказала мадам и стала костяным ортопедическим протезом втаптывать изломанный веночек поглубже в воющую жижу, пузырившуюся сероводородом.

— Из-за крайнего к бочагу величественного кедра, подпирающего небесную твердь, медленно выполз жуткого вида гад в лохмотьях линяющей, отставшей от плоти мерзкой кожи. Оцепеневшая Русалочка смотрела, как чудовище подбиралось к ней и ничего не замечающей мадам, которая, азартно сопя, топала веночек в грязи. Когда Баба Яга наконец-то изволила, как Вий, поднять веки, от неожиданности ей почудилось, что гнусное чудовище появилось прямо из воздуха, и она только и сумела испуганно спросить, (как будто гад мог понимать разумную речь):

— Ты кто?

К удивлению Русалочки, монстр ответил довольно высоким дискантом с неуловимо знакомой чем-то интонацией:

— Я литиловый робот Терминатор. Прибыл с планеты Тот-свет. Задание — отбор образцов флоры и фауны.

— Чего-чего? — переспросила совсем обезумевшая от страха мадам, шаг за шагом отступая от гада ползучего.

— С Того света я, старая дура!!! Иметь тебя сейчас буду на образцы! — рявкнул потерявший терпение робот, подмигнул Русалочке нахальным блестящим и черным, как ягодка смородины, глазом и потянулся к шее старухи.

* По народному поверью, русалочка-утопленница обречена в веночек из осоки, а русалка-висельница — в веночек из древесных веток.

— Не «имать», а ловить! — по привычке поправила классная дама, потом, поняв смысл сказанного прозным Терминатором, подскочила на месте и, приволакивая искусственную костяную конечность, бросилась в бег.

— Лови ее! Дави ее! Имай и окружай! — заблажил механическим рыком страшный робот, потом начал зажимать себе громкоговоритель рукой, налудренной золотисто-желтой мазью, и, не выдержав, захохотал грубоватым мальчишеским голосом Ведьмушки: — Фас, Терминатор! Диннерветтер, Шварценеггер! Агу ее, агу!

Вместе с Ведьмушкой, самой находчивой из ее новых одноклассниц, разматывавшей с себя куски то ли кожи, то ли ткани, прозрачной и тонкой, засмеялась будто в луже поздней осенью, и Русалочка, освобождаясь от пережитого кошмара. Она подняла один лоскут необычной кожи, пошуршала им у себя над ухом — звук был совершенно незнакомым, хрустящим, — и спросила:

— Откуда у тебя... не знаю, как это называется?

— Литиленовая пенка. Я ее у Алхимика в кладовке сперла. У него целая поленица такой лежит — бери не хочу!

— Ты меня спасла, — растроганно сказала Русалочка. — Будем подружками! Давай я тебя обниму.

— Мы, Истикские ведьмы Шер, Прайффер, Сарандон и я, не любим... да что там, совершенно не выносим... нет, не так, просто ненавидим... когда нас не ласкают, не целуют и не лелеют! Почему я все еще необаянная, новенькая? — Ну хватит, хватит, пора приниматься за дело: нужно тихонько вернуть литиленовую пенку, пока Алхимик не обнаружил пропажу. Отойди, я сейчас буду звать собаку Баскервильей.

Поспешно спрятавшись за спину Ведьмушки, Русалочка приготовилась к встрече с ее любимцем, которого уже сегодня видела, когда

пса выгуливали утром. После оглушительного соловей-разбойничьего свиста будто ураган начался в чаще леса: затрещал сухой валежник, беспорядочно заколыхались кусты пахнущего клопами багульника, и на поляну выскочила громадная серого окраса сечарка, галопирующая, будто скакун горячих арабских кровей. С разгона она кинулась на грудь Ведьмушке, стоявшей в раскоряченной позе футбольного голкипера, принимающего одиннадцатиметровый, и принялась облизывать ей лицо и вилять хвостом. С трудом удер-

жавшись, чтобы не рухнуть назад, бойкая девчонка почесала за ухом у своей собаки, родившейся с шестью пальцами.

Со времен крещения Руси считается, что именно такой пёс, ярчук, может угадывать бесовское семя во внешне безобидных простых обывательницах. Поэтому вся нечистая сила панически боится ярчуков, кроме, разумеется, самой отчаянной — Ведьмушки, которая плевала и на родительский гнев, и на недовольство педагогов, и на угрозы других воспитанников приюта. Сначала она собиралась назвать щенка, выбранного в собачьем питомнике, но понравившегося ей своим потешным плоским видом, какой-нибудь устрашающей кличкой: Адольф, Чикатило, Иосиф, Джек-Потрошитель, Мао, — но потом передумала и назвала в честь совершенно безвредного по сравнению с ними негодяя, Хьюго Баскервиля, убийцы молодой английской леди.

— Хьюня, ты у меня ездовой собакой еще не служил, — сказала хозяйка, озабоченная предстоящей транспортировкой литиленовой пенки в кладовую Алхимика — Будем свинчас в чукчей играть, однако! Жаль только, что нарты отсутствуют. Или они «кортами» называются, ну, такие сани на полозьях! Ты не знаешь, Русалочка?

Она осматривала шуршащую, словно опавшие дубовые листья, псевдокожу в большой ворох и, потоптавшись на этой куче, что не привело к каким-нибудь заметным результатам, перевязала ее собачьим поводком, после чего сделала попытку пристроить поклажу на спину пса, но Сэр Баскервиль игриво увернулся.

— На строганину тебя пуши! Чукчи мы или не чукчи?! — пригрозила Ведьмушка и, подхватив лепой толчок, сама понесла его к зданию приюта, в левом крыле которого, полностью занимая подвал, находился кабинет химии.

Идти было недалеко. Девочки и уныло плетущийся за ними Хьюго миновали спортивную площадку, которая поросла голубыми барвинками, куриной слепотой и тысячелистником. Здесь Оборотень муштровал молодых вервольфов с веселыми янтарными глазами, хмельными от вольных игр, дружной компании и азарта. В учебный пень, торчавший посередине площадки, была вогнана остро заточенная «финка», и волчата беспорядочно кувыркались через него в попытках выполнить тройное сальто, ударяясь о землю толстыми, отъевшимися за каникулы животами при неудачном приземлении.

— Еще раз показываю вам, паршивцы! — рыкнул их матерый наставник. — Трижды переворачиваетесь в группировке и заканчиваете упражнение в такой позиции, чтобы морда оказалась повернутой к вольному солнцу. Ничего, я из вас сделаю настоящих людей, потому что в таком виде удобнее маскироваться!

— Зачем они прыгают? — осторожно заинтересовалась Русалочка, мучавшаяся вопросами: во-первых, как она сюда попала, и, во-вторых, кто эти существа, снующие кругом, но после жестокого урока Оборотня боявшаяся их задавать.

— Спортсмены! Им, чтобы волчий облик поменять

на человеческий, нужно три раза перекинуться через пень, в какой воткнут медный нож, да так, чтобы голова оказалась в стороне, откуда «светит месяц, светит ясный, светит полная луна».

Задли взвыл один из вервольфов, так как для повышения успеваемости Оборотень клыками стал рвать его за летнюю, без подшерстка, шкуру.

— Совсем озверел, — сказала Ведьмушка, но не очень громко, чтобы не связываться.

..В кабинете химии, куда подруги втащили пенку, Алхимик, старый, почтенного вида учитель, думал примерно то же самое:

— Лупус! Волк!

Увидев Хьюго Баскервиля, не отстававшего от хозяйки, он испуганно заметался по комнате с низкими закопченными потолками, пытаясь найти безопасное убежище, но застрел в углу меж двух длинных лабораторных столов, заставленных ретортами, штативами, алембиками, фарфоровыми и чугунными ступками. Тогда Алхимик дотянулся до круглой стеклянной колбы с тяжело, как масло, колыхнувшейся внутри бесцветной жидкостью, готовый плюнуть кислотой в морду зверю, если тот прыгнет. Спасая пса, Ведьмушка кинулась вперед и закрыла собой Хьюго.

— Господин Алхимик, это всего лишь собака! Безобидная немецкая овчарка, а никакой не волк, Хьюшка, поздоровайся с добрым господином. Лапу, дай лапу! Вот молодец, хороший песик!

— Ф-фу! А я подумал, что кто-то из выпускников, не к ночи о них будет сказано, явился «отблагодарить» меня за двойку по химии, — облеченно вздохнул старик. Он протиснулся наконец в узкую щель, но пожимать собачью лапу не стал, а подошел к пятилитровой бутылке, стоявшей на отдельном постаменте, на боку которой красовалась этикетка с черепом, двумя перекрещенными костями и крупно напечатанным официальным предостережением «Осторожно! Яд!», ниже которого корявыми печатными буквами сделали приписку «Spiritus» (стиртыга, школяры. Выгавон, значится!). Налив из бутылки в емкую мельхиоровую чарку, Алхимик добавил воды из-под крана и залпом выпил. На посудинке тоже были какие-то тексты, и чтобы приобщиться к их мудрости, Русалочка искоса незаметно стала разглядывать чарку. На ней в крупном медальоне с завитками стояла юбилейная дата, по случаю которой чеканился благодарный слав «200 лет поискам философского камня», а внутри на позолоченную стенку были нанесены рисунки «50 г», «100 г» и так далее до «250 г» — видимо, большего душа не принимала.

— Глаудамус — возрадуемся, что я допустил ошибку! Эррарэ хуманум эст — человеку свойственно ошибаться, — сказал Алхимик, имевший обыкновение выражать свои мысли при помощи ученой латыни, но, жалев студентов, каковые по нерадивости и лени могли еще не выучить языка, всегда сейчас же дословно переводивший сказанное. Он был чрезвычайно стар: катились по дряблым отвисшим щекам и исчезали среди седых волосков реденькой бородки слезы, выступившие не столько от крепкого спирта (ученики уже неоднократно подливали в емкость дистиллирован-

ной воды, чтоб скрыть убыль), сколько от душевного волнения; заметно дрожали руки с суставами-узлами, обтянутыми темной, напоминающей пергамент ветхих средневековых манускриптов, кожей в неярких старческих веснушках; профессорская мантия была потрепана и кое-где прожжена химикалиями, но рассеянный взгляд мутноватых глаз светился добротой, из-за которой Алхимик прослыл среди молодежи приюта «своим стариканом».

Ученый неверными шагами подошел к кафедре, сел в дубовое кресло, имевшее высокую неудобную резную спинку, и с внезапно проснувшимся исследовательским интересом обратился к Русалочке:

— Ты новенькая? Хомо новус?

— Да, она только сегодня утром прибыла, всего на этом свете боится, — ответила за свою робкую подругу Ведьмушка. — А как вы узнали, учитель?

— В ней не замечены переходные процессы. Видишь ли, пылкая отрочница, у полностью прошедших превращение русалок есть дифференциация сплцифика — отличительный признак: они не дышат. Ну, посудите сама, зачем в воде, их среде обитания, рудимент в виде легких? Дыхательные же функции организма сей девицы полностью не утрачены, эрго — следовательно — он еще не адаптировался, то есть твоя новая подружка находится в промежуточной стадии. Хотя, конечно, долго пребывать в таком неустойчивом положении она не сможет. Тэмпора мутантур эт нос мутамур ин иллис — времена меняются, и мы меняемся с ними.

— Ничего у вас не понять. Объяснили бы прямо: нелюдь она уже или все еще человек?

— «О, санкта симплицитас — святая простота!» Так сказал Ян Гус старушке, подкладывавшей щепки в костер, на котором его сжигали. Да сит ваниа азрбо — простится мне это выражение.

— «Святая» — неприличное слово, растлевающее молодежь!» Это я вам цитирую господина Оборотня, учитель, — рассудительно заметила Ведьмушка. — Мальчишки из параллельного класса написали это ругательство в туалете, так он заставил их вылизать стену языками.

— Не будем называть имен — номина сунт одиоза, — попросил Алхимик и потер свою челюсть, вспомнив, по-видимому, про какие-то свои педагогические конфликты с коллегой.

— Но, господин Оборотень...

— Помолчи, пожалуйста. Ты всегда казалась мне более разумной, чем другие фанатки, ворующие из лаборатории реактивы для изготовления своих омерзительных мазей с антигравитационным эффектом.

— Да что вы раскляпались? Давайте-ка я вам... как сказать на латыни «отец»?

— Патер.

— Давайте-ка я вам, патер, еще яда плесну.

Ведьмушка налила из бутылки в чарку Алхимика и хотела с воспитательной целью дать понюхать спирт Хьюго, но не успела, потому что лочувавший неладное ярчук мигом залез под стол и закрыл обеими передними лапами вытянутую морду с влажной «пилкой» носа, не желая повергать свое обоняние опасным опытам.

— Вот именно, — сказала ему хозяйка, — не пей, а то козленочком станешь!

Алхимик благосклонно принял от Ведьмушки чарку, но пить не стал, а, оставив в сторону, нацепил на нос смешные круглые очки, одна из линз которых треснула пополам.

— Подойди ко мне, дитя мое, я хотел бы тебя обследовать. Доцэндо дисцимус — уча, мы сами учимся.

Поискав среди колб и пробирок, наполненных то отливающей сильным металлическим блеском ртутью, то белым зернистым порошком поташа, используемым при выдувании стекла, а то и человеческой уриной, Алхимик вытащил из тигля неведомо как попавший туда медицинский стетоскоп — деревянную трубку с расширением на конце для прослушивания тонов сердца.

— Не пугайся, иди — патер, он невредный, — шепнула на ухо Русалочке ее подруга и покровительница, успевшая за длинный страшный день доказать ей свою преданность. Русалочка безбоязненно подошла к креслу ученого, а Ведьмушка занялась Сэром Баскервилем: уселась на него верхом и стала выбирать из его короткой шерсти репы.

— А впрочем... — протянул старый учитель, сунув стетоскоп обратно, но на этот раз по рассеянности не в тигель, а в глиняный с блестящей томпаково-бурой поливой горшок для кальцинанции, и взявшись за чарку, — в осмотре нет необходимости! Существование переходной фазы или стадии отрицать не приходится. Я, если вам угодно, и сам тому пример. Хлебнул по недосмотру вместо аква — воды...

— Врёте-с! Когда это вы одну голыную воду пили? Истина — в вине, — подала реплику Ведьмушка.

— Ну, хорошо — бенэ! Хлебнул по недосмотру вместо аква витэ — водки — эликсира бессмертия, над которым работал по заказу одной августейшей особы, и впал в состояние, подобное летаргии и на Том свете не умер, и на Этом не живу!

Старик грустно покачал головой и спросил Русалочку:

— Ты, наверное, до сих пор не понимаешь, что с тобой случилось и как ты оказалась в приюте?

— Нет, господин патер.

— Х-м, лучше называй меня магистром — учителем, да и величать мою недостойную персону ни к чему, так как познание природы — природы — через опыты не терпит светских церемоний: некогда, знаешь ли — то одно отфильтровать нужно, то у другого сухая возгонка заканчивается... А как ты себя чувствуешь, дитя мое?

— Мне все время плохо, магистр, болит в груди, и я почти ничего не могу вспомнить.

— Как называется материал, который похитила у меня твоя подруга?

— Литиленовая пленка. Ведьмушка хотела помочь мне, поэтому взяла ее без спроса. Иначе бы ни за что! — попыталась оправдаться Русалочка.

— Думаешь, дела обстоят именно таким образом? Ты славная, — улыбнулся мудрый старик, любивший научную юность. — А «полиэтиленовая пленка» — такое словосочетание — о чем-нибудь тебе говорит?

— Нет, я не знаю, что это такое.

— Действительно, у тебя амнезия — потеря памяти. Любопытный симптом! Говорил я лекарю Парашельсу, немцу океанному, что у особи, внезапно терпящей сознание, последние события в памяти не фиксируются — они как бы не успевают выкристаллизоваться и выпасть из раствора сознания, а сев ретроградус — идущий назад, а вернее, ошибочным путем, только ехидничал. Всегда аудитур это алызера парс — следует выслушать и другую сторону! Впрочем, я отвлекся. У тебя есть ко мне вопросы?

— Не знаю. Есть. А вы не деретесь, как Оборотень?

— Физкультурник, отъездив будку, которой может позавидовать ваша собака Хьюшка? Вот уж кого не люблю! Я не совершенство, но на него не похож; если ты об этом.

— Тогда скажите, почему сейчас на солнце лунные моря, а раньше были солнечные... забыла, что... пятки?

— Пятна. Ага, типичное противоречие ин адъекто — внутреннее противоречие типа «крошечная промадина» или «морская река». Видишь ли, в нашем море волчьим солнышком называют луну. Не хотелось бы тебя расстраивать, но, понимаешь ли, не знаю, как и сказать. Ты ведь утонула!

— Нет-нет-нет! Не хочу! Мамачка!

— Вспомнила? Именно так ты, наверное, кричала. Где вы купались?

— В старом карьере. В нем образовался пруд, потому что из-под земли бьют родники.

— Ну вот, фатум — судьба! Родниковая вода — ледяная, и не исключено, что у тебя мышцы свело судорогой. И ты попала на Тот свет. Хотя, необходимо заметить, что нежить и нелюди не называют подобным образом свой мир, а наоборот, считают, что они на этом свете, а на Том свете — живые люди.

— Я хочу вернуться! Я не буду у вас тут! Мне больно у вас здесь! Что для этого нужно сделать — отдать голос, онеметь?

— Сказок не читалась? Андерсена? Право голоса у тебя согласно конституции — мы на уроках истории проходили, — сказала Ведьмушка и, выдрав из шерсти собаки последний репей, не бросила его под стол, а прицелила на макушку Хьюго, как украшение.

— Может, все-таки останешься? — жалобным тоном спросила она заплакавшую Русалочку и слезла со спины Баскервиля, который сейчас же принялся яростно выскрести задней лапой бижутерию из релья. — С Чертенком бы познакомились. Это тот парень, который подкатил к нам мелким басом перед лабораторией — он нормальный! Да не хлопай ты! Что-нибудь сейчас придумаем! Патер, может она вернуться домой?

— Ну, в принципе, — ответил Алхимик, и снова, старый выпивоха, припал к чарке. — Экс либрис — из книг — известно, что если кто-нибудь на Том свете возьмет клык черного вепря сиречь дикого кабана и очертит тем клыком циркулус-крут, а в середине его волочет черную свечу, то затасанная в сей круг русалка возвращается в промежуточную фазу. То есть она будет там, на Том свете, ходить, но только как зомби: оные

лицо, окостенелые члены, тусклые немигающие глаза. В общем, радости мало!

— Думайте, думайте, господа ученый, не засыпайте, — стала тормозить его Ведьмушка, — а то опять на сто лет отключитесь. Что Русалочке нужно, чтобы вернуться?

— Сердце, человеческое сердце, «бессердешные» вы мои, если хотите осуществить обратный переход. Только где ж его взять? У кого оно есть — не отдаст, а кто готов отдать или продать свое сердце — так ведь нет сердца у того, — прошептал старик и ворохом тряпья обмяк-задремал в своем неудобном кресле, горестно морщась во сне.

— Сердце? — переспросила Ведьмушка, никогда не терявшая присутствия духа; сначала хотела уточнить еще что-то, но, поняв, что Алхимик не слышит, стала внимательно оглядываться вокруг, как будто среди химических реторт и перегонных кубов могло заваляться требуемое.

— Сейчас, сейчас, Русалочка!.. Сегодня у старших классов лабораторные работы были.

Она прошла вдоль ближайшего стола, нюхая содержимое пробирок и копаясь в больших пластмассовых ховетах, в которых лежали спутанные очески волос, волньи зубы, невероятной длинны из-за оголенных корней, и раскрошенные угольки от сожженных осиновых поленьев. Тут же валялся альбом-гербарий в кроваво-красном дерматиновом переплете: он был открыт на листах с пришитыми к ним ломкими стебельками травы-прикрышь, собранной в великоденский мясод и предназначенный для того, чтобы масово губить на свадьбах зазевавшихся невест — обучали в заведении широкопрофильно.

Взвизгнув от радости так, что у заснувшего на пару с Алхимиком Сэракобеля шерсть непроизвольно встала дыбом, Ведьмушка вытащила все из того же горшка для кальцинации, из какого торчала дудочка стетоскопа, крошечный, неопределенного пыльного цвета комочек и развернула его за перепончатые крылья.

— Что это за пакость? — отступая на шаг, спросила Русалочка, с отчаянной надеждой наблюдавшая за поисками подруги.

— Прелестная штука — сушеный нетопырь!

Угадав по растерянному выражению ее лица, что Русалочка не разделяет восторга, она пояснила:

— Да мышь это летучая, которую поймали на чердаке и, отвинтив голову, проявили в хорошо проветриваемом помещении. У нас задание на летние каникулы дают: к первому сентября принести трех мышей, двух жаб, желательно с бородавками, и, на выбор, медянку или другую ядовитую змею. Со мной за партию одна дура сидит, так она принесла безобидного ужа, замазала ему желтые пятна чернилами и этикетку подвесила к хвосту. «Гадюка». Теперь ее иначе, как «хидрига», и не называют.

— Послушай, Ведьмушка, как мне может помочь сушеный нетопырь?

— У него сердце есть во внутренностях? Есть! Их никто не соглашается потрошить — уж очень мелкие,

не то что черные коты. Вот уж кто смердит, если не препарировать!

— Не думаю, что мне может подойти сердце летучей мыши.

— Мы его в спиритусе размочим и растянем.

— А мне не придется спать аниз головой на спинке кровати и ориентироваться при помощи ультразвукового биолокатора?

— Пожалуй, этого я не учла, — сдалась Ведьмушка. — Может, тебе вообще без сердца обойтись? Сколько так живут! Да не плачь, а то мне так тебя жалко, что погода портиться начинает, черт поберит!

За стенами подвала, действительно, рычал ветер поднимающейся бури, потом в давно немые, испитанные сажей окошки замолотил крупный дождь, и из дальнего угла поднялась в воздух забытая кем-то колода игральных карт атласными «рубашками» аниз, построилась в журавлиный клин по мастям и полетела к выходу, где ее насмешливым взглядом проводил появившийся в дверном проеме пригожий парень — чернобровый, чернокожий, черноусый и чернокудрый. Больше всего он походил на украинского парубка, собиравшегося обобрать спелую черешню в садочке у соседской хаты — что-то лихое, веселое и чертовски привлекательное было во всем его облике.

— Ага, наша Ведьмушка опять бесится, — сказал он, не здороваясь, и хотел щелкнуть по последней из улетающих карт — даме пик, но та, сделав мертвую петлю, увернулась от него. Тогда парубок подскочил к девчонкам, приобнял их обеих за тоненькие талии, а Ведьмушку чмокнул в щеку. — Звали меня?

— Изыди! — сердито крикнула подружка Русалочки, но, не выдержав взятого тона, улыбнулась. — Звали не звали, а ты уже и рад стараться, Чертенок.

— Просто рад! Где две красивые девушки — там и Черт! Мне по регламенту положено здесь быть.

— Какой он дисциплинированный, прямо отлич-

ник или стипендиат! Можно подумать, что это не ты удобрил святой водой сортовые могильные бархатцы и астры в парниках, после чего все они стали одинаковыми — крестоцветными, дикой редькой то есть.

— Ты бы еще вспомнила, как я гномам колпаки поменял, а они решили, что Ульрь их околпачил, и побили его. Кинокомедия была! Давай сатанинским хохотом смеяться. Будешь с нами, новенькая?

— Нам не до смеха. Русалонку домой нужно вернуть, а старец в «отключке». Ты должен его в чувства привести, чтобы совет дал.

— Так точно, мой генерал, не в первый раз! — отковырял Чертенок. — Видишь склянку на книжной

полочке, справа от Вергилия, но левее Сенеки? Подай же мне.

Ведьмушка дотянулась до полок, вынула притертую пробку из пузырька и передала его своему приятелю. Под столом завозился Сэр Баскервиль, а потом опрометью бросился вон из лаборатории.

— Делириум тризна — белая горячка, — поставил себе диагноз Алхимик, очнувшийся и даже слегка протрезвевший от запахового удара нашатырного спирта, которым ему намазали бородку. — Черти мерещатся!

Чертенюк, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, разразился сатанинским хохотом, как ему давно мечталось.

— Патер, заменить Русалочке сердце мы не смогли, — сказала Ведьмушка, не отвлекаясь на забавы от главной цели, потому что она просто кожей чувствовала, что время у Русалочки заканчивается новенькая совсем уж побледила и все хваталась за горло руками. — Скажите, а как в таких случаях поступают в ее мире?

— Не знаю точно. Скорее всего, с утонувшими проводят комплекс реанимационных действий: первоначально — искусственное дыхание и непрямой массаж сердечной мышцы, а если не помогает, то специальным электроразрядником «запускают» сердце вновь, мутатис муандис — изменяя то, что следует изменить. Горючую судьбу, к примеру.

— Молния — она ведь электрическая?

— Да, конечно.

— Если молния ударит в русалочье сердце, мертвое, прозрачное и холодное, забьется оно на Том свете?

— Не знаю, деточка.

— Нечего тут сомневаться! У нее переходная фаза подходит к концу: она уже не дышит! Ведь к концу подходит, да?

— К сожалению, ты права.

Ведьмушка гордо выпрямилась, в ее полуночных глазах засверкали крошечные зеленые болотные огоньки и, хотя она была воплощением дерзкой беснечной весны, по юному лицу заскользили тени страстного зрелого женского лета, печальной мудрости осени и холодного равнодушия зимы — старости, так что на мгновение стало видно, какой Ведьмушка станет: блистательной, великопеленной и завораживающе-прекрасной.

— Испепели ей сердце! — приказала она Чертенюку.

— Не могу я так сразу. Мне разозлиться нужно.

— Это сейчас! Это пожалуйста! — сказала Ведьмушка и слегка наступила ему на хвост.

***

Русалочку медленно затягивало в глубину, спущавшуюся до черной беспросветности, и вода, плотная, будто студень, какого-то мертвенно-полубого оттенка, напоминающего раствор дешевой синьки для полоскания белья, давила на оскоренное тельце, мешая не только всплыть, но и пошевелиться.

— Мамочка! — воплинула она и открыла глаза.

Справа от высокой кровати-каталки на металлическом никелированном стояке висел полупустой рыбий пузырь капельницы, из которой тянулась трубоч-

ка к ее руке, неподвижно и как бы отдельно, словно она была чужая, лежавший поверх простыни, простеганной в уголке буквами «КРБ» — «Красногорская районная больница». Окна в палатке, несмотря на теплое буйство июля, были закрыты, и о стекло билась обезумевшая муха, неведомо как залетевшая в стерильно чистую комнату, какую несколько оживляло нарисованное масляными красками панно на торцовой стене, изображающее лесную поляну в окружении колючих хмурых елей и величественный кедр с натуралистично выписанными шишками, чья макушка подпирала небесную твердь. Рядом с каталкой на столике громоздились несколько приборов, на экране одного, в такт ритму сердца, пульсировала светящаяся осциллографическая кривая.

— Ну, что ты, миленькая, всполошилась? Здесь твоя родительница — в приемном покое ждет. Извелась вой, — мягко сказала старушка-санитарка, мывшая пол, покрытый линолеумом с растительным декором, напоминающим зелено-пестрый ковер из мха и трав. Скрооченными артритными пальцами санитарка, отставив в сторону швабру с мокрой тряпкой, подоткнула простыню, край которой сполз с кровати.

— Вы мадам Яга? — нерешительно спросила Русалочка.

— Да какая же из меня мадам: что я тебе, главврача наша? И Иванушек я сегодня всего только трех пожарила и съела, — пошутила санитарка. — Ой, что-то ты не в себе, девчонка — заговариваешься! Пойду-ка я докторицу кликну.

— Не нужно, — слабым голосом попросила Русалочка. — Лучше скажите, бабушка, где я?

— В «рюманимации», как мой старик говорит — ему, алкоголику проклятому, всюду рюмки мерещатся. Нахрется и медицинский справочник на завалянке вслух читает, даром что там половина не порусски написана, а на этой... на латынице. Хфилософ! И хоть заорис на него.

— А как я сюда попала?

— На «охорой», дорогуша, на «окорой» тебя привезли. Сколь с тобой отваживались: и кислородом дули, и током шибали, но все же таки вытащили с того света. Теперича до ста лет жить будешь, если только снова глупостей не натворишь.

— Что я сделала? — коротко спросила Русалочка, у которой не хватало сил на пространные разговоры.

— Ведь как есть утонула, — сказала словоохотливая санитарка. — Скажи спасибо, что девчонка с парнишкой, какие миловались у старого карьера, вытянули тебя из воды.

— Не помню их.

— Ну, девчонка-то — чистая ведьмушка, такой только — верхом на помело да на Лысую гору шабашевать: смуглая, волос, как воронье крыло, и на язык бойкущая — всех тут уже обругала, чтоб шевелились, тебя спасаючи. И мальчишка ей под стать! Веришь ли, мимо проходий, так за ягодицу щипнул старшу медсестру. Да вот же они — под окном маячат! Тоже дожидаются, когда ты очнешься. Ох-хо-хонюшки, помани черта — он тут как тут!

Тайна острова Соснового

Этим летом воспитанники Черноисточинского районного детского дома творчества вместе с директором Анной Антониновной Рогожиной несколько раз плавали на весельных лодках по Черноисточинскому пруду на остров Сосновый. Он находится в юго-западной части в группе островов: Березовый, Липовый, Кедровый. По другим источникам острова называются: Лешаков, Радионов, Ивойлов, и самый большой из них — Сосновый. Этот остров окутан легендами и преданиями, связанными с чеканкой фальшивых серебряных монет во времена заводчиков Демидовых. Известно, что где-то на острове прячутся остатки фундамента, на котором, якобы, стоял демидовский дом. На поиски этого загадочного фундамента и отправились школьники. Безветренная погода благоприятствовала двухчасовому путешествию.

Судя по литературным источникам, события на Сосновом острове развивались следующим образом. Первый, кто упоминает о нем — немецкий путешественник Петр Лаллас, который посетил Черноисточинский завод в 1770 году. В книге «Путешествие по разным местам Российского государства» он, со слов местных жителей, пишет о построенном на одном из островов летнем домике, перенесенном впоследствии на Нижнетагильский завод.

Не на пустом месте слагались легенды. Заводской люд видел, как богатело царство Демидовых. Потому и поплотали слухи, передаваясь из поколения в поколение, и дошли до наших времен.

Наслышан был об этих загадочных островах и уральский писатель Д.Н.Мамин-Сибиряк. В очерке «Платина», написанном в 1890 году, Дмитрий Наркисович рассказывает такую трагическую историю: «В дальнем конце Черноисточинского озера есть несколько островков, на которых жил какой-то из Демидовых, в Выйском музее хранится старинный шкаф, вывезенный с этого острова. Припомню слышанный еще в детстве рассказ, что Демидов похоронил заживо на этих островах красавицу жену, насколько это верно, не умею сказать».

В словаре Верхотурского уезда, составленном в 1910 году географом и исследователем Урала И.Я.Кривошековым, говорится, что жил Акинфий Демидов на

острове Сосновом, и там у него был построен дом. Много легенд сохранилось об этом доме, и имеют они характер преимущественно драматический.

В справочной книге историка О.Н.Доброхотова «Урал», выпущенной в Петрограде в 1917 году, в главе, рассказывающей о внешнем виде Нижнетагильского завода, есть такая запись: «Из старинных зданий обращает внимание находящееся около главной заводской конторы деревянное здание, перенесенное сюда с одного из островов Черноисточинского озера. В этом доме в тиши уединения жил владелец Тагильской вотчины Акинфий Никитич Демидов».

В Путеводителе по Уралу, выпущенном в 1927 году под редакцией Л.М. Каптерова, также есть строки о Сосновом острове. Все легенды в основном сводятся к одному: якобы Демидовы на острове Сосновом чеканили фальшивые монеты. Есть и такая версия: когда в 1848 году был построен Ушковский канал, уровень воды в Черноисточинском пруду поднялся, затопив весь демидовский тайный монетный двор.

В «Записках историко-бытового отдела Государственного Русского музея» за 1832-й год историк М.Крутиков утверждал: «Резиденция Демидовых, помещавшаяся сначала в Невьянске, перешла отсюда сперва в Черноисточинский завод, а потом в Нижнетагильский завод, где оставалась до последнего времени».

Одну из легенд в 1940 году использовал писатель Евгений Федоров в своем романе-трилогии «Каменный пояс»: «Решил Акинфий Демидов тайно

Таинственный фундамент на острове Сосновом.

Вид с острова сосновый на Белую гору.

испытать на серебро колыванскую медь. Место для этого выбрал глухое, пустынное — лесистый остров на Черноисточинском озере. Оно было глубоко, прозрачно, на дне видны окаменелые коряги. В зиму на остров забегали голодные волные стаи, грызлись, выли; летом на острове хлопотали крикливые гуси да кричали утки. Акинфий Демидов на душегубке приплыл на остров, исходил и осмотрел его вдоль и поперек. Место глухое, разбойничье: по ночам густые туманы. Под маячной сосной выросла в землю мшистая охотничья избушка. По наказу Акинфия Никитича привезли на остров тульского доменщика, сложил он из камня при избушке малую домницу. Когда печурка просохла, на остров тайно доставили медь да старика литейщика, знавшего толк в благородных металлах. Серебро, наконец, выплавил. Старик отлил слиток, положил перед Демидовым...

Так легенда о чеканке фальшивых серебряных монет стала народным достоянием.

Воспроизводит предание и тагильский краевед С.Н.Панкратов, автор книги «Туристскими тропами», изданной в 1949 году. «На Сосновом острове еще до недавнего времени сохранялись остатки каменного фундамента от бывшей здесь резиденции одного из Демидовых. Есть сказ, повествующий о работавших здесь самодельных станках для чеканки фальшивых монет, о колодниках, сюда загнанных, о каторжном труде. Остатки фундамента затянула глухая поросль крапивы, репья, лебеды. Необычный для тагильских лесов тополь охраняет руины далекого прошлого».

Случайно я узнал, что бывший учитель черноисточинской школы Виктор Гаврилович Никитин однажды сопровождал на острова группу исследователей из Екатеринбурга. Отправился я к нему, но после встречи вопросов не убавилось. Вот что он мне поведал:

«Это было в 1956 году, как раз я лодочный мотор купил. Председатель поселкового совета попросил меня отвезти группу ученых на мыс Крутики для исследования мезолитических стоянок человека. На Черноисточинском пруду штормило, из-за высоких волн поплыли около берега к острову Сосновому, там

и остались ночевать. Ночью у костра зашел разговор о Демидовых».

«Еще до образования пруда, — продолжал рассказывать Виктор Гаврилович, — вокруг острова были топкие болота, только со стороны гор, по перекату речки Каменки, вела на остров тропка. В этом месте и решил Демидов испытать Калатинскую медь. (Калата — после 1935 года город Кировград в Свердловской области. В 1812 году на базе месторождений меди построен Калатинский медеплавильный завод.) На острове были сооружены вагранки для плавки меди. Сначала была испытана медь на острове, а затем продолжена плавка меди и чеканка монет в Невьянске. Постройки на острове из плитняка долгое время сохранялись, пока местные жители не развезли их для хозяйственных нужд. Долгое время находился там и глубокий погреб. Рядом лежали кованые цепи...»

Итак, юные следопыты приплыли к Сосновому острову. Что же он представляет сегодня? Остров полностью покрыт молодыми деревьями сосной, березой, всякого рода кустарниками и всевозможной травой. В северной стороне от черноствольных и плотно сомкнутых крон липы даже в солнечный день необычайно темно. С южной стороны острова растет одиноко стоящая сона, как символ, давший название острову, и как память о легендарных событиях, полных тайн и загадок.

Берега на всем протяжении острова каменные, от набегающих волн они замшели и стали скользкими. Отоводоуду с побережья острова открывается вид на синие вдалеке горы.

Ежегодно остров посещают отдыхающие и рыбаки, после себя они оставляют множество бытовых отходов и груды мусора, рубят деревья... А остров, как известно, находится на питьевом пруду. Это — один из вопросов охраны природы.

На южной окраине острова в глухой поросли кустарника ребята нашли-таки каменный фундамент. Под действием времени он со всех сторон оброс зеленым мхом. Сложен из прибрежных камней, проложенных цементным раствором. Размер его составил 6 на 5 метров, при высоте 0,5 метра. Противоположная часть фундамента ушла в грунт или не была уложена? На первый взгляд, работы велись не более ста лет назад. Это и навело на мысль, что на этом фундаменте никогда не стоял дом, он даже и не доведен до конца. Об этом говорит и груда собранных камней и неиспользованный закаменелый цемент.

В свое время при Черноисточинском заводе находилась обширная лесная дача для заготовки дров и топлива. С острова обширный вид на лесные просторы. Возможно, начали возводить дом лесника, но по какой-то причине строить раздумали. А фундамент, сохранившийся здесь до наших дней, взял на себя отголоски легенд и преданий о таинственном острове Сосновом.

В свое время при Черноисточинском заводе находилась обширная лесная дача для заготовки дров и топлива. С острова обширный вид на лесные просторы. Возможно, начали возводить дом лесника, но по какой-то причине строить раздумали. А фундамент, сохранившийся здесь до наших дней, взял на себя отголоски легенд и преданий о таинственном острове Сосновом.

КОНДИНСКАЯ ПРОТОКА

Трудно сосредоточиться на чтении, когда думаешь о чем-то своем. Читаешь-читаешь, потом попадает на глаза фраза, и мысли скачут уже далеко, и ты уже не понимаешь автора, лишь глаза продолжают сканировать строчку за строчкой. Вот и сейчас, читая в душном купе американский детектив, наткнулся на строку: «Она отреагировала как мучело рыбы на блесну» — образно, качественно, но читать дальше я уже не смог. На рыбалку едем, на севера. Множественное число усиливает бескрайность просторов. На север! На север!

Кто-то из нашей компании сказал: «Рыбалка начинается со сборов». Как точно: уже ни о чем не думается, все разговоры переходят на одну тему, даже сны начинают сниться про спиннинг. «Спиннинг, nothing more than spinning» — по-английски запело поездное радио.

Сколько ни ездил в места глухие, рыбные, где «рыба прет валом», ни разу не был свидетелем «валоперения», ну разве что заставал безотказный клев некрупных хищников. Думаю, что рыбаки сильно преувеличивают оттого, что сложно описать словами, как было здорово. Вот и растет вес пойманных щук, тайменей, акул, скалярий.

Мы взяли с собой, помимо видеокамеры, электронный безмен — «чтоб не свистеть», как сказал наш бывалый Паша. Безмен, кстати, сам «на свистывал», выдавая ошибку в два-три процента.

Медленный поезд, жара в купе, убогость северных полустанков,

припорошенная снегом Сагра, а настроение все равно радостное. На север! Разговоры стихают, все погружаются в сладкий, как в детстве, сон накануне праздника.

На утро сборы и заботы пронеслись сверхзвуковым истребителем. Растаял инверсионный след нервозности пересадок. И мчит нашу команду тудяга «Волга», наматывая на колеса километры северных дорог. Только в шорохе шин слышится: скорей, скорей, скорей!

По совету радушно встретивших нас знакомых отправляемся на ближайшую протоку — говорят, там недавно отлично ловили. До речки километр пешком. Тайга сбросила осенний убор, только лиственницы острыми огненными пирамидками выделяются из однообразного пейзажа. Вода в реке прозрачная, берег сухой, течение не сильное. Плавный взмах — речка всего метров 30 — блесна приводняется у противоположного берега. Течение прогибает леску в отлогую дугу, небольшая пауза, подмотка, уже видно, как переваливается с боку на бок, лениво двигаясь вдоль береговой бровки, проверенная серебряная

приманка. Шустрый щуренок атаковал на последних метрах проводки. Рука, почувствовав удар, азартно подсекла, блесенка вылетела из воды и камнем полетела мне в лоб. Пришлось конфузливо увернуться.

Вдоль прибрежной линии безотказно плавала мелкая щука. Ее интересовало все — силиконовый вопросительный знак — твистер, виртуозно исполняющий в воде танец аксеновских стилиг, ленивый блеск копебалки, шатающаяся погремушка воблера, бешеная турбулентность пропеллера «вертушки». Попытки применять «тяжелую артиллерию» — ловить на крупную приманку, отсекая тем самым мелочь, были успешны только наполовину: отсекали мелочь.

«Надо было взять Ультралайт, ехали мы так далеко» — положив свои слова на мелодию знаменитой Сулико во все горло заорал я. «Собирайся, Карузо, — крикнул мне Сергей, — едем на другую реку», «Слава Богу, не Филипп Киркоров», — по-дружески огрызнулся я и, не делая прощального заброса, быстро сложил свой старенький «Loomis». Сергей, зачинщик нашего приключения, был здесь год назад, он ловил успешно — я видел фотографии, правда, был на другой протоке, куда мы и отправились, несколько растеряв прежнее оживление.

Вторая протока оказалась километрах в пяти от дороги. Путь лежал через болото, и вышли мы, все перепачканные грязью, к неширокой мутной реке с крутым скользким берегом. Ветер, вездесущий дух открытой местности, слегка ошупал наши одежды, но, наткаясь на «гортексы» и «флисы», не стал раскрывать свои холодные объятия.

Выбранное мною место было ямой с характерной предьямной бровкой. Третий заброс, после ко-

роткой паузы в проводке, принес долгожданный тычок. Живая сила загнула тоненький углепластиковый хлыстик, недовольно забурчал фрикцион катушки. «Килограмма на два держу!», — весело крикнул друзьям, хотя отчетливо понимал, что рыба мелче. Ажиотажа очень хотелось!

Берег крутой, скользкий, грязь. Брать рыбу рукой очень неудобно. Да и левая рука еще только первый день без гипса — был перелом. Выход один: утомить рыбу на расстоянии 3-4 метров от берега и уже успокоившуюся аккуратно затаскивать на береговую линию. Лесочку я так и оставил тоненькую: будет отменный клев — поменяю. Знаю: человек, не видевший вываживания «деликатным» спиннингом, не имеет представления о красоте и изящности этого зрелища. По сравнению с отточенным мастерством думающего спиннингиста ловля грубой кондовой снастью, простите за язык тинейджеров, — бычья тяга.

Ловиться стало и у остальной компании, расположившейся метрах в ста ниже: постоянно слышались шлепки хвостов, радостный возглас и треск фрикциона.

Подобного поведения щуки я не встречал никогда. Рыба брала на чистом месте, в самой середине реки. Хватку провоцировала самая вялая анимация приманки. Удивительным было и то, что поклевки следовали из зон уже достаточно обловленных, замолчавших было и вдруг опять заработавших. Рыба двигалась по реке. Это подтверждали местные рыболовы, ко-

торым трудно отказать в знании повадок рыбы, несмотря на полное отсутствие «культуры спиннинга».

Электронный безмен эксплуатировался вовсю — на равнодушном дисплее загорались заветные цифры: 3.400, 4.800, 5.300. Большую часть рыбы отпустили обратно; раненую, имея возможность обработать и довести до дома, договорились брать. И хотя поймали уже немало, все сходится во мнении, что клев вялый, поклевки осторожны — рыба цепляется за крючок самым краем пасти. Я так и не удосужился поставить стальной поводок и леску потолще — рыба клюет осторожно и вряд ли заглотит приманку глубоко. Маленькая, с рубинчиком посередине, купленная недавно в столице финская чудоблесна плюхнулась в воду под противоположным берегом. Она попала в ту самую воду, в которую нельзя войти дважды. Кто-то мягко остановил приманку, после короткой подсечки невозмутимая сила повела поющую от натуги лесочку против течения.

Есть! Вот ради чего удильщик готов отправиться к черту на рога, терпеть холода, жару, гнус. Сейчас главное — побороть в себе первобытный азарт дикаря, желание скорее овладеть добычей. Леска не держит на разрыв и трети веса рыбы — это факт. При особо сильных рывках помогаю фрикциону, разматывая катушку в обратную сторону. Прием рискованный, но — слава Посейдону — отработанный. Друзья бросили ловлю, стоят на вершине обрывистого берега, как на

трибунах. Чувствую себя минимум Сарой Бернар. Тоненькие очки сползли на нос (им вскорее судьба уготовила попасть под неосторожный каблук), ноги, перепачканные грязью, скользят на предательской глине. Щука, угодив на крючок, ведет себя согласно щучьему образу жизни. Охотится она, спринтерски бросаясь из засады, вот и сейчас: бросок – отдых.

Большая рыба стала уставать, она уже дважды позволила разглядеть себя. И, словно услышав удивленный восторг человеческих голосов, дважды торпедой устремлялась прочь от берега. Вой катушки сопровождал напрасное бегство, отнимая у щуки последние силы. Раз от раза рыбки становились слабее...

Дальше неинтересно. Уставшую и покоровшуюся судьбе хищницу предельно осторожно подвел к мели, сверкнула пика багра, и поверженный речной исполин был безжалостно вытаскен на берег. Багор тяжело ранил рыбу. Каюсь – таких патриархов нужно отпускать жить.

Раны, нанесенные крючком приманки, отнюдь не опасны для щуки. Но что случилось в пылу борьбы уже не изменишь. Я дал себе слово никогда больше не пользоваться багром. Принцип «поймал – отпустил» давно норма в цивилизованном мире. Это трудно понять русскому мужику

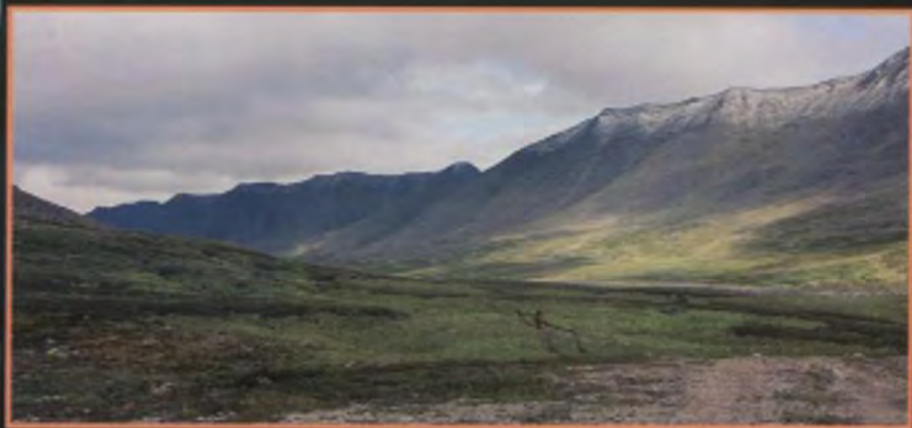

с его деревянным умустройем. Но ведь опытный тавжик, который не губит понапрасну ни рыбу, ни зверя – тоже русский мужик. А те антропоморфные существа, которые жадно халают убитую динамитом или током рыбу – не люди, и с ними надо бороться всем миром.

Потом за окном пассажирского парили белые хлопья, поезд увозил нас в слякотный предзимний Екатеринбург. Торжество победы сменялось пронзительным состраданием, а страсть охотника предвещала восторг будущих поединков. Как сложен устроен человек!

хребет Россомаша

путь к перевалу

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал
- * Городской пейзаж
- * Миды — уральские
- * Заросшие территории
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съемки (если известно)
- * Район, запечатленный на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон

- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, .tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

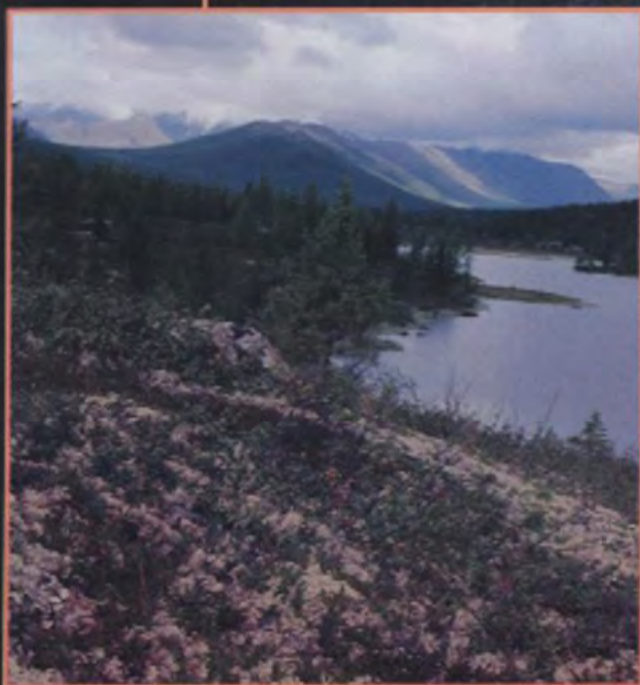
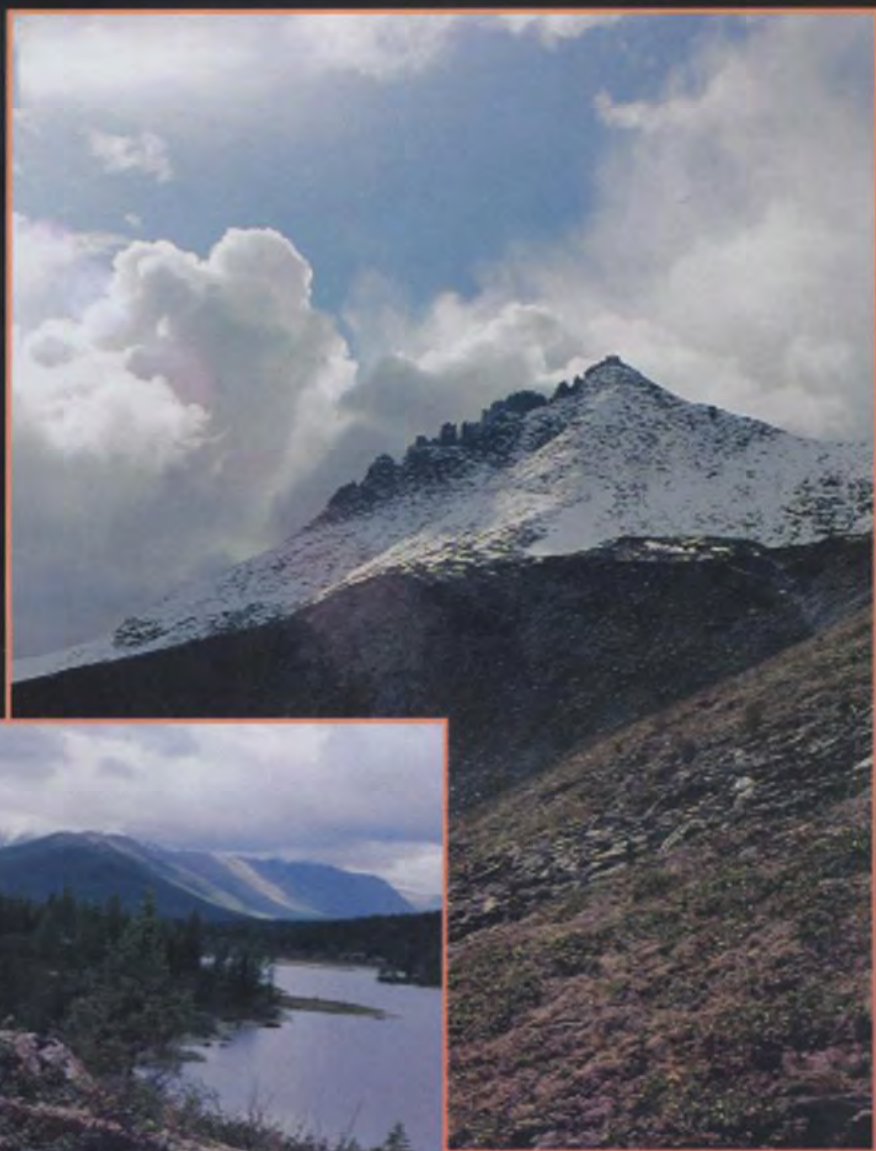
Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

УРАЛ - ГОРНАЯ СТРАНА

самая знаменитая и красивая вершина Урала - Манарага

горная тундра

Экспедиция на пик Уральского следоцвета
Приполярный Урал, лето 2002 г.

Победитель фотоконкурса Олег Новоселов

Виктор МИХАЙЛЕНКО,
фото автора,
Александра СВЕШНИКОВА

В краю заповедной

(путевые, дневниковые
записи
по экспедиции 2000 г)

Печоры

Об Урале мы с Сашей стали поговаривать года три назад. Никто из нашей группы там не бывал. Представление составлялось по лаконичным описаниям туристских маршрутов, книгам людей, влюбленных в этот край, исходивших его своими ногами...

Из ка
выбрали
предполо
дится уп
до Усть-
вверх по
Большой
тикилом
истоку р
до реки
исходно

После
территор
рос о ре
Свешни
режиссер
и докум
другой к
действит
Михайле
строк.
19 ию
Вечером
кая, Влад

Экспедиция

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

20

Из книги описаний маршрутов «Север» мы выбрали — «На гору каменных идолов». Маршрут предполагал добраться от посёлка Якша, где находится управление Печоро-Ильинского заповедника, до Усть-Унья — это 80 км по проселку или 140 км вверх по реке Печоре. Оттуда — подъем до реки Большой Порожной, откуда начинается семидесятикилометровый путь в горы к каменным останцам, истоку реки Печоры и обратно. Затем сплав вниз до реки Елмы, и опять по реке вниз через тайгу до исходного пункта.

Поскольку маршрут в основном пролегал по территории заповедника, Саша заранее решал вопрос о разрешении его прохождения. Александр Свешников — наше объединяющее начало, кинорежиссёр, создатель нескольких десятков игровых и документальных фильмов. Виктор Федченков — другой кинооператор, практик конструктивных идей, действительно заведующий хозяйством. Виктор Михайленко — ассистент режиссера, автор этих строк.

19 июня. Рано утром мы выезжаем из Москвы. Вечером на спидометре 812 км. Позади Московская, Владимирская, Нижегородская области. Ночевка

в Кировской, недалеко от лесного озера. В лесу хорошо. После прошедшего дождика столько запахов! Вокруг сосны, березы. Цветут шиповник, брусника. На открытых местах у шоссе попадаются уже спелые ягоды земляники.

20 июня. За окном машины сплажено-холмистая местность. Перелески, поля... Немало их пустоет. Через дорогу узнаешь черты современной России: бесконечные харчевни, закусочные, торговля всевозможными товарами. Часты заправочные станции. Как будто сюда переместилась работа с крестьянских полей. Что осталось от всегдашней крестьянской страны, колхозных хозяйств?

21 июня. К полудню мы в Сыктывкаре. Радуют тут и просторные чистые улицы, и красивые дома, большинство которых со своим рисунком в оформлении и архитектурным своеобразием элементов — при общем стиле района, города. Приятна была и доброжелательность людей, к кому мы обращались. В центральном книжном магазине Саша покупает совсем недорогие листы карт по городу и республике, а я — маленькую книжечку Романа Ласукова «Звери и их следы», изданную в Москве. В школьные годы я мог лишь мечтать о чем-либо подобном.

Дороги в Коми в ухоженном состоянии со всеми необходимыми знаками, указателями и даже пожеланием «жить долго». По обочинам стоят десятки памятников разбившимся шоферам.

Вдоль песчаной дороги Ухта — Троицк — Печорск по обеим сторонам тянется газопровод. Трубы протянули через лес, болота. Их клали на деревянные опоры, которые со временем подгнивают, и трубы прогибаются под своей тяжестью. На ряде участков верховых сырых болот прогиб их таков, что, местами они ушли под воду, в торф на метр. А если в этих местах прорыв, как к ним подобраться?

22 июня. Сегодня на пути предстала такая картина: недалеко от дороги поднимающийся черный коптящий дым над большой огражденной территорией, внутри которой почерневшие строения, вышки. Первая мысль — сгоревшая зона заключения. Подходим ближе, через дым я различаю специальные сооружения для какого-то технологического процесса. Оказывается — сажевый завод. На сотни метров вокруг на всем лежит сажа. Растительность приобрела грязно-серый цвет, врезаясь черной язвой в зеленое тело лесов.

От Троицка-Печорска стали встречаться кедры. Доезжаем до Комсомольска-на-Печоре. Река недалеко, но с дороги ее не видно. Здесь последняя на пути автозаправка.

Вечером мы на берегу Печоры, в поселке Якша. До встречи думалось: «Какая она — Печора?». Я знал, что она берет свое начало в Уральских горах и за 1800 км несет воды к океану. Читал о ней в описании, по карте видел ее путь, но почувствовать реку можно только прожив с нею. А в этот первый вечер перед нами открылась речная гладь, под которой чувствовались течение и сила.

Здесь Якшинский участок заповедника. Он небольшой — 15,8 тыс.га. Главный же — Уральский участок в 705,5 тыс.га — лежит восточнее, в междуречье верховья Печоры и ее крупного правого притока — Илыча. Восточная его граница вытянута вдоль главного Уральского хребта, называемого Коренным Поясом Камнем. За ним уже Азия.

23 июня. Узнали, что директор заповедника будет через три дня. Ребята определяют с местом стоянки. Оно оказывается у дома директора музея заповедника, Ирины Николаевны Сивохи. Вечером после разбора и подготовки вещей к маршруту, мы

Печоро-Ильчский заповедник.

в ее доме. Знакомимся с ней, ее мужем Сергеем. А дальше — живое человеческое общение.

Ирина Николаевна в заповедник приехала с низовья Оби, из г. Салехарда, где она жила с родителями. Окончила звероводческий техникум. Хотелось интересной работы. Тогда и написала письмо в заповедник.

— В то время, а я работаю здесь уже двадцать лет, — говорит Ирина, — писем с просьбой принять на работу, порой даже в любой должности за небольшую плату, приходило до 600 в месяц. Почему-то ответили и предложили работу именно мне. Работала на созданной здесь, единственной в стране лосеферме.

Ее муж Сергей приехал сюда из Калининграда. На вопрос «Что позвало?», отвечает:

— Романтиком был.

Сейчас у них дочь, только что окончившая школу, но не видится, что романтиками они остались.

— А поселок Якша давно существует?

— Вообще, заселение этих мест (верхней Печоры) началось приблизительно 300 лет назад и было вызвано пересечением торговых путей. С юга, с

Верхнекамского (Чердынского) края, на Печору доставляли хлеб, обратно везли рыбу, пушнину... По разным сведениям, основание Якшинской пристани относят к 1770 и 1784 годам.

За разговором Ирина Николаевна угощает нас чаем со смородиновым вареньем. Мы спрашиваем об интересном, о том, что не пропустить бы на маршруте, о людях на кордоне, зверях в тайге... О последних Ирина с Сергеем могут рассказать немало.

— Зимой, бывает, и на дорогах волков встречают, машиной даже сбивают. Волки не любят отвращивать в снег. Троице подросткам пришлось от волчьей стаи на деревья забраться, тем и спаслись. Осенью, зимой они в поселок приходят. Бывает, прямо с цепей уносят собак. Или уводят, если собака бежит без привязи, как случилось с нашей собакой в 94 году...

Пса, а у нас лаечка была, мы на цепи держали, а зимой отпускали. А тут в загороде, в сетке он стал проситься на волю. Лищит, лищит. Мы его отпустили на ночь. На берегу у него смотровая площадка на реку, где он подходит к дому охранял. На следующий день мы его дозваться не можем. Решили, что он загулял, а значит, придет через неделю. Проходит день, другой, и тут научный сотрудник Сергей Михайлович Сокольский приходит ко мне и говорит:

— Ирина, вы песика не потеряли?

А я:

— Да где-то гуляет.

Он мне показывает хвостик от песика и его ошей-

ник. Ну, естественно, я как хвостик увидела, так в слезы. Оказалось, что когда мы нашего песика выпустили (его Яшка звали), пара волков, самец и самка, ночью в тот же день его позвали. Причем волчица поиграть позвала. Он вышел к ним, на речку спустился, они тут с ним играли. Мы потом все по следам высчитали, просчитали. Какое-то расстояние они бежали с ним рядышком. Самка с ним заигрывала. Потом они его с обеих сторон ухватили, самец с одной, самка с другой, и потащили дальше, до Палекова Оппола — у нас место такое есть. И уже через какое-то время они его удушили, то есть появилась кровь. Было видно, что он не сам бежал, а его волочить стали. И настолько они его на кусочки разобрали, что Сергей Михайлович кусочек хвоста принес и ошейник, я нашла вот только пушку (шерсть).

В этот вечер услышали мы рассказ и о медведе:

— Года три назад поехали мы (я, муж и наша приятельница) за ягодой. Собирали бруснику в бору-беломошнике. Вдруг слышим хруст. Чувствую, что кто-то тяжелый. Подумала — лось. И тут я вижу лица моих спутников: глаза большие-большие и, как говорят, челюсти отвисли. Поворачиваю голову — метрах в сорока от нас медведица с тремя медвежатами. А у нас ни оружия, ничего. Стучать, так ведра пластмассовые. Ну, мы свистеть, кричать начали. Она уже выпад в нашу сторону сделала. Огромный прыжок. Медвежата стоят, смотрят. Тут мы завyli, закричали еще больше. И тогда медвежата, дрогнув, побежали назад. И медведица, глядя, что ее детеныши испугались, тоже стала с

ними отбегать, но буквально через каждые десять метров поворачивалась, вставая на задние лапы, чтобы удостовериться, что мы ее не догоняем. В конце концов, они так и удалились. После этого у нас началась трясушка. А в тот момент мы только кричать могли.

25 июня. Утром идем на лосеферму, где теперь только одна взрослая лосиха. А сколько же было? И вообще, с чего все начиналось? Почему возникла сама идея одомашнивания лося?

— В прошлом было немало примеров жизни этого животного рядом с человеком. У нас в стране в 30-х годах было положено начало практики одомашнивания лося. Но именно здесь, в Печоро-Ильчском заповеднике в 1949 году был начат многолетний эксперимент по изучению лося в новых для него условиях, — слушаем мы рассказ заведующего лосефермой Михаила Вениаминовича Кожухова, ветеринарного врача по профессии, работающего в заповеднике с 1957 года. Но все это немножко позже, а пока Михаил Вениаминович, собирая охапки травы, говорит, что лосиха здесь, он ее выведет во двор и, что нам не надо прятаться. Животному спокойнее, если человек ведет себя открыто и естественно.

— За 50 лет здесь на ручном вскармливании выращено свыше 520 лосей, среди которых есть животные шестого поколения. За столь длительный срок наблюдения за конкретными животными (единственный в мировой практике) мы нако-

пили уникальные данные по продолжительности жизни и репродуктивного периода. Изучали лося и в качестве тягловой силы.

— Признаться, я не знал, не слышал, чтобы лось, как лошадь, мог служить человеку.

— Так в тайге он гораздо проходимее лошади. И проход через то же болото безошибочно найдет, и легко пройдет через него за счет особого строения копыт, — добавляет Михаил Вениаминович. — Лось действительно служит человеку. Служит всем. Уникально по целебным свойствам молоко лосихи, применяемое при лечении лучевой болезни, язвенной болезни желудочно-кишечного тракта.

— А с чего вы начинали?

— Отлавливали в лесу недавно родившихся лосят. Первые дни у них еще нет страха перед человеком.

Лосят мы тоже увидели. Правда, они не первых дней, постарше и живут уже отдельно от мамы Анюги. Любопытные, пугливые. И хочется, чтобы выросли они с доверием к человеку, которое бы их не погубило. Слишком беззащитен такой лось перед браконьером.

Михаил Вениаминович рассказывает нам один забавный случай:

— Приехал в заповедник один из уральских корреспондентов. Сидим мы у кого-то в доме, говорим, анекдоты рассказываем. Корреспондент просит рассказать случай из жизни — встречи человека со зверем. Написать ему об этом хотелось. А окна в доме открыты — лето на дворе, и уже темно. Но я-то видел, что один из наших лосей возле дома ходит. Он и раньше иной раз в окно заглядывал: может, хозяева чем угостят. Вот я и говорю этому корреспонденту: «А ван, выгляни сам в окно. Тут далеко ходить не надо». Тот, больше делая это просто так, чем действительно думая кого-то увидеть, вдруг нос к носу видит перед собой рогатую морду. От неожиданности дар речи потерял.

Видели мы интереснейшие фотографии: лось с грузом на себе идет с людьми по тайге, или лось, запряженный в санной упряжке.

К сожалению, когда я пишу эти строки, Михаила Вениаминовича уже нет в живых. Он умер этой зимой. Уходят последние. Кто и когда продолжит их дело, используя этот уникальный опыт?

26 июня. Корнелия Оттовича Мегалинского, директора заповедника, мы увидели вчера вечером. Около своего дома он окучивал картошку. Спокойный, внимательный взгляд. На вид, даю ему лет 55. Отмечаю темный редущий волос и ничего лишнего в теле (подвижная работа к тому не располагает). Поздоровались, договорились о встрече на завтра.

И вот мы в его кабинете. Он просторный, обит вагонкой в елочку. На стене карта заповедника. Из кабинета осуществляется ежедневная связь с кордонами по радию. Разговор наш сам собой выходит на проблемы заповедников.

— Заповедная система в целом продолжает жить худо-бедно. Но 100 российских заповедников в стране есть. Живут они все по-разному. Большая часть — трудно. И не может сказать, что завтра будет лучше.

Нашему заповеднику в какой-то степени повезло: республика далеко не безразлична к его судьбе. Были выделены деньги и от Всемирного Фонда Дикой Природы, в связи с тем, что в 1995 году заповедник внесен в почетный список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, как часть объекта «Девственные леса Коми». На эти средства мы выплачивали зарплату сотрудникам, строили избы в поселке и на кордонах, приобретали лодочные моторы. Но проблемы, конечно, остаются. В заповеднике есть еще и научный отдел, в который сегодня найти специалиста чрезвычайно сложно. Мы идем на разные уступки, предлагая аспирантам, научным сотрудникам соответствующих институтов на договорных условиях приезжать и работать в заповеднике хотя бы на полевые сезоны.

В науке у нас нет ихтиолога, хотя рек предостаточно, и ситуация со всеми водными объектами довольно сложная. Когда я сюда приехал (1966г), у нас семга была в изобилии. Здесь ее лучшие нерестилища. Сейчас семги — единицы. За сезон вообще можно не увидеть ни одного всплеска.

— А какие причины?

— Такое воинствующее коммерческое браконьерство в низовьях Печоры. То, что заходит с моря, сюда не доходит.

— И защитить зверя, рыбу мы не можем?

— Ну, я бы сказал, что не очень стараемся. Эта система, когда все схвачено, она тут действует как нигде. Можно эту проблему решать, но она затратна. Это и транспорт, и, главное, — люди, которые были бы свободны от всякой возможности сделки. Если мы сегодня инспектору рыбоохраны платим 1000 рублей, конечно, ему очень сложно устоять против всяческих соблазнов, быть независимым. Сейчас такая общая ситуация, когда масса людей, не имеющих денег, не знает, где их взять. Даже тот, кто удочки или ружья никогда не держал, идет на реку, в лес, потому что надо как-то жить. У нас поселок по численности изменился мало, а падение заготовок в леспромхозе сократилось на порядок. Проблема и с сохранением лесов от пожаров.

Нелегкий груз на плечах этого человека, но он болеет за свое дело, преодолевает трудности и надеется, что люди должны сохранить природу, ее неповторимую красоту, нетронутость, богатства хотя бы в заповедных уголках.

Нам выписан пропуск в заповедник, и на некоторые участки маршрута отпечатали двухкилометровку. Необходимые инструкции, оплата разрешения, машины — все в порядке. Мы готовимся к выезде.

Усть-Унья

27 июня. Утром на «Узике» заповедника выезжаем в поселок Усть-Унья, что в 80 километрах. Оттуда начнем подниматься вверх по Печоре, что сокращает наш путь по реке на 130 км! С учетом сил, времени, запаса бензина — это необходимая переброска.

По пути, в поселке Комсомольск-на-Печоре, Саша берет листы карты километровки нужного нам участка маршрута по реке Елме и Унье у Андрея Мельничука, инспектора-охотоведа.

Из окна машины рассматриваю местность, лес. Участки темнохвойной тайги чередуются с величественными борами беломошниками. Ближе к поселку, за деревьями, пару раз открываются участки возвышенности Анаюгопармы, до 110 метров возвышавшейся над рекой, которая сама здесь на 145 метров выше уровня моря.

Усть-Унья стоит на горке. Дома располагаются по ярусам. Верхние выше реки метров на 20. Отсюда хороший обзор. Видны Печора и Унья, соединенные протокой, возвышенность и тайга, уходящая во все стороны вдаль.

О деревне Усть-Унья есть упоминание в метрических книгах Христорождественской церкви села Корепино Чердынского уезда за 1834 год.

Мы подтягиваем наши вещи к самому берегу. Пару рюкзаков попросили поднять к себе на Шайтановский кордон лесника Бориса, встречавшего здесь девочек-родственниц.

Перед нами перекатный участок реки. Скорость течения примерно 0,8 м/сек. Вдоль берега стоят лодки местных жителей, длинные, узкие и, в то же время, устойчивые на воде. Как в природе все находит оптимальные формы существования, так и эта человеческая конструкция прекрасно приспособлена для подъема против течения и прохождения мелководных перекатов, поскольку учтена и проч-

ность трущейся части лодки, выполненной из кедра.

Жаркий день. Ребятня купается вволю. Да и коровки не прочь забраться в реку, но крутоват спуск с луга к воде. Саша и Витя пробуют ход нашей лодки.

К ведущей лодке шнурами сзади привязываем вторую. Ее мотает на течениях, серьезно нарушая управляемость и гася скорость связи. Через два дня придет решение жестко связать лодки жердями, поставив ведущую сзади. А пока протягиваем километр вверх и встаем на ночевку. Интересно, что в Якше на наш вопрос: поднимемся ли мы по Печоре в связке из двух лодок, все пожимали плечами. Очевидно, подобного им видеть не приходилось.

Вверх по Печоре

28 июня.

Вечером частично загружаем лодки. Моя резиновая лодка «Ока-2НД», как и большинство резиновых, сделана из тонкой ткани. Поэтому дома по простейшей, но далеко не лучшей конструкции я сделал для нее чехол из тэзы. Добавился вес примерно в 5 кг, зато днище, бока, корма, нос защищены от острых камней, да и просто от потертостей. Кроме того, за счет стяжки шнуром, чехол сам хорошо держится на лодке и удерживает ее днище от растяжения и возможного при большой загрузке отрыва днища от бортов.

29 июня. Утром полная загрузка — это более 600 кг вместе с нами. Американский мотор «Evinrude» мощностью 3,3кВт. Течение примерно 0,6 м/сек., на перекатах — 0,8-0,9 м/сек. Лодки пошли, но движение, за счет заноса мелей и разворота всей конструкции, все время шло по выраженному зигзагу. Управляющему мотором практически невозможно

учесть моменты инерции нашей связки. Двигаемся со скоростью 2–2,5 км/час, на перекатах еле вытягиваем, а где-то идём впродовку. Сапоги мои, нарощенные от колен тезой, в местах прошивки и склейки с успехом текут, благо, что жара, и у меня водяное охлаждение.

Вечером (в 17-ти километрах выше Усть-Уньи) видим необычную картину: по обоим берегам Печоры на площади примерно один на пол километра — сплошь сломянные, вывороченные с корнем, поваленные деревья. Я не сразу понял, что это работа ветровала. Ели, а у них корни расположены близко к поверхности земли, вывернуло с корнями. Березы тоже полностью согнуло до земли и повалило немало, но немало и поломало. Так и остались удручающе торчать безжизненные части стволов.

Через три недели в устье реки большой Порожной мы встретили группу лесоводов. Они изучали это явление и объяснили, что это результат большой силы ветра. В плотной тайге один ряд наваливается на другой и пошла волна...

К концу дня на речных перекатах несколько раз винт идет по камням. Хорошо, что он из пластика необходимых свойств...

30 июня.

По левому берегу видим две лодки. Ближе к ним, на высоком берегу, видна изба, хозяйственные постройки и деревянные ступеньки, ведущие к ним от реки. Поднимаемся по ним. Сверху прекрасный обзор на три стороны горизонта, берущий реку вниз и вверх. Для кордона это важно. Отсюда по реке начинается крупнейший Уральский участок заповедника. Название кордона — Полой. Знакомимся с его инспектором, Пал Пальнем. Садимся под небольшой крышей-навесом. Под ней печка, стол, скамьи. С весны до осени здесь и готовить удобно, и река под обзором. Павел отмечает наши пропуски, потом угощает чаем. А я спрашиваю и слушаю хозяина кордона.

— На кордоне я с 79-го года. Три года поработал, ушел. Работал в бригаде по добыче нефти: скважины бурили. Семь лет там, потом сюда вернулся.

— Ну, и как здесь лесная жизнь?

— Да ничего. Все самому делать надо: и хлеб испечь, и огород обработать. Летом забот побольше: кого вверх поднять, кого вниз по реке сплавить; смотреть, чтоб кто без разрешения не прошел, за пожарами следить. Ну, и обходы.

— Большие?

— За неделю не обойдешь. Штаты сократили. По приходам дай бог обойти.

— Один — в обход?

— Мы только по двое ходим. Положено по технике безопасности. С другого кордона приезжает. Да, большей частью, человек здесь один, наедине с природой, со своими мыслями.

Но вот и пора прощаться. Поздно вечером мы доходим до устья реки Кедровки — правого притока Печоры. Наша ночевка — на левом берегу, на

длинном участке мелкого галечника. На полоске песка видны следы самых разных животных.

1 июля.

Кедровка — мелкая речушка. Поднимаемся лесом, вдоль берега. Видим старые следы лосей и огромного паука на березе с пойманной жертвой. Но вскоре мы вынуждены повернуть назад: туча мошки яростно (перед дождем) атаковала нас, проникая под заправленную одежду. К тому же Саша был без сетки. Только вернулись, полил хороший летний дождь, и в небе загромыхало.

С нашего берега ребята ещё утром видели кружащего большого коршуна, мы с Витей, судя по всему, хорька около устья, а Вита еще и нашел среди гальки бусинку из камня, обточенную в правильную продолговатую форму. Мне кажется, что она из украшения, сделанного в старину.

Вечером на нашем берегу пополнение. Снизу подошла лодка с тремя мужиками — братья Воронины из Якши. У них здесь покос. Кто-то поднимается и выше, даже за двести с лишним километров. В тайге сено заготовить — дело непростое. Здесь, на Печоре, используется каждый кусочек луговинки. Сплавают сено по реке. У кого покос повыше — осенью по большой воде. Из сухостоя делают плот, ставят на него мотор, а то и два, и стог поплыл. Только смотри, чтобы на отмель не сесть.

Воронины несколько навеселе. На лицах у них крупночешуйчатые — луковица пройдет — сетки, смазанные такой жидкостью, от которой лицо горит. И одежда, рубахи навывпуск, чтобы обдувало. Все это от мошки, как они говорят.

— Любая заправка — только хуже, туда и лезет.

Младшего, Алексея, братья отправили поставить сеточку на рыбу, старший, Андрей, — в заботах о палатке, костре. Мы расспрашиваем Александра о том, что встретим выше и какими рукавами лучше идти. Эти мужики здесь каждый камушек знают. Ночью по реке не раз поднимались, ориентируясь по макушкам деревьев на фоне неба. Александр раньше водил катера по Печоре, тянувшие плоты с лесом.

2 июля. Утром Воронины угощают нас ухой из щуки, окуня и двух сига. В разговоре узнаем, что сейчас они работают в леспромпхозе.

— Раньше объемы заготовок леса в десять раз были больше, — рассказывают Воронины. — Но была сплошная рубка. Сейчас предприятие в частных руках, и за нарушение частник платит из своего кармана. Между делянками уже оставляют полосу метров восемь, а ширина делянки берется из расчета, что гусеничная техника может развернуться два раза. Если мы, рабочие, нарушаем правила, то платим уже мы. Только мы-то сами хотим сохранить, что можно. Бригадир, бываю, кричит: «Прямо давай!» — Но обмезжаешь. Зачем поросль губить? Или птица на гнезде сидит. Ездим, агитаем. Ничего, не улетает, выводит птенцов.

Александр продолжает:

— Раньше березу заставляли сплавать. Она же

двести метров проплывет и на дно. Сколько ее там гниет. Боры-беломошники шли под гилу. К самому заповеднику подобрался. Спасибо Мегалинскому. Отстоял территорию между Печорой и Ульей.

Мы уже начали грузиться, как наши соседи предложили подбросить нас на своей лодке с десятка километров вверх. Как говорится, от добра добра не ищут.

Как легко идет их лодка вверх! А ведь в ней груза килограммов семьсот! В прозрачной воде далеко вперед видны камни на дне и, случается, уплывающие рыбины. Появляются первые скалистые берега, обрывающиеся к реке. На одну из скал по левому берегу показывает Андрей.

— Там наверху похоронены рядом два человека, муж и жена. Они прожили в этих местах долгую жизнь, умерли в один день. Просили похоронить их вместе на этой скале.

Вскоре мы подплываем к месту, где Печора раздваивается. По правому рукаву, в километре выше — второй кордон заповедника — Собинская Заостровка. Его инспектора, Николая, мы видим на лодке, но здесь не

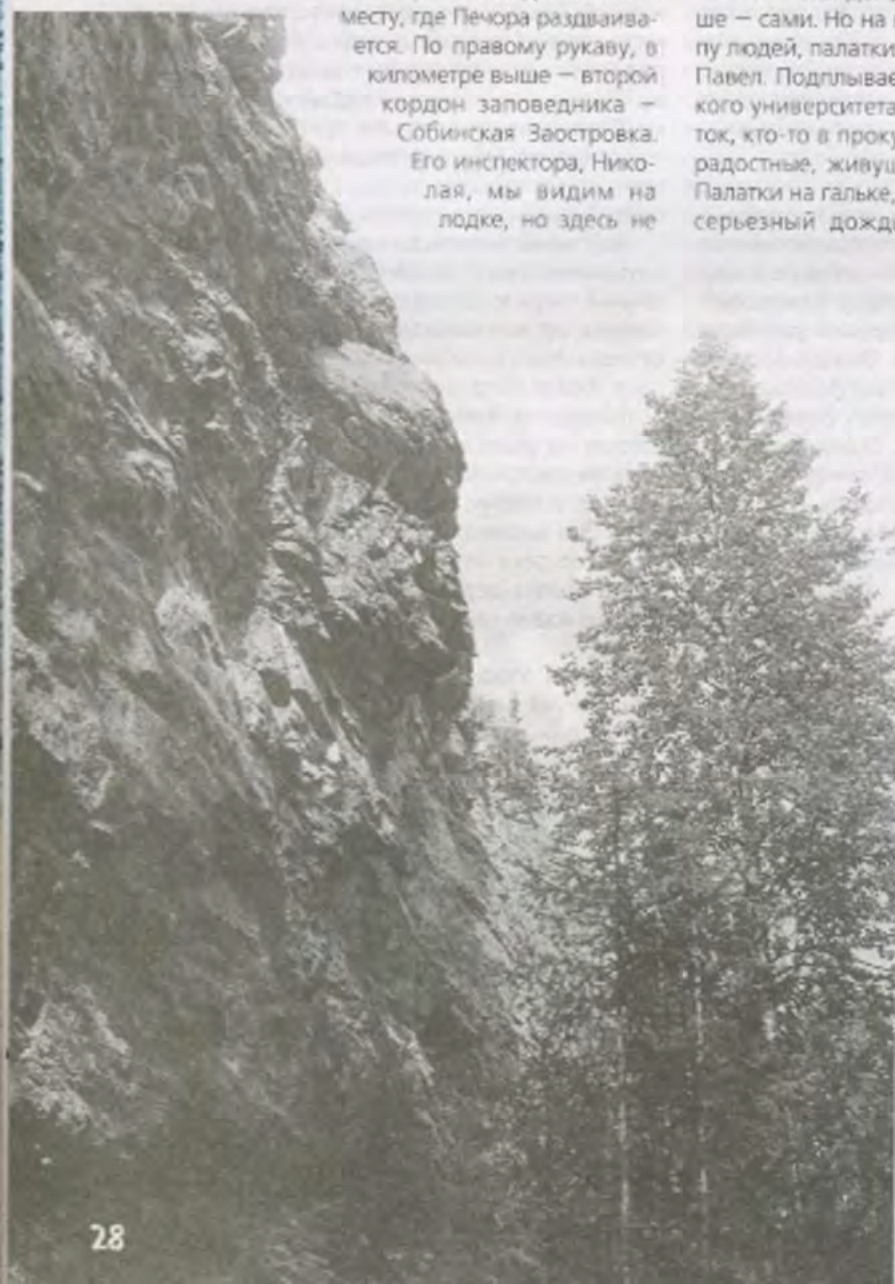
задерживаемся, а делаем остановку несколько выше по реке, у большой скалы, на которую и взбираемся. На ней находится грот со сквозным проходом, а с вершины открывается захватывающий обзор окрестностей леса до горизонта. Не видны еще увалы, но в десятке километров лесистой шапкой выделяется небольшая гора. Ее вершина на 100 метров выше, чем уровень воды здесь, в Печоре. За горой, в устье правого притока Печоры, Большой Шайтановки, — третий кордон заповедника с одноименным названием. Через пару километров проплываем Канинскую пещеру и еще через километр встаем напротив скалы Канин нос.

Сюда же подходит лодка, где Алексей и Павел с собакой. Начинается хороший летний дождь. Мы с Сашей в плащах. Остальные — под поставленной в наклон резиновой лодкой. К людям жметесь и собака.

Кончился дождь, прощаемся с братьями, дальше — сами. Но на первом же повороте видим группу людей, палатки. Это студенты, о которых говорил Павел. Подплываем, здороваемся. Ребята из Курского университета, географы. Все без защитных сеток, кто-то в прокусываемой комарами одежде, но радостные, живущие с шуткой. Готовят на костре. Палатки на гальке, низко у воды, а это чревато, если серьезный дождь. Студенты рассказали нам о встрече с годовалым мышкой-пестуном. А вообще они здесь со своим научным руководителем изучают растительность, почвы, горные породы, реки.

3 июля. Утром долго лежим, восстанавливаем силы. У Вити лицо опухло от укусов насекомых. А вечером пробуем ловить на мушку. Делаю первый заброс, и сразу хватает хариус. Потом еще и еще. У Саши тоже. Но на поводках стоит леска 0,2-0,24 мм. Тех, кто покрупнее, она не выдерживает. И за два часа у нас в прямом смысле уплывает половинный запас мушек. Саша подмечает: солнышко из-за облаков — хариус перестает брать. Видимо, при этом и мы, и леска ему хорошо видны.

4 июля. Подъем в шесть часов, отплываем в десять. Километра через четыре мы уже перед устьем реки Большая Шайтановка. Мы видим знак, оставленный нам для ориентировки Борисом, инспектором этого кордона,

хотя мы встречаем и его самого чуть выше устья, у тропы к дому, и говорим, не выходя из лодок.

— И как тут?

— *Нормально, — смеется. — Если б не комары и мошки, то совсем бы хорошо.*

— А давно вообще, вы здесь? Не из местных?

— *Я сначала на Собиновском десять лет жил. Потом здесь. Сам из Томской области, жил и в Кировской. После армии решил поехать, посмотреть разные места. На одном-то сидеть не интересно.*

— Вы девочек в Усть-Унье забрали. Племянницы?

— *Да. Летом и внуки приезжают.*

Пора в путь. Саша фотографирует семейство Бориса возле дома, и мы прощаемся.

До стоянки проходим километров 13, где-то протаскиваем лодки по камешкам. Незадолго до стоянки глаза улавливают какое-то движение по правому берегу. Смотрю в бинокль. Быстрее догадываюсь, чем различаю — кто-то из копытных. С приближением лодок вижу: лось, точнее лосиха. Она стоит в воде и долго смотрит на нас. Затем спокойно выбирается на берег и скрывается в лесу.

Лосей в воде под берегом реки я встречал и раньше. А здесь, на Печоре, я услышал, что они в воде достают корни растений. И порой видно, как за этим занятием из воды только уши торчат.

Встали на стоянку, хватаем спиннинги и бежим ловить хариуса. Азарт, спешка. Рыба срывается, уходит из сетки, сами мокрые, но про все забываешь. Где-то в полночь (а она в это время как светлые сумерки) Саша улавливает чье-то движение на противоположном берегу. Какой-то зверь. Но кто? Он то надолго замирает за деревом, будто его и нет, то, крадучись, плавно проходит до другого места.

По повадкам, что описаны в книжке «Следы зверей», а в дальнейшем и по рассказам лесников, думаем, что это была россомаха. Это хищник семейства куных. Вес достигает 17 килограммов. В поисках пищи, особенно зимой, кочует, проходя в сутки до 80 км. Хорошо лазает по деревьям. Всеяден. Охотится за грызунами, зайцами, птицами. Нападает на косулю, северного оленя, молодого кабана и даже на лося.

Тайга, тишина, звери — все говорит о том, что человек здесь уже редкий гость. Мы вступаем в предгорный район заповедника. Перед нами возвышенность Высокая Парма, простирающаяся в меридианальном направлении. «От ее склонов предгорный район тянется на восток до подножия Уральских гор, поднимаясь увалами до 250 — 250 м над уровнем моря».

***
 Не устать бы раньше времени,
 Не упасть бы мёртвой птицею.
 Путь-дорогу в этой темени
 Не забыть бы. Вереницами
 Облака стекают серые
 В переулки и на площади.
 А в июле ночи зрелые —
 Кочевые злые лошади.
 Город спит среди взверженных
 Солох, среди лесов испуганных,
 Я как будто гость непрощеный
 Шляюсь между «тачек» угнанных.
 Я патрон ищу украдкою,
 Чтоб шамальнуть в судьбу безглазую,
 Чтоб она познала шаткую...
 Пистолет вот только газовый.

***
 ..А иногда срываюсь на пустоту,
 Что бывает довольно редко.
 Эй, судьба, не сожрешь конфетку?
 Я принесу. Твою луну-высоту
 Вряд ли унизит этот искренний дар.
 Как ты думаешь, стерва? Ладно,
 Чего смотришь так плотнодно?
 Я буду снова... снова держать удар.

***
 Вёсны талые, вёсны липкие.
 Что ты сделаешь? Утром шаткие.
 Вёсны терпкие, вёсны хлипкие.
 В мае-месяце шибко хваткие.

Лето горькое, лето хвойное.
 Что ты сделаешь? Очень быстрое.
 Лето тихое, лето знойное,
 Непрощённое, чуть неказистое.

Осень стылая, осень долгая.
 Что ты сделаешь? Желто-красная.
 Осень светлая, осень волглая,
 Вечно близкая, вечно грязная.

Зимы белые, зимы чёрные.
 Что ты сделаешь? Есть сопливые.
 Зимы звездные, зимы вздорные,
 Пустоглазые, всё тоскливые.

Жизнь кудрявая, жизнь бесследная.
 Что ты сделаешь? Жизнь огромная,
 Редко добрая, чаще вредная,
 Злая, подлая или скромная.

***
 Летний снег — тополиный пух.
 Портит зрение людям на
 Время взгляда прямого. Сух
 Воздух. Ветру совсем хана.
 Ветер нынче упал, закрыв
 Тему «Жизнь — это лишь разбег».
 Зной медлителен, не обрыв —
 Душный пласт, тополиный снег.

***
 Куда-то исчезла ранимость,
 Не видно её давненько.
 Сегодня пропала терпимость.
 Осталось уже маленько —
 Наверное, скоро и совесть
 Отчалит однажды утром.
 Такая вот грустная повесть.
 Жить буду тогда в уютном,
 Ничем не стесняемом мире
 Холодной застывшей плеврой,
 Фигурой в обычном тире,
 Которую вряд ли первой.

***
 Тело дождя заслонявило город,
 Грязным потоком накрыв тротуары,
 Выбив жару из дворовых песочен,
 Сбросив с карнизов в ворты колодцев
 Бывшее солнцем. Иссохшее лето
 Летом сменилось холодным, кислотным.
 Едкую влагу хлеблют ботинки,
 Урны, машины. Виднеется башня
 Белая. Дождь — возникающий голод,
 Серый осадок на дне стеклотары, —
 Знаете, нужно сказать, что не очень...
 Мутной струёй так желал уколоться
 Пыльный проспект. Утонувшее вето —
 Лучший гарант, обусловленный плотным
 Ливнем... Однако, меняем картинку.
 Тело дождя заслонявило пашни.

Тело дождя заслонявило пашни,
Лес, перелески, наполнило окна
Дачных мансард, деревенских избышек
Мокрой прохладой размытых ландшафтов.
Через овраги метнулось на трассу,
Лица авто обдавая шрапнелью
Капель, минуя шлагбаум, и снова
Рухнуло в зелень, в сады-огороды.
Двинулось к озеру, сдёрнув вчерашний
Штиль, опуская в глубины волокна —
Струи блестящие, громом хлоплушек
Неба пугая эрзац-аргонавтов
Пляжных. Но всё же к условному часу
Вдруг испарилось с единственной целью:
Чтобы созреть для явления иного —
Белого пира шутницы-погоды.

Я по осени не сосчитанный
Ни судьбой, ни войной, ни временем
Стелю жёлтые, нарочитые,
Переросшие диким семенем.

Между выбитых, не залатанных
Прислоняюсь, ищу скворечники.
Вся земля в облаках захватанных,
Разлетаются наконечники.

У меня аллергия на лето,
Я — человек зимы.
Где-то там в головёшке задето
Было, когда взаимны

Уродился на этой планете
Средь именных дверей.
Что я отвечу ей,
Пожелающей знать о секрете?

Аномалия? Глупая шутка?
Или фигня, предлог?
Износилась китайская куртка.
Дурень, опять продрог.

Всё равно — уезжающий к морю
Льда. Интересен юг
Всполоху смуглых рук —
Обожают кавказскую хаю.

Дождливой осенью — по окнам.
Вдоль берегов швартует ночь.
Густеют синие волокна
На небесах. Вернуться смочь
Отсюда — главная задача.
Не ожидать, когда лицо
Черты гримасы обозначит,
Перетрясти рюкзак, свинцо-
Вый блеск спустить в мусоропровод.
Махнув рукой, уехать в дым.
Забыв озлобившийся город,
Соотнести себя с другим.

Снег выпал новогодним утром.
Снег сделался холодной жижей,
Стал твёрдым перемерзшим грунтом.
Стал вспышкой огнестрельно-рыжей.
Мы видели большую площадь,
Мы были..безусловно, были.
На улице валялась лошадь-
Смерть. Ей не повезло — убили.
Кто? Как? Разорвало солидно.
Ну.. вроде эргэдэшкой.. К чёрту!
Вот только иногда обидно,
Что мне позавчера — в аурту.

Одних — под пули,
Других — в подстилки.
Особый национальный выбор?
А если.. если не выбор вовсе?—
Судьба!
Хроническая неправда? Визбор
Мог спеть об этом, Высоцкий — возле.
Стрельба —
К чертям ходули.
Таскать носилки.

Гораздо краше..
Иное дело,
Бросками пересекая площадь,
Исчезнуть, стать единицей смерти.
Ну как?
Ответ же, разудалая лошадь —
Держава. Жить на большом концерте —
Ништяк.
Опять не наша,
В асфальт засела.

Колчак в Екатеринбурге

Вскоре после захвата (в октябре 1917 г.) в Екатеринбурге власти большевиками в жизни города наступила особенно тяжелая пора. Город — центр Уральской области — оказался прифронтовым. За обладание им шла борьба между красными с одной стороны, и чехословацкими и белыми войсками — с другой. 25 июля 1918 г. Екатеринбург был занят антибольшевистскими силами и стал их политическим и военным форпостом. На протяжении многих месяцев в нем размещались штабы Екатеринбургской группы войск, затем — Сибирской армии. Здесь в августе 1918 г. было сформировано и до декабря того же года действовало коалиционное Временное областное правительство Урала во главе с кадетом П.В. Ивановым.

23 сентября 1918 года в Уфе было сформировано Временное Всероссийское правительство — Директория — под председательством эсера Н.Д. Авксентьева, обосновавшееся в Омске. А 18 ноя-

ря 1918 г. там был совершен правительственный переворот. На пост диктатора был избран вице-адмирал А.В. Колчак, ранее являвшийся военным и морским министром. Он провозглашается Верховным правителем России с присвоением ему чина адмирала. Колчак становится и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России. Всероссийское верховенство А.В. Колчака, виднейшего полярного исследователя, ученого, флотоводца, волею обстоятельств выдвинутого на высокую политическую арену, в дальнейшем было признано всеми вождями белого движения.

Напомню кратко его биографию. Родился в пригороде Санкт-Петербурга — на Обуховском заводе в дворянской офицерской семье 4 (16 по новому стилю) ноября 1874 г., т.е. 130 лет тому назад. Окончил Морской кадетский корпус. Став офицером, служил на военных кораблях, совершал длитель-

Генерал В.И.Колчак, отец А.В.Колчака.

О.И.Колчак, урожденная Посохова, мать А.В.Колчака.

ные океанские плавания, занимался научными исследованиями в области гидрографии. И в учебе, и на службе всегда был на лучшем счету. Его влекли исследования Заполярья. И он откомандировывается в распоряжение Академии наук, участвует в трех сложнейших полярных экспедициях, проявив при этом личную отвагу и успехи в достижении географических и в целом —

С.-Петербург. Морской кадетский корпус.

научных результатов. В частности, «закрыв» легендарную «Землю Санникова» (доказав, что ее не существует), опубликовал ряд научных работ, в том числе монографию.

Принимал участие в русско-японской войне. Особо отличился, потопив японский корабль — это был единственный успех военно-морских сил России в той неудачно сложившейся войне. Получил награды, в том числе Почетное оружие.

Совсем молодым, в небольших чинах (капитан-лейтенант) явился одним из зачинателей радикального реформирования и усиления флота. В годы 1-й мировой войны — командир судов, морской дивизии и, наконец, командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. Выдающуюся роль сыграл в применении методов минирования. При нем турецко-германский флот был заперт за пределами Черного моря. Стал очень популярным в стране. Критиковал Временное правительство. В политических оппозиционных ему кругах назывался одним из вероятных диктаторов России.

В 1917 г. был близок к кадетам, которые включили его в список кандидатов во Всероссийское Учредительное собрание. Октябрьский переворот застал его в США во главе военно-морской делегации. В Россию вернулся в сентябре 1918 г. Намеревался пробраться на юг страны и подключиться там к борьбе Корнилова — Деникина. Однако во время прибытия в Омск Директория — Временное Всероссийское правительство — уговорила войти в его состав. Стал военным и морским министром. А затем был провозглашен Верховным правителем России. До этого, в ранге министра, он уже побывал в Екатеринбурге.

Если характеризовать А.В. Колчака с человеческих и деловых позиций, то, насколько я понял его личностные качества, он был честнейшим, бескорыстным человеком (как говорили, «адмирал, все имущество которого в одном чемодане»), глубоко

верующий, лично очень порядочный. Но мало подготовленный к политической сфере деятельности, тем более, в такой исторической ситуации, как Гражданская война. К этому следует добавить, что к 1918-19 гг. он стал крайне неуравновешенным, нервным, взрывным, хотя и отходчивым. В сложившейся исторической ситуации ему вряд ли следовало занимать официальный военный пост. Тем более, что практическое руководство войсками все равно осуществлял его начальник штаба генерал Д.А. Лебедев (увы, не из самых способных). Словом, А.В. Колчак в нашей отечественной истории — личность выдающаяся и трагическая.

А.В. Колчак.

Деятельность Верховного правителя России оказалась теснейшим образом связанной с Екатеринбургом. Этот город Колчак посещал всякий раз, когда выезжал на Урал и на фронт, — всего 6 раз, не считая неоднократных возвращений в Екатеринбург после поездок в Пермь, Лысьву, Кунгур. Человек большой личной храбрости, он не мог удержаться от поездок на передовые позиции и даже участия в боевых действиях близ Перми, Лысьвы, Кунгура, Аша-Балашевской. Одновременно решал и военно-организационные, политические, административные, экономические и другие вопросы. Пожалуй, в большинстве случаев решения по ним принимались именно в Екатеринбурге.

Первое посещение Екатеринбурга состоялось еще в бытность его министром, в середине ноября 1918 г. Он прибыл в город утром 9 ноября по специальному приглашению политического и военного руководства чехословацкого корпуса на торжества по случаю образования Чехословацкой республики и вручения частям знамен. Во взятом у него 12 ноября и незамедлительно переданном, в том числе посредством телеграфа, интервью поднимались не только военные, но и общеполитические вопросы, связанные с судьбами России. Колчак выражал надежду на победу над большевиками, возрождение России, но «почти не скрывал, что этот процесс ... будет медленным и потребует чрезвычайных усилий».

Колчак обстоятельно познакомился с городом, притормозил машину у дома Н.Н. Ипатьева, в котором была расстреляна царская семья, позднее принял меры по расследованию обстоятельств этого большевистского злодеяния. Внутри дома он побывал в мае 1919 г. А в январе 1919-го он дал распоряжение генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу осу-

ществлять общее руководство следственными делами, а главное — сконцентрировать в своих руках все производство и вещественные доказательства. Позднее, 7 февраля, Колчак поручил непосредственное ведение следствия опытному юристу Н.А. Соколову.

В Екатеринбург 29 октября прибыл съезд членов Учредительного собрания (так стал именоваться Комуч (Комитет членов Учредительного собрания в Самаре) — после объявления о его ликвидации, как правительства. Съезд, получив сообщение об омском перевороте и приходе к власти Колчака, выступил в защиту Директории, вместе с Советом управляющих ведомствами в Уфе пытался развернуть вооруженную борьбу. Участники съезда были арестованы офицерами и солдатами 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка (командир — подполковник, в дальнейшем полковник Б.А. Герасимов) и по распоряжению из Омска препровождены в Челябинск, затем в Уфу. А полку было присвоено имя «адмирала Колчака» (в конце 1919 г. полк почти полностью погиб в сражениях в Кузбассе).

8 — 26 февраля 1919 г. А.В. Колчак, уже в роли Верховного правителя, совершил новую поездку на Урал и на фронт. В Екатеринбург он прибыл днем 16 февраля с Южного Урала. Встреча его и пребывание в городе были обставлены исключительно торжественно. Выстраивался почетный караул, на улицах — шпалеры войск. Хлеб-соль преподнесли городской голова Н.А. Лебединский и председатель уездной земской управы П.Е. Патрушев. В Кафедральном соборе епископом Григорием было совершено молебствие. Состоялся торжественный обед (в помещении Уральского горного училища), банке — (в Екатеринбургском музыкальном училище), парадный спектакль в Новом городском театре, смотр войск на Монастырской площади, парад на Кафедральной площади с награждениями и вручениями знамен. Во встречах принимали участие генералы Р.Гайда, Б.П. Богословский, М.В. Ханжин, С.А. Домонтович, а также С.С. Постников, назначенный главным начальником Уральского края на правах генерал-губернатора, управляющий уездом В.А. Старцев, председатель городской Думы П.А. Кронеберг, лидер уральских кадетов Л.А. Кроль, зарубежные

А.В. Колчак вручает награды солдатам. Екатеринбург, май 1919 года.

А.В.Колчак и Р.Гайда на торжественном обеде в Екатеринбурге (февраль 1919 года).

дипломаты и другие лица.

Отношение к Колчаку и к самим торжествам среди горожан было неоднозначным, но большинство их тогда ему и его делу выражало сочувствие. Происходили многочисленные деловые встречи, приемы, беседы, во время которых решались различные вопросы. В частности, состоялось торжественное заседание в городской Думе, заседание на бирже. А.В. Колчак произнес несколько речей. Наиболее важной была речь на торжественном обеде 16 февраля.

Следует выделить в этой речи прежде всего четыре положения: о необходимости водворить господство закона и права, равнообязательных как для граждан, так и для власти; право населения на самоуправление и на государственную самостоятельность; о невозможности возврата к старому земельному строю, необходимости сильного крестьянского землевладения за счет крупного, помещичьего; о необходимости социального законодательства для улучшения условий труда рабочих. Колчак говорил, что он не мыслит иного строя, кроме демократического, призывал к борьбе с «большевизмом слева», как отрицанием морали и долга перед Родиной, и «большевизмом справа», базирующимся на монархических принципах, к созыву в будущем Национального Учредительного собрания, которому передаст всю полноту власти.

Эти программные заявления вызвали удовлетворение у социалистов и либералов, но осуждение — у большинства военных, уже в Екатеринбурге. Рассказывали, как отмечал Кроль, что генералы в поезде самого же Верховного правителя говорили: «Пусть доберется до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное собрание!»

К тому времени республикански и умеренно-демократически настроенный Колчак находил-

ся в пестром и сложном окружении.

Во время вторичного, по возвращении из Перми, с фронтового участка, пребывания Колчака в Екатеринбурге на параде 23 февраля 25-му полку его имени было вручено Георгиевское знамя. А.В. Колчак пригласил на торжество по этому случаю комполка Б.А. Герасимова и несколько других офицеров и генералов. В связи с этим хочется рассказать о неординарном случае в поездке, днях пребывания Александра Васильевича Колчака в Екатеринбурге.

Перед торжественной и прощальной встречей он получил письмо от проживавшей в Екатеринбурге женщины.

*Многоуважаемый
Александр Васильевич!*

Пишет Вам Александра Дмитриевна Бернордацци, если Вы помните, сестра Дмитрия Дмитриевича Филиппова — Вашего товарища и друга.

Пользуясь случаем, что Вы пригласили к себе сегодня моего хорошего знакомого подполковника Герасимова, я на правах старой знакомой и не имея возможности сделать этого раньше, пишу Вам это письмо, чтобы выразить Вам свою радость и поздравить Вас с получением Вами высокого поста, на котором Вы имеете возможность проявить свой высокий патриотизм. Глубоко верю, что Вам удастся спасти Россию от позора и вывести ее на достойный путь. Зная, как Вы заняты, Александр Васильевич, не решаюсь просить Вас. Но если бы Вы дали нам с мужем возможность повидать Вас, то доставили бы этим нам большую радость. Случайно судьбой мы заброшены в Екатеринбург и живем здесь беженцами скоро два года, много месяцев уже ничего не знаем о ком (либо) из своих родных и знакомых.

*Шлю Вам от себя и мужа искренний привет.
А.Бернордацци. (Подпись).*

Никольская ул. 35

Тел. 5 — 70

(Государственный архив Российской Федерации. Ф. 341. оп.1. Д.52. Л.282).

Из письма видно, что написала его сестра его соученика и друга по Морскому корпусу — Д.Д. Филиппова. Самое любопытное заключается в том, что они с Филипповым все годы обучения (1888 — 1894) были лучшими кадетами, по всем показателям то и дело опережая один другого. И вот выпуск — с предстоящим присвоением чина мичмана (равнозначен поручику в пехоте, на ступень выше

подпоручика). Комиссия наметила Колчака первым, самым лучшим выпускником (за этим следовало и вознаграждение). И — ошеломляющая неожиданность: узнав об этом, пока что еще гардемарин Колчак выступает с протестом и ходатайствует перед комиссией отдать первое место Филиппову, приводя некоторые аргументы в его пользу. И он добился своего, став вторым с более скромным вознаграждением — премией адмирала П.И. Рикорда в 300 рублей. Очень долго во всех офицерских кругах обсуждался этот вопрос.

С поездкой на Урал и фронтовые участки, особенно с пребыванием в Екатеринбурге, связано принятие А.В. Колчаком решения о перенесении своей ставки в Екатеринбург. Главной соображение его — ближе к фронту, его центральное географическое положение на Урале, в прифронтовой полосе, наличие в нем большой группы добротных помещений для служб и отличная, применительно к военным условиям, система градохозяйствования. И хотя многие из окружения Верховного отговаривали его от реализации задуманного, опасаясь утраты Омском своей роли центра политической власти, он своего решения не изменил, настоял на его реализации. Он приказал генералу Р. Гайде перенести штаб своей армии из Екатеринбурга в Пермь, что тот и сделал.

Весной развернулась интенсивная работа по подготовке города к приему и размещению Ставки, при которой непременно, помимо военных служб должны были находиться и правительственные учреждения во главе с чиновниками в ранге заместителей («товарищей») министров. Вместе с городскими властями в реализации плана был задействован генерал-майор С.А. Домонтович, помощник главного начальника Уральского края по военным вопросам. (Между прочим, Домонтович приходился

Дом заводчика О.А. Злозова (ул. Пролетарская, 3, бывшая ул. Офицерская), в котором с конца осени 1918 г. по весну 1919 г. размещался штаб Сибирской отдельной армии.

двоюродным братом А.М. Коллонтай, в девичестве Домонтович, известной большевистской деятельнице).

6 мая 1919 г. Домонтовичем был издан приказ: «Границы района расположения учреждений Ставки устанавливаются следующие: восточная идет по Васнецовской ул., южная — по Болотной, западная — по Московской, северная — по Северной до р. Исеть» (современные названия улиц в указанном порядке: Луначарского, Большакова, Московская, Челюскинцев). Из центра жители на время стали переселяться в пригороды. Но эта работа затем была прекращена, ибо Русская армия Колчака стала терпеть поражения и откатываться на Восток.

Последующие приезды Верховного правителя в Екатеринбург состоялись 8 — 10 мая, 31 мая и по возвращении из Перми, 2 июня и 1 июля 1919 г. Приезды эти в Пермь и Екатеринбург, куда вернулся штаб Сибирской армии, были связаны с крупным конфликтом в армии: генерал Р. Гайда, в обход А.В. Колчака, выступил с жестким требованием против Ставки, начальника ее штаба генерала Д.А. Лебедева, а также практически саботировал оказание помощи терпящей поражение соседней, Западной армии. Дело закончилось снятием Гайды 7 июля с поста командующего армией, отбытием его во Владивосток. Поскольку он там 17 ноября принял участие в восстании против существующей власти белых, А.В. Колчак лишил его российских званий и наград.

Это было уже иное время. Обстановка на фронте белых все более обострялась, а в июле они оставили большую часть уральского региона и отходили на восток. Если в мае пребывание в городе заняло три дня, на второй из них была даже организована

Екатеринбург. Здание музыкального общества.

поездка для отдыха и охоты (из-за дождя она не состоялась) на ст. Исеть, то в июне — июле оно было кратковременным. Правда, в июне Колчак, как и прежде принял традиционный парад, а вот 1 июля даже не выезжал в город, выслушал в вагоне более чем двухчасовой доклад главнокомандующего фронтом М.К.Дитерихса, провел беседы с военными и вечером отбыл на центральный участок фронта, в Златоуст.

По значимости из последних приездов следует выделить майский. Он был сугубо специальным и имел (скорей, мог иметь) важное значение. В это время еще только началось отступление Западной армии, но готовилась к крупному наступлению Сибирская армия войск Колчака. Он понимал, что не только в будущем, но и в ближайшие месяцы особое значение будут иметь промышленность горно-заводского Урала, ее восстановление и нормальное функционирование. Для решения экономических вопросов Колчак потребовал экстренно созвать 10 мая в Екатеринбурге съезд представителей фабрично-заводской промышленности. В назначенный день съезд в составе примерно 600 делегатов приступил к работе. Им руководил член правительства и председатель экономического совещания при нем профессор Г.К. Гинс.

Открывал съезд сам А.В. Колчак. По характеристике Гинса, он «сначала прочел заготовленную речь, потом сказал несколько слов от себя, и вышло у него очень хорошо. Обеспечение рабочих продовольствием и предметами первой необходимости, установление для них надлежащих норм оплаты труда, извлечение из армии незаменимых квалифицированных рабочих с сохранением их военнослужащими, сказал адмирал, сделают больше, чем милитаризация заводов или военное их управление».

В тот же день вечером Колчак отбыл в Уфу, на угрожаемый участок фронта. Съезд же, образовав 10 секций, работал в деловой обстановке и пришел к ряду важных решений, но реализовать предприниматели успели лишь малую их часть.

И до этого съезда, и после него правительство Колчака оказывало уральской промышленности большую материальную помощь, хотя кое в чем и явно недостаточную. «На уральские заводы, — отмечал Л.А. Кроль, — лился, если не золотой, то кредитно-бумажный дождь: промышленники получили до 900 миллионов рублей (по тому времени около 300 миллионов рублей золотом) субсидий и кредитов». Но не все эти средства были пущены в дело. Было немало и злоупотреблений. Однако в целом предприятия Урала работали тогда гораздо лучше, чем до свержения и последовавшего восстановления советской власти. Это свидетельствовало о том, что даже в военных, прифронтовых условиях в самое короткое время предпринимательская инициатива могла обеспечить значительный успех дела. Это твердо знал Колчак, имевший большой организационно-промышленный опыт в судостроении.

Местные ресурсы, художественные силы оказались задействованными и в таком ярком деле, как разработка проектов и образцов орденских знаков для награждения отличившихся офицеров и солдат. Небольшое число воинов успели получить эти награды. Правительством А.В.Колчака были учреждены ордена: «Освобождение Сибири» 4-х степеней, «Возрождение России» также 4-х степеней. При изготовлении некоторых из них применялись полудрагоценные камни, изготовлявшиеся камнерезами. По некоторым данным, часть орденских знаков изготавливалась (или должна была изготавливаться) в Екатеринбурге.

Это в значительной мере было связано и с пребыванием именно в Екатеринбурге Георгиевского комитета. Позднее, уже после утраты белыми Урала, части Сибири, был задуман и уже после гибели А.В.Колчака осуществлен проект изготовления орденского знака «За Великий Сибирский поход» (две степени). Кое-кто, свою в бытность в Забайкалье и на Дальнем Востоке, приколол его к своим мундирам и гимнастеркам.

Таким образом, в бурную эпоху Гражданской войны Екатеринбург играл в организации антибольшевистского белого движения весьма крупную роль. Она в значительной степени преломлялась через личность Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, его деятельность.

Последний (тюремный) снимок А.В.Колчака. Январь 1920 г. Иркутск.

Поход на Пutorаны

Для студентов попасть в этот далекий район на свои средства нереально: один самолёт обходится в 11–12 тыс. На одной из тренировок по скалолазанию в манеже УПИ заметили объявление: некая фирма набирает студентов на вахту в Норильск, самолет оплачивается, предоставляется альпинистское снаряжение для работы. Это объявление было просто находкой: добраться до Норильска, иметь возможность в летние каникулы посмотреть Норильск, Талнах, северную природу, да ещё и подзаработать. Промальпинизмом мы уже занимались — подрабатывали в свободное время, да и тренировки по скалолазанию проводили регулярно.

Работа на вахте в Норильске сначала показалась очень тяжёлой (ручная обработка металлоконструкций по 8 часов в день), но постепенно втянулись, привыкли. Основной минус работы — вредность, мы работали рядом с плавильным цехом и при выбросе газа надевали противогазы. Но на этом объекте мы были не постоянно, работали и в цехах, и на свежем воздухе, да и средства защиты выдавались регулярно. В редкие выходные выходили на прогулки — тренировки на природе. Сходили на гору Шмидта (700 м), находящуюся в окрестностях Норильска, на водопад «Красные камни» вблизи Талнаха. 1 августа, когда был общий выходной, удалось съездить в Дудинку и посмотреть морской порт и Таймырский окружной музей. За месяц до похода начали тренировки — пробежки на стадионе «Заполярник» (когда силы после работы оставались).

Когда вахта подходила к концу, договорились с катером насчет заброски. Дополнительную информацию о районе узнали от туристов из норильского клуба «Сокол» и в дирекции заповедника Пutorанский.

В заповеднике зарегистрировались у спасателей. Группа из 5 человек получила разрешение на

прохождение маршрута протяженностью 190 км. по буферной зоне заповедника в районе между озером Лама и озером Собачье.

18 августа катер привез нас на озеро Лама. На берегу нас встретили люди с турбазы и предложили переночевать в избушке. Напили чаем, мы впервые попробовали сагаудай (блюдо из свежей рыбы с пряностями, очень вкусное).

19 августа — начало похода по реке Южный Нералах. Погода + 16, солнечно. Рюкзаки тяжелые (у парней 35 кг, у женщин 25 кг), первые переходы даются нелегко. Непривычно мягкая почва — болотистый мох, кругом полно голубики и багульника. Багульник, как дурман-трава, источает резкий аромат. Мошки и комаров уже нет, в горах начинается осень.

В верховьях реки Южный Нералах на озере Голубом встретили группу туристов с детьми. Они из Москвы, Ярославля и Питера, в основном гуляют по озерам, занимаются медитацией. Дети нам показали необычными, выяснилось, что они многое умеют — например, передвигать глазами предметы, читать мысли. Наши новые знакомые угостили нас ухой, а мы их — шоколадом и орешками (и мы умеем читать чужие мысли).

На озере поставили небольшую сетку и за два часа наловили столько хариуса, что хватило и на ужин, и на завтрак, и на обед, часть оставили москвичам, чтобы не нести всё на перевал.

На следующий день, уже на перевале в долину реки Муксун-Нералах, соорудили тур, оставили записку с предложением назвать перевал «Южный Нералах». С перевала начали спуск в верховья реки Муксун Нералах. Спуск оказался сложным, вдоль ручья, который то и дело обрывался водопадами, приходилось искать пути спуска. По туристской классификации сложность перевала 1А–1Б.

Вдоль реки спуск вел по ущелью с крутыми осыпями, спускались по руслу. Этот день был для

всех очень тяжёлым — длинный прогон по ущелью до границы леса под морозящим дождиком.

21 августа продолжили спуск вниз по реке. Переправа через реку Верхний Муксун — Нералах оказалась не очень сложной, сказалась низкая вода. Переходили с шестами и стенками по двое. Воды в свои болотники все равно «черпанули». На ночёвку встали у небольшого пересыхающего озера. Крутом поляны голубики, красивый желтеющий лиственничный лес, красная карликовая берёзка.

Утром 22-го поднялись на обзорную горку (240м), с которой открылся вид на долину реки Муксун, озеро Глубокое, реку Дынкенгду.

Оставив рюкзаки, сбегали на водопад на реке Дынкенгде. Звук водопада слышали за километр. Водопад очень красивый: мощный голубой поток, стиснутый прижимом до 4-х метров, падает с высоты 8-9 метров в полукруглый цирк. Возле притока Верхней Дынкенгды начались болота, в одном месте пришлось наводить гать через 4-метровую протоку.

На ночёвку (23-го) встали у начала озера Дынкенгда и Мутканен. Когда шли по реке, видели много следов медведя, россомахи, лося. Следующий день (24-го) шли по берегам озера; к сожалению, времени на рыбалку было мало, успели на обед пару раз покидать спиннинг. Перед тем как встать на стоянку, сбегали в верховья Дынкенгды (под перевал) и оставили закладку.

Шли тяжело, то и дело приходилось обходить прижимы, заросли ольхи. Закладку заложили камнями и оставили стреляные гильзы от сигнальной ракетницы, чтобы зверье не тронуло. В лагерь вернулись по темноте, послали зеленую сигнальную ракету, чтобы успокоить нашу женскую половину группы. Внизу нас уже ждал костёр и горячий ужин.

25-го августа вышли к озеру Собачьему, шли належке (половину продуктов оставили в закладке). На озере Собачьем нас встретила удивительно хорошая погода, все туманы остались висеть над горами, а над озером светило ясное небо.

Вдоль берега шли по гальке и песочку. Неподалёку от кордона заповедника нас встретил егерь Саша Петров, и мы с ним доплыли до кордона на его лодке. Кордон заповедника стоит в бухте на северном берегу озера Собачьего, не доходя реки Хоронен. Это несколько домиков зимних и летних, есть рация, баня, генератор. По радио узнали о том, что упало два самолёта. Вот так, идёшь, идёшь по тайге, и ничего не знаешь, что в мире творится. Вечером после баньки пели песни под гитару и слушали рассказы Саши про хитрых медведей, про охоту, про орнитологов и талабайцев. Две замечательные собаки, черный пес Мишка и белая лайка Белка, почувствовав наше полное доверие к ним, ночью стащили нашу «перекусную» колбасу.

После хорошей дневки продолжили путь.

27 августа. От озера начали подъем по ручью. Перепад высоты до 1000 м, поэтому шли не спеша. Внезапно ручей оборвался водопадом — пришлось проходить стенку свободным лазаньем. Ещё 50 метров набора — и снова водопад. Смотреть приятно, а проходить трудно. Пришлось выходить на борт ручья. Провесили веревку и поднимались по ней с верхней страховкой. Наконец вышли наверх. На плато соорудили турик, указывающий место спуска, оставили записку с предложением назвать перевал «Молодожены» (у наших друзей в Екатеринбурге в этот день была свадьба).

На плато шли в облаках. Скорость невысокая, под ногами курум. Вообще на вершине плато в основ-

ном камни: крупные, средние, иногда галька, мы назвали это — Марсианский пейзаж.

Вечером подошли к реке, на которой оставляли свою закладку. К нашему удивлению, река текла далеко вниз в каньоне. Высоко же мы забрались! Делать нечего, встали на ночёвку на плато, у ручья и цирка с водопадами. Парни пошли искать пути спуска к закладке. Нашли спуск курумная осыпь крутизной 35-45 градусов. Потихоньку спустились к реке и нашли закладку целой и невредимой. На обратном пути взяли дров. Путь вверх тем же путём был очень сложен, и внизу не верилось, что здесь мы спустились. Пошли по северному борту долины. Не так круто, но пришлось обходить весь каньон.

В верховьях каньона находится удивительное по красоте место — «Чаша»: в амфитеатр со всех сторон спадают 8 водопадов и река, вытекая, ныряет в каньон. За время похода мы привыкли к водопадам, но это нечто необыкновенное. Переночевав у чаши, 28-го продолжили траверс плато.

Плато сурово-красиво, озера в россыпях камней, снежники и ледники, водопады, ущелья. Хотя по карте плато обозначено как плоское, на самом деле есть и горы, и впадины, и ущелья, и каньоны. По плато шли с дровами — мало ли что случится.

Спускались в долину реки Хойси. Вышли на снежник, по снегу вытаптывали ступени. Последний снежник был довольно крутой — 25-30 градусов, а

последние 30 метров спуска снежник плавно перешел в ледник. Пришлось вкопать палку и организовать спуск с верхней страховкой. В этот день мы вымокли, замерзли и устали. Под вечер решили не спускаться и поставили палатку на каменном пятке над долиной. Вою ночь шел дождь, шумел ветер и водопады.

Утром 29-го весь склон был в белом тумане — спускаться нельзя. Мы, как в аэропорту, стали ждать погоды.

Через два часа облака раздуло, и мы спокойно спустились по сыпуче. Вниз по Хойси шли по оленьим тропам. Вечером остановились на берегу реки Хойси и заночевали под крики птиц.

На следующий день, 30-го, перед переправой реки Бунисяк зашли на базу Олега Крошевского. Хозяева, Олег и Татьяна, встретили нас тепло, предложили переночевать в одном из домиков, чем мы и воспользовались. У Олега свое хозяйство, есть теплица, гостевая столовая, в которой много цветов. Олег своими силами организовал природный парк в устье реки Бунисяк. Борется с браконьерами.

Для туристов, да еще и с разрешением от заповедника, проблем в проходе по его территории нет.

31 августа, в последний день лета, погода была солнечная и теплая. Лама стояла чистая и бездонно-прозрачная. Мы перешли Бунисяк по галечным отмелям (воды по колено) и по берегу озера Лама дошли до бухты реки Бучарама, где и был финиш нашего маршрута. Остановились прямо на берегу, ловили рыбу, собирали ягоды. В целом поход прошёл удачно, интересно и весело. Маршрут пройден, километража хватает на 3-ю пешую категорию сложности.

Запомнились красивые водопады, мшистая северная тайга, обилие рыбы и ягоды. А еще — большие и хорошие люди на севере: всегда приветливо встречали нас, давали обогреться, обсушиться, переночевать, угощали рыбой. Север оказался на удивление щедрым и душевно теплым! И у природы нет плохой погоды: было и солнце, были и дожди, был и снег.

Спасибо всем, кто дал нам возможность совершить это удивительное путешествие.

МОСКОВСКИЙ «ТИТАНИК»

Это утро в жизни Игоря Яковлевича не предвещало никаких особых изменений. За окном стояла такая же, как и всю неделю, беспросветная серая облачность, похожая на грязный, обкуренный выхлопными газами снег. Из телевизора ведущие утренние программы повторяли вчерашние новости.

И было бы даже еще более скучно и серо, если бы не... выборы.

Если просто сказать, что Игорю Яковлевичу нравились периоды подготовки и проведения выборных кампаний, значит, не сказать ничего. Он их просто обожал: всякие там теледебаты, с обливаниями соком и мордобоями; прямые трансляции работы думцев со старыми деревенскими забавами — драками стенка на стенку да выдергиванием друг у друга волос, у кого что осталось; круглые столы, гласы народа, свободы слова и прочие телешоу с политическим уклоном, собирающие одних и тех же людей, кем-то когда-то куда-то выбранных.

Особенно в эти дни ему нравились, конечно, вечерние передачи, когда можно было уютно устроиться в кресле, пододвинуть к себе раскладной столик на колесиках с парой баночек пива, чипсами и вываленном на блюдце пакетишке фисташек. Но самое интересное, конечно, начиналось перед самыми выборами. Каждый из кандидатов на сокровенные места, словно студент перед сессией, считал, что лучше запомнится то, на что глаз упал в последнюю минуту, и всеми правдами и неправдами старался поставить свою точку в дискуссии.

Все эти зрелища так будоражили Игоря Яковлевича, что во время этих последних шоу он позволял себе и бельевую, пропуская по одной за каждый успешный ответ своего избранника. И при этом делящая шла так же хорошо, как и первая, а любые дешевые закусоны казались изысканными деликатесами.

Вот и в этот раз он ни разу не пропустил ни одной подобной передачи, хотя в каждой из них одни и те же люди говорили, в сущности, одно и то же, с небольшими «вариациями на тему».

Каково же было его удивление, когда в девятичасовом выпуске новостей, неожиданно не только для всех зрителей, но и для себя самого, диктор скорчил удивленную мину и зачитал с невидимого монитора «важное правительственное сообщение», полученное сотрудниками программы из «весьма компетентных источников». Суть этого сообщения сводилась к следующему:

— Выборов больше не будет, принято решение, что страна не может больше позволить себе разбазаривание огромных сумм на столь частые выборные кампании. Хватит! Выбрали в прошлый раз людей. Раз выбрали — значит, доверяете. И пока они живы и

здоровы, пусть сами и решают, продолжать начатое или поставить на свое место более свежие подготовленные ими молодые кадры.

«И ничего, — завершая чтение сообщения, зачитал диктор выдержку из «типичного послания трудящихся правительству», — коней на переправе надо то и дело менять, а то застрянем между двумя измами навек, не выпутаемся».

Услышал такое, Игорь Яковлевич и загрустил.

— Последнюю, блин, радость у человека отнимают, — начал было тихонечко высказывать он свое возмущение, одновременно разыскивая гультом разные программы, в надежде сверить, так сказать, свои думь-помысли с общественным мнением.

Как он и ожидал, в ящике на этот счет мнения были разные. Одни поддержали правительственный почин: «Действительно, сколько средств букеем, а результат? Как сядут в кресла, так и меняются, итить их, далеко не лучшим образом!»

«Правильно! — поддержали другие, — политика — дело тухлое. Как туда человек попал — пиши пропал. Был человек — нет человека!»

«А нужна ли нам вообще эта Дума? — засомневались третьи. — Пусть министры работают, президент, значит, общие установки дает, и нечего туда-сюда рассуждать!»

А четвертые, как всегда неуступчивые и своенравные, со всем этим несогласные, стали призывать обсудить этот вопрос на Манежной площади. Мол, приходите, люди добрые, обсудим все, поговорим между Кремлевской стеной и Думой, чтобы, если чего надумаем, недалеко было нести свою петицию.

«Какая еще Манежная? — удивились их предложению Игорь Яковлевич. — Ее же практически не существует! Там же теперь многоярусный подземный Торговый центр со стеклянными шапками-тобейками наверху да фонарями?» Но сомнения эти, впрочем, быстро развеялись. Само по себе, это предложение ему понравилось, и он поспешил на Охотный ряд и встал в ожидании развития событий.

А там уже вовсю шла работа. С балкона гостиницы «Москва» уже ничего не скажешь. Нет «Москвы», разобрали всю и увезли в неизвестном направлении. Строят мужики на площади из подвезенных на двух грузовичках помост. Вроде эшафота получается. Да так быстро, что через полчаса на нем уже целая очередь выстроилась из народных трибунов. Стоят, руками машут, сами себя настраивая на речи забористые, искрометные. А вокруг народ толпится. Такие же охочие на дебаты, как он; понюхали со всех сторон, стоят ждут. Настроение у всех приподнятое. Вокруг фонари красивые, во рвах фонтанчики брызжут, скульптурки на солнце бликуют.

— И что же это такое делается? — прорвался первый из ожидающих ораторов к свежевыступанной трибуне, потрясая перед собой смятой шапкой. — Как же так? Опять без всех нас? Получается, что в нас и нужды больше не будет никогда?

Не успел он договорить свою речь, как началось нечто невообразимое. Вдруг у фонтанчиков одновременно словно все краны сорвало, и вода пошла не

рассыпчатым веером, а толстыми, словно из гигантских брандспойтов, ливнеподобными струями. Они быстро наполнили в начале сами рвы, а затем, перевалив нешуточными волнами через балюстрады, и вовсе, словно из переполненной ванны, разлились по всей бывшей площади сбивающей с ног ледяной массой.

Кто-то успел громко, зловеще пошутить:

— Так вот какой супер-аквариум нам обещали в столице!

Люди бросились со всех ног врассыпную, но довольно быстро были остановлены невидимой преградой и, наступившие набегающей волной, отброшены назад, к центру площади. А вода все прибывала и прибывала, никуда не вытекая, словно со всех сторон к площади приставили высокие прозрачные стекла.

Игорь Яковлевич вспомнил, что этот подземный торговый центр с самого начала в народе называли «русским Титаником». «Прозорлив народ наш, чутье редкостное», — подумал он не без гордости, и когда вода накрыла с головой, оттолкнулся и попытался плыть в сторону Тверской, активно отталкиваясь от кишаших вокруг него тел, многие из которых вопили что-то нечленораздельное и пытались ухватить его за руки и ноги. Приходилось отбиваться быстро и решительно, долбая кулаками по головам, разбивая носы и кроша зубы, бить не глядя каблуками ботинок во все твердое. Все это, правда, помогло только в первые минуты три.

Затем тяжело прицепившиеся тела потянули его вниз. Он раскрыл под водой глаза и увидел, как на дне гигантского аквариума, словно ровная, подогнанная друг к другу галька, искрилась подсвеченная снизу брусчатка. Слово какой-то старинный затопленный город, вдали колыхались в подводных течениях и здание Манежа, и Кремлевская стена со своими башнями.

Наверху оставались те, которые еще плескались, удерживаясь на плаву вокруг всплывших досок от несостоявшейся трибуны, фыркая и тяжело перебирая обернутыми в мокрую одежду конечностями, и те, которые уже лежали на водной глади аквариума, постепенно раздуваясь и мирно дрейфуя то в одну,

то в другую сторону, повинувшись переменчивому ветрилу.

Опускаясь вниз в клубке тел, он увидел бедолаг, которые зацепились одеждой за фонари и болтались на них, словно воздушные шарик, которые и рады бы улечь вверх, да не могут.

Шмякнувшись о брусчатку, людской ком, окружавший его, распался, и он сразу же воспользовался этим, чтобы продолжить свой путь пешком, идя по неустойчивым телам, буквально за минуту обложивших дно в несколько слоев. По синевшему от переохлаждения, с красными выпущенными глазами, ему удалось подойти к невидимой стене и увидеть людей. Одни шли по своим делам, не останавливаясь. Другие, как ему показалось, приезжие и иностранцы, с некоторой досадой рассматривали барахтающихся в аквариуме людишек, закрывающих им вид на Красную площадь.

Вдруг на месте главного входа в Торговый центр словно кто-то открыл, наконец, пробку, и образовалась огромная воронка, моментально начавшая без разбору всасывать в свое чрево: старых и утопленников, доски и грузовики, а также весь образовавшийся в результате недолгого пребывания толпы на одном месте мусор. Устремляясь в этот бешеный водоворот, все это словно попадало в другое измерение, исчезая бесследно.

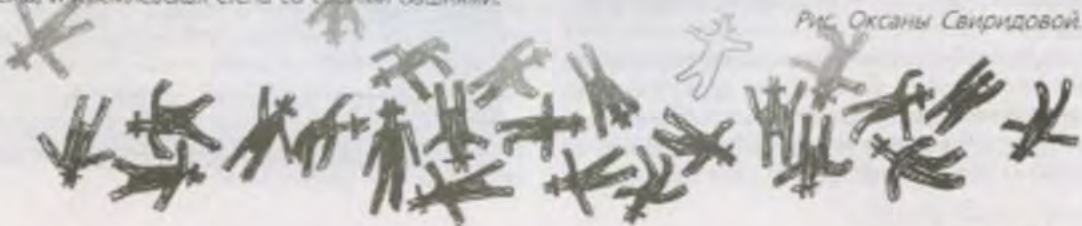
Затем дырка в последний раз утробно отрыгнула, справляясь с остатками, и исчезла. На ее месте вновь образовался стеклянный купол входа. Площадь опустела, и только редкие лужи как-то очень отдаленно напоминали о прошедшей водной вакханалии.

Совсем низко над землей проплыло огромное красное солнце, ликвидируя лужицы и окончательно лишая дворников своей повседневной работы.

Стеклянные стенки исчезли и разлетелись по ней: кто — спускаясь в Торговый центр, а кто — прохаживаясь доверху, попивая пиво и фотографируясь.

Все стало как прежде.

Рис. Оксаны Свиридовой.

Шемахинская дача Никиты

— А! Никитушка! Ну так что, сын мой, дела будто питерские ты хорошо справил. Когда же на Камень мыслишь?

— Мыслить некогда, батюшка. На Камне дела неопложные. Пожалуй, завтра и отправимся — всё готово.

— Как круто! Не забыл ли что из наказов моих?

Перечислил Никита отцу все его наказы, в том числе и про окончательное оформление купчей крепости на Шемахинскую дачу.

— Будем в Сорокинской пристани, обязательно попрошу Ваньку Сорокина показать как следует речку Шемаху — Петр Блинов пишет, что речка эта самим Богом для передельного завода нам предназначена.

— Так вот я и хочу тебе напомнить, что ещё одно важное дело ты позабыл.

— Какое же, батюшка?

— Пригласил я на завтра попа — помолимся душевно все вместе Господу, попросим о помощи в трудах наших, а уж послезавтра и отправитесь с Богом.

И вот Никита Демидов-младший с братом Иваном да служителями своими подъехали к господскому дому первого своего уральского завода, Вахильево-Шайтанского.

После обычной суматохи служителей, встречающих богатого хозяина, после берёзовой бани и господского ужина братья Демидовы расположились на ночь в одной комнате.

— Завтра пробудем здесь. На дела и на бумаги посмотрим. Плотины верхнюю пока здесь заводить помешкаем, а людшек лишних надобно в Кыштым переводить — там домницу поспешать надобно да и припасов запастись. Э-э, брат, ты уже спишь.

Через день к обеду подкатились и в Нижне-Сергинский.

Опять — к господскому дому, опять суматоха служителей. А у ворот спокойно стоял парень на вид этак лет пятнадцати. Он снял шапку и низко поклонился. А из ворот вышел отец его, крепостной Петр Блинов — главный приказчик.

От Сергинских заводов до Уфимской пристани и дальше ехал Никита с Петром Блиновым и служителями на трёх подводах, а Ивана оставил на Сергинских заводах наводить хозяйский порядок. До пристани тридцать вёрст накатанной до блеска дороги. Вот обогнали обоз с железом из девяти подвод с тремя возчиками. А вот и опять такой же обоз догнали.

— Сколько же лошадей возят железо?

— До сорока где-то. В этом году с Уфимской думаем 15 коломенок отправить. Это за четыре зимних месяца — за сто дней считай — надо вывезти 120 тысяч пудов. Тыща и двести пудов в день, а лошадь увозит 30 пудов, вот и получается сорок лошадей. Два обоза вот обогнали да два впереди.

Смотритель пристани — крепостной человек Михайло Воронин — встретил хозяев без шапки и низким поклоном.

— Чего это у нас, у Сорокина Ивана, пристань Сорокинская, а у Воронина Михайлы — Уфимская? — шутил хозяин заводов.

— Уфимская, чтобы с Чусовскими пристанями не спутать, а Сорокинская — чтобы с уфимскими не смешать, — отвечает Блинов смеясь, — всё у нас лад-ладом.

Тихий господский дом, гром на складах разгружаемого с подвод железа, стук топоров и голоса людей на строительстве коломенок, улица бурлаков избу на пятнадцать... ну и часовня вместо церкви — вот и вся пристань.

— Отдыхать будем в Сорокинской, — объявил Никита смотрителю, — на вашу обитель только глянем,

* * *

Странно порою выглядят люди:
Носятся с писаной торбой своей,
А в этой торбе — сломанный бубен,
Сказки и песни исчезающих дней.
Тут бесполезны смешки и насмешки
Умников, знающих все наперед.
Пусть он играет серьезно, по-детски,
Алчет пусть счастья, надсадно поет.
Юные годы давно пролетели,
Щедрые годы давно пронеслись.
И он мечтает на смятой постели:
Может, на старости скалится жизнь.

* * *

Говорят, мне стихи надо бросить,
Ну, а я не хочу бросать.
Разве птицу кто-то уприсит
По весне в лесу замолчать?
Разве кто-то ее заставит
Песни петь в неурочный час?
Не для нас она мошек таскает
И поет она не для нас.

Ты сказала, стихотворенья
Можешь в многотиражке «пробить».
Разве птицу в лесу за пенья
Кто-то будет благодарить?

* * *

Желаньем сердце загорелось,
И появилась вдруг строка,
Но пресекла мою уместность
Судьбы тяжелая рука.
Я потушил костер желаний
И головешки разбросал,
Но, вопреки моим стараньям,
Совсем костер не угасал.
Тепло его травило душу,
Горячий пепел кровь студил.
А не пускать стихи наружу
Мне просто не хватало сил.

* * *

Стихи галопом кто читает?
Читать их надо не спеша!
Тогда вернее отвечает
Всем звукам чуткая душа.
Душа уловит лепет листьев,
И гром литавр, и тишину,
И со стихами сможет слиться,
Войти в их чудную страну.
В страну, где все из слов отлито:
И облака, и фонари,
И звуки красочной сюиты,
И краски трепетной зари,
Триумф любви и озаренья,

Взлет до немыслимых вершин
И чуть заметное движение
Еще неопытной души.
Здесь слово, словно джинн,
ВСЕВЛАСТНО.
Но джинна вызовет лишь тот,
Кто все слова предельно ясно
И не спеша произнесет.

СОНЕТ

Казалось мне, что детство позабылось,
Но ты пришла, напомнив вдруг одну...
И сердце Жизнерадостно забилось,
Набатов оглашая тишину.

И время для меня остановилось,
А сквозь его густую седину
Ко мне то чувство первое пробилось,
Что в детство привело мою весну.

Я был восторжен, счастлив, вновь влюблен:
В скупую явь вплетался детский сон.
И взгляд мой был, наверно, светло-грустным.

Но ты прошла, и цеха нудный гул
Меня к работе будничной вернул.
Лишь время оставалось светло-русым.

* * *

Нет, не зря мне гадалка
Нагадала беду.
Ты целуешься жарко
У меня на виду.
Ты целуешься с этим...
Среди белого дня,
То ль меня не заметив,
То ль увидев меня.
И зачем это надо,
Как все это понять?
Ведь тебя, моя радость,

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Мы не виделись несколько лет. За это время с нами что-то произошло. Мы встретились, пошли рядом, но я не смог сказать тебе ни слова. Ты тоже молчала. Молча нагнулась, сорвала лист, провела им по моей руке. Руку обжег холодок. Я вздрогнул, а ты улыбнулась и провела другой стороной листа.

- А так?
- Мягкое тепло успокоило.
- Что это? — шепотом спросил я.
- Мать-и-мачеха.
- А она цветет?
- Уже отцвела...

Я боялся обнять.
Грел твой образ поэта
Средь морозов и выюг,
А сейчас среди лета
Поцелуй этот вдруг..
Поцелуй этот пылкий
Длился миг или час.
Ты в конце этой пытки
Познакомила нас:
«Юрка, тот стихотворец,
А это — мой муж!»..

***

Как веселые синички,
Разогнать способны грусть
Две зеленых рукавички,
Прилетевшие на грудь.
Не скворцов весенних трели
(Май наш где-то впереди),
Сердце ласкою согрели
Две синички на груди.
Обогрели, заманили:
«До порога проводи», —
И послушно присмирели
На взволнованной груди.
По своей дурной привычке
Ляпнул что-то сгоряча,
Две зеленых рукавички
Подлетели до плеча,
Заспешили вдруг куда-то.
Не успел их ухватить
И шепнуть им виновато:
«Погоди, не уходи».

***

Я смотрю на усталых прохожих
И от этого сам устаю.
Понимаю: никто не поможет
Победить усталость мою.
Понимаю.
Но, как ни странно,
Продолжаю жадно смотреть
И надеяться: вдруг неожиданно
Вспыхнет взгляд, готовый согреть.

***

Дни то ласковы, то строги,
Жизнь то мачеха, то мать.
И не стоит нам уроки
Нашей жизни забывать.
Все ругают мачех дружно,
Говорят, что в них все зло,
Говорят, что людям нужно
Сытость, радость и тепло.
А вот жизнь, смешная штука,
Так закручена подчас,
Что не знаешь, чья наука
Выручает в трудный час.

Лыжная прогулка в доме отдыха

В небо радостное рвется
Искрометный яркий снег,
А под горкой раздается
Серебристый женский смех.
Я сквозь острый ветра свист
К смеху устремляюсь вниз.

Радость этого движенья
Наполняет кровь мою,
И растет в душе стремленье
Прокричать: «Я вас люблю!»
Только времени вот нет:
Надо ехать на обед.

Щи горячие смакуя,
Дню морозному так рад,
На соседний стол смотрю я
И холодный вижу взгляд.
Растопить хотел не раз
Голубые льдинки глаз.

Рис. Вячеслава Микрюкова.

Гитара и цыганщина

Многие музыкальные инструменты мира воспеты в стихах. Но больше всего, конечно, повезло гитаре.

Валериан Алексеевич Русанов (1866-1918) — историк гитары в России, певец русского гитаризма, в своем очерке 1899 года о московском гитаристе-виртуозе Михаиле Тимофеевиче Высотском (1791-1837) писал, что в первой четверти XIX столетия гитара стала модным в России инструментом, что «гитара и гитаристы появляются в текстах народных песен». И приводит в пример вот такой фрагмент из русской народной песни:

Вдоль по улице молодец идет,
За собой ворона ведет;
За конем-то его милая идет,
Во руках она гитарочку несет.
Кричит: - Молодец постой, постой, постой!
Разудаленький, гитарочку настрой!

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет
Во правой руке гитарочку несет.
Саша, миленький, гитарочку настрой,
Свою песенку любезную пройой..

«И много других песен, в которых «миленький» описывается с гитарой в руках», — сообщает далее В.А. Русанов. Смею возразить автору, что в старинных — я это подчеркиваю — в старинных народных песнях, а также в частушках, гитара практически не упоминается. Думается, в этом сказались отношение народа в те времена к гитаре, домре как к малораспространенным музыкальным инструментам, которые в силу этого и не могли быть отнесены к любимым народным.

Даже так называемые цыганские песни (а цыганская музыка не мыслилась и не мыслилась без скрипки и гитары) довольно часто обходятся в своем литературном тексте без упоминания гитары. Многие русские поэты в своих «цыганских» стихах не обращались к гитаре и даже не упоминали о ней. См., например: Евдокия Ростопчина (1811-1858) — стихотворения «Цыганский табор», 1831; «Цыганский вечер», 1847; Владимир Бенедиктов (1807-1873) — «Московские цыгане»; Алексей К. Толстой (1817-1875) — стихотворение «Цыганские песни», 1840-е. Не встречается гитара и у других русских литераторов.

Вероятно, в русском языке самым первым поэтом, в чьих стихах возникает образ гитары, был Пушкин. Вот всем известные его строчки 1824 года, увековеченные композитором А.С. Даргомыжским.

Вот вошла луна золотая,
Тише.. чу.. гитары звон..
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон (...)

И в другом стихотворении Пушкина, (музыку писали и Глинка, и Даргомыжский) есть гитара:

Я здесь, Инезилья,
Я здесь, под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.
Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном (...)

Правда, тут отражена жизнь испанская, в которой гитара всегда была атрибутом обязательным.

В 1830-е годы появляется «гитарное» стихотворение Владимира Соллогуба (1813-1882) — «Серенада», где, наконец-то, и русский дух, и Русью пахнет, где слышно «неистовство бурсацкого напева»:

Закинув плащ, с гитарой под рукою
К её окну пойдём в тиши ночной
и там прервём мы песню молодую
Роскошный сон красавицы младой (...)

Позднее это стихотворение сильно измененное безвестными авторами, ставшее в два раза короче и выразительнее, получило широкую известность

Тропинин В.А. Гитарист. 1839.

среди русских студентов. Спустя еще 30-40 лет этот поздний вариант стихов с музыкой Эдуарда Францевича Направника стал популярнейшим романсом XIX столетия.

Занимаясь поисками стихов, в коих есть гитара, я натолкнулся на пародийное стихотворение Козьмы Пруткова, написанное также в середине XIX века, — «Желание быть испанцем», в котором есть такие слова:

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

(...) Здесь перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу..

Альгамбра, мантилья, гитара, Инезилья — опять чисто испанский антураж. Все, вроде бы, знакомо и понятно. Но что же за танец такой — «качуча»? Незнакомый нам теперь. Оказывается: тоже «испанский народный танец, характерный страстными жестами и эксцентричными позами». Тут вспом-

Дж. С. Сарджент.
Цыганский танец.

нилось, кстати, что в середине XIX века в семье Чайковских, живших тогда на Урале, в глубоко провинциальном Алапаевске, тоже танцевали вывезенную из Петербурга «качучу», о чем дети генерала Ильи Петровича Чайковского, отца композитора, писали в своих письмах в столицу.

Кому не известны строки Аполлона Григорьева (1822-1864) из стихотворения 1857 года:

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!..

Но оказывается, не Аполлон Григорьев был первым, кто использовал этот «мотив» (сюжет). Во втором томе Полн. собр. соч. Ивана Федоровича Горбунова (СПб., 1904) напечатано стихотворение «Гитара», помеченное авторской датой: 18-го февраля 1855 г. Всего шесть строф. Не покажутся ли вам знакомыми эти строки? (Воспроизводим первую и последнюю строфу).

Гитара

Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная.

(...) Так допой же, доскажи
Песню недопетую.
Видишь, я в ночной тиши
Плачу, мучусь, сетую.

Вернемся к Ал. Григорьеву. В его книге «Избран-

ные произведения» (Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1959) есть цикл, который назван: «Отрывок из неоконченного собрания сатир «Борьба». (Воспроизводим первую и последнюю строфу).

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!
(...) И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

Цыганская венгерка

Две гитары, зазвеве,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой – ты ли?

(...) Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!..
Эх-ма, ты завей
Верёвочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова...
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!

(...) Милый друг, прости-прощай,

Прощай — будь здорова!
 Занывай же, занывай,
 Злая квинта, снова!
 Как от муки завизжи,
 Как дитя от боли,
 Всею скорбью дребезжи
 Распроклятой доли!
 Пусть больнее и больней
 Занывают звуки,
 Чтобы сердце поскорей
 Лопнуло от муки!

Под обоими этими стихотворениями стоит дата: 1857 год. Значит, Ал. Григорьев — вторичен после И. Ф. Горбунова, который написал свою «Гитару», очень точно обозначив дату: 18 февраля 1855 года.

Сегодня бы такую «похожесть» назвали плагиатом!

«О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка» («Две гитары, зазвенев...») — это два разных сочинения Ал. Григорьева. Но многочисленные исполнители весьма вольно (творчески!) относились к тексту. Алла Баянова, Алексей Покровский, Николай Сличенко, Валентин Баглаенко, Виктор Светлов, кино-театральный актер Александр Борисов (в сопровождении ленинградского гитариста Сергея Сорокина), Сергей Образцов — брали куплеты, припевы из двух этих разных произведений (а в них в общей сложности чуть не 200 строк!) и «монтировали» их по-своему. Такова давняя исполнительская традиция, сложившаяся именно с этой пьесой.

Заметим, что «плагиаторов»-то у этой полюбившейся всем цыганской темы было потом еще немало. Вот еще.

Прощание с гитарой. Романс

Подражание Аллану Григорьеву.

Чибирик, чибирик, чибиришечка,
 Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

Осенняя, простудная,
 Печальная пора.
 Гитара семиструнная —
 Ни пуха, ни пера!
 Ты с виду — тонко струнная,
 На слух — ворожея,
 Подруга семиструнная,
 Прелестница моя!
 Ах, как ты пела смолоду,
 Вся — музыка и статья,
 Что трудно было голову
 С тобой не потерять!

Чибирик, чибирик, чибиришечка,
 Ах, как плыла голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться
 В преклонные лета —

И статья не та, красавица,
 И музыка не та!
 Всё в говорок про странствия,
 Про ночи у костра,
 Была б, мол, только санкция —
 Романтики сестра!
 Романтика, романтика
 Небесных колеров,
 Нехитрая грамматика
 Небитых школяров!

Чибирик, чибирик, чибиришечка,
 Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

(...) А что души касается —
 про то забыть пора,
 ну, что ж, прощай, красавица.
 Ни пуха, ни пера!

Чибирик, чибирик, чибиришечка,
 Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!
 1964-66

Слова романса принадлежат Александру Галичу (1918-1977), который его и пел.

Владимир Высоцкий — еще один продолжатель в своем песенно-стихотворном творчестве цыганской традиции — в поэзии, цыганских мотивов — в музыке. Это можно услышать во многих его песнях:

*Александр Рукавишников.
Владимир Высоцкий. 1981.*

«Где твои семнадцать лет?», «У меня гитара есть, расступитесь стены...», «Протопы ты мне баньку, хозяюшка...», «То ли в избу — и запеть, просто так, с морозу...», «В сон мне — желтые огни...», «Во хмелю слегка, лесом правил я...», «Что за дом притих, погружён во мрак...», «Жил я славно в первой трети...», «Как во смутной волости, в лютой, злой губернии...», «Как засмотрится мне нынче, как задышит-

ся...», «Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная...» и др.

К названным выше примыкают и два (написанные в один год — 1977) родственных по содержанию и по музыкальной тематике сочинения Высоцкого: «Мы из породы битых, но живучих...» («На 50-летие Олега Ефремова») и «Ах, как тебе родиться пофартило...» («На 60-летие Юрия Любимова»). Тут везде можно уловить «цыганские» обороты, «цыганские» интонации. А разве знаменитейшие, трагичнейшие «Кони привередливые» Высоцкого с их напряженной, едва сдерживаемой поступью, не несут в себе «цыганских» мотивов? Эти «Кони...» — шедевр песенного творчества. Выходит, «цыганское», «цыганщина» — совсем не всегда признак дурного вкуса...

«Гитарные» стихи можно обнаружить у разных русских писателей и поэтов XIX века. Хотя не так уж много. Но зато в XX столетии профессиональные и самодеятельные русские поэты и композиторы заполнили пробел и воспели-таки гитару в своих стихах, песнях, романсах. Есть много стихов, песен, целиком посвященных гитаре, в других она только упоминается или называется, как некий атрибут быта: в казарме солдатской, в кубрике матросском, у туристского костра, у строителей БАМа и т.д., и т.п. В сегодняшней так называемой самодеятельной, или авторской песне тоже есть «гитарная» тематика, «гитарные» сюжеты. Правда, некоторые «гитарные» стихи здесь, на мой взгляд, не представляют эстетической ценности, но они заслуживают внимания «историческим» фактом своего существования.

Еще несколько слов о поэзии, о стихах в старинных романсах, в которых гитара встречается довольно часто. Я люблю этот музыкальный жанр. Хотя, ну что в нем?

А вот, поди ж ты: залы на концертах старинного романса (в том числе и под гитару) заполнены публикой, диски с такими записями не залеживаются. Публике нравятся. И мне – тоже. Почему? Да потому что тут вечные темы и ситуации: любовь и ненависть, счастье и горе, встречи-расставания, потери и обретения... И для каждого нового поколения все это – тоже всегда впервые. И для каждого старого поколения все это – всегда в ностальгическом прошлом. И все это – было у каждого человека...

Долговечность так называемого цыганского романса, старинного русского романса, не спадающего интереса людей к ним, наверное, заключается в том, что они вневременные по своему содержанию. Они – для всех режимов и для всех слоев населения, потому как воспевают чувства и ситуации – жизненные, общечеловеческие, а значит, вечные! Чисто любовный – «душещипательный» – камерный романс, в котором речь идет о душевных пере-

живаниях простого, неприметного, «маленького» человека, иногда называют, с несколько ироничным оттенком, жестоким романсом.

Старинный русский романс, «жестокый романс», интимен по своему содержанию, это не громогласный «Марш энтузиастов» или «Марш коммунистических бригад». Любые, самые, казалось бы, стойкие идеологии, доктрины, как выяснилось, оказывается, рано или поздно умирают, неся добро или зло человеку. И только сам человек – вечен. Со всеми его личными чувствами, заботами, проблемами, радостями, горестями. А значит, вечен будет и такой человеческий старинный романс, воспевающий человека...

На тему «Гитара в изобразительном искусстве (живопись, графика, малая скульптура) – на протяжении веков» можно издать внушительный альбом репродукций, фотографий – целое научное исследование. За которое пока еще никто не брался.

Анатолий Калашников.

*Мой костер в тумане светит,
Карнавал,
Романс, Гусары.*

Антон ТИХОМИРОВ, фото автора,
записала Анастасия НОВИКОВА

Фаны на пять с плюсом

И пускай со всех сторон доносились крики друзей и знакомых: «Фаны? Это же Таджикистан! Там же моджахеды всех режут-убивают. А до Афганистана ближе, чем до соседней булочной!» День отправления нами был уже назначен.

Стоял жаркий, не по уральским меркам, июль. Казалось, что город прикидывается Африкой, и люди варятся в зависшем воздухе. Хотелось бежать из нашего города. Мы упаковались рюкзаками и баулами с провиантом. И казалось, что уже ничто не может удержать на месте. Поезд «Уфа–Ташкент» ждал на перроне. Мы пересчитались – вся группа на месте. Откуда-то доносился несложный мотив старенькой песни,

который заглушал все наши сомнения и мысли. И мы пели: «Я сердце оставил в Фанских горах...»

Однако не столь легко мы добрались до конечного места назначения. При пересечении границы наша группа лишилась одного своего участника. Было обидно, что из-за бюро-

кратических препон (паспорт был просрочен!) мы не смогли в полном составе насладиться красотой Фанских гор. «Я сердце оставил в Фанских горах...», – пели ехавшие с нами альпинисты. Дорога была длинной: через Казахстан в Узбекистан, где из Ташкента, автобусом, мы должны были попасть в древний город Самарканд. Кто-то рядом рассказывал нам про этот удивительный город, который являлся одним большим базаром. Это потом, на месте, мы сами узнали, как тяжело поменять русские деньги на их, так сказать, иностранную валюту. И как можно переборщить с пряностями. А пока – дорога и, конечно же, песни под гитару!

По прибытию у нас оказался целый день на осмотр города. Мы удивлялись всему. Но прежде всего парадоксальности местного населения. Наряду с огромным количеством мечетей, древних и по-восточному таинственных, здесь было большое количество всяких питательных заведений. Забавно, еще, например, и то, что гробница Тамерлана находится в самом сердце рынка. Один местный житель, разговоривший с нами, рассказал, что «Ходжа Насреддин их земляк» и что он «прекрасно знает, где находится Екатеринбург» (чем удивил нас несказанно!) Оказывается, что в Самарканде многие знают наш город, потому как «половин там сама была», а у половины – «был брат».

С утра следующего дня нас поджидал автобус, который и доставил до лагеря. Вот они – Фаны. Погода – сказка. Как в рай, вою и тепла. Мы вооружены до зубов не только собственными вещами, но и самаркандки. Райские горные. Нужны были веревки, ледорубы, крючья. И тут очередной удар: единственная девушка нашей

Говорят, увидеть Париж и умереть. Но что нам, уральцам, Париж, когда есть Фаны?

Путешествия

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

группы заболевает горной болезнью. Даже очаровательная природа не помогла ей пройти акклиматизацию. 3800 метров – это уже не шутка. Началась другая жизнь.

Каждый день мы взбирались на перевал, отмеченный на карте какой-нибудь категорией сложности. Маршрут был по-спортивному напряженным. Иногда нам посчастливилось даже три перевала подряд. На одном из перевалов нам открылся вид «летней деревни». Это множество шалашей, затерянных в глубине гор, и очень гостеприимные люди. Мы проходили мимо, когда одна девушка подождала с нами с кринкой молока и стала что-то очень быстро лепетать на своем языке. Мы засмеялись, а она буквально силой затащила нашу группу к себе в деревню! «Шай, шай кушать» – раздавалось отовсюду. Нас напоили местным кислым молоком и лепешками. Тут же были и французские туристы, которые раздавали ребятам конфеты. Мы же поделились с маленьким населением конфетами. Дети так обрадовались, что еще долго махали нам вслед.

Следующий перевал был особенно труден. Мы поднимались долго и не без особых усилий. Ноги болели. Час, другой, третий, пятый. Вымкли, выдохлись. Вниз сплунуть страшно. Но только мы оказались наверху, как присели от удивления: из самой вершины преспокойно таскал бык. Как он туда попал? До уровня моря что-то около четырех километров по прямой. Такой вот казус.

Кстати, насчет парнокопытных. Местное население передвигалось на осликах. И нам, как истинным пешим туристам, было бы стыдно и думать об этом, но, как уральцам, проехаться на осле пришлось настоящей экзотикой. Экзотика превозможна ведь! И, водрузив на одного осла все наши рюкзаки и баулы, на втором ехали сами, по очереди. Ощущение такое, что ты едешь на раскачивающемся диване по узкой тропе.

На следующий день нашего пути мы вплотную подошли к самой высшей точке района – горе Чимтаргу. 6489 метров! Дорога наверх представлялась крайне тяжелой. И все же, засыпая среди холода и космической высоты, мы мечтали поскорее оказаться на вершине. А там была поистине красота! Всё, как на ладони: хребты, озера, долины, реки. Воздуха как будто и не было совсем, а в кровь кто-то подмешал игристое шампанское. Перевая дух, мы стали спускаться вниз. И всё бегом – холодно до жути.

К вечеру следующего дня на нашем пути попадаются екатеринбургские альпинисты, бывшие с нами в поезде. Радость была бы неполной, но у них столько экзотических для нас продуктов: тушенка, морковка, картошка. А их борщ по-домашнему и таджикский капро... Однако время не ждет. Через три дня мы дошли до озера «Исхандеркуль». Чистое и

зеркально прозрачное. Вода же ледяная до жути, но, отважившись искупаться, мы стали нырять на скорость. Возможно, мы просто устали... и экзотичные виды и сама матушка-природа уже не так воодушевляли нас, поэтому было решено быстрее возвращаться домой.

Аэрофлот. Российские авиалинии!!! Из Душанбе прямо в Екатеринбург, и в два часа дня мы уже рассказывали о наших приключениях друзьям и родным. О высоких горах, о чистых озерах и необычайном гостеприимстве. О том, что все в этой стране скорее вертикально, чем сколько-нибудь горизонтально... Все слушали и делали вид, что нисколько нам не завидуют. А мы вспоминали перелет и Фанские горы с высоты птичьего полета.

Екатеринбург в телефонокарти

Историческая справка.

Первые срубы нового города и завода на границе Европы и Азии были заложены весной 1721 года видным государственным деятелем петровской эпохи и главным горным начальником Василием Никитичем Татищевым (1686-1750). По указанию Берг-коллегии строительство было приостановлено и возобновлено только через два года. 7 (18) ноября 1723 года пустили ход первые паровые молотовые фабрики (цеха) Екатеринбургского завода. С этого дня и отсчитывается время жизни Екатеринбурга-Свердловска-Екатеринбурга.

Сегодня Екатеринбург — полуторамиллионный город протяженностью с запада на восток на 14 и с севера на юг на 25 километров. Это индустриальный, научный и культурный центр с развитой финансово-информационной сетью, занимающий ведущее место в деловой жизни России.

Коллекционирование телефонных карт — телефонокартия — появилось около 30 лет тому назад, а коллекционированию отечественных телефонных карт нет и половины этого возраста.

На Среднем Урале коллекционеры, серьезно занимающихся телефонокартией, можно сосчитать по пальцам, но именно они активно пропагандируют уральскую и екатеринбургскую (свердловскую) тематику. За последние три-четыре года ими размещен ряд статей в самарской газете «Лавка коллекционера», публикуется каталог (частями) в выпусках «Уральского коллекционера». В Интернете поддерживается сайт с каталогом телефонных чиповых (таксофонных) и сервисных, пейджинговых и Интернет — карт, которые выпущены операторами связи и провайдерами услуг передачи информации для Екатеринбурга и Свердловской области. Среди московских и питерских, а также зарубежных собирателей телефонных карт, заслуженной популярностью пользуются наши серии: «Фауна Урала», «400 лет Верхотурью», «Камни Урала», «Старые локомотивы» и другие.

Для екатеринбуржцев, разумеется, особый интерес представляют телефонокарты, изображения на которых посвящены родному городу. А таких карт на сегодняшний день уже немало.

Первые из них были выпущены в 1998 году к 275-летию юбилею Екатеринбурга. Тогда в эксплуатацию поступили телефонные карты ОАО «Екатеринбургская междугородная телефонная станция» (ЕМТС) с изображением здания городской Администрации и городские телефонные карты ОАО Екатеринбургская телефонная сеть (ЕТС) с изображением здания 1-го Дома Союзов. Как будет видно ниже, эти виды наиболее популярны в екатеринбургской телефонокартии.

Здание городской Администрации построено на основе нового Гостиного двора, заложенного еще до революции. Но тогда успели построить всего два этажа, а до пяти этажей оно выросло только в 30-е годы. Современный же облик здание получило в 1947-54 годах, когда по проекту видного архитектора Г.А.Голубева над ним выросла башня с позолоченным шпилем и часами-курантами, а на фасаде и крыше появились декоративные элементы: колонны, пилястры, лепные барельефы и скульптуры.

Здание 1-го Дома Союзов в стиле поздней готики по проекту архитектора А.И.Падучева было перестроено весьма богатым чиновником Горного ведомства Н.И. Севастьяновым в 1866 году из стоявшего ранее на этом месте трехэтажного

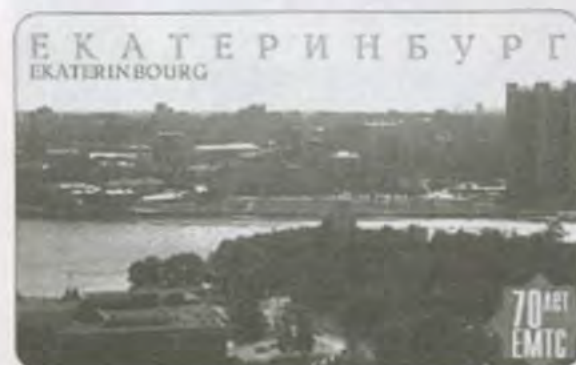

дома. В 1874 году владелец продал дом Екатеринбургскому окружному суду, где тот и находился до 1917 года.

В июне 1999 года выпущены телефонные карты ЕМТС, посвященные Всемирному конгрессу ВФАК ЮНЕСКО, проведенному в Екатеринбурге в 1999 году. На них изображен вид на Исторический сквер в центре г. Екатеринбурга на реке Исеть. По полю основного изображения разбросаны более мелкие «открытки-виньетки»: памятник маршалу Г.К.Жукову, памятник основателям города — В.Н.Татищеву и генералу В.И. де Генину, управляющим Уральскими казенными заводами в разное время.

В июне 2001 года на телефонных картах ЕТС появилось изображение и реклама торгового центра «Юго-Западный», данные карты выпущены малым тиражом — 1000 экземпляров и, в силу этого, достаточно редки.

К 10 апреля 2002 года выпущена карта, посвященная 70-летию Екатеринбургской между-

городной телефонной сети, с видом городского пруда, здания областной Администрации (в народе — «Белого дома» или «зуба Ельцина»), резиденции полномочного представителя Президента России на Урале, а также киноконцертного зала «Космос» и части территории стадиона «Динамо».

22 марта 2002 года отметила свое 110-летие и Екатеринбургская ГТС. Это событие нашло свое отражение в выпуске телефонных карт с соответствующей надписью и видом на усадьбу Расторгуевых-Харитоновых — крупнейшего и красивей-

шего ансамбля периода классицизма. На лицевой стороне изображение представлено схематическим рисунком, а на оборотной – фотографией. Строительство этой усадьбы, красиво раскинувшейся на Вознесенской горке около кафедрального собора, было начато в 1794-95 годах, а затем продолжено купцом Л.И.Расторгуевым и его зятем П.Я. Харитоновым. Строительство и дальнейшую судьбу усадьбы сопровождали многие тайны и легенды. В строительстве последовательно принимали участие несколько архитекторов, в том числе и известный уральский архитектор М.П.Малахов. В 1935-37 годах здание было отреставрировано, и в нем долгое время размещался Дворец пионеров и школьников.

Новый оператор связи ОАО «Уралсвязин-

форм» в лице Екатеринбургского филиала в 2003 году к 280-летию Екатеринбурга порадовал коллекционеров тремя картами. На одной из них изображены городской пруд и здание 1-го Дома Союзов (сюжет «Плотинка»), на другой – здание Администрации г. Екатеринбурга и воссозданный магазин «Мытный двор», на третьей – аэропорт «Кольцово».

К этой же памятной дате была выпущена серия карт, интересная и с точки зрения дизайна, и с точки зрения истории города (заказ исполнен французской фирмой «Шлюм-Берже»). К сожалению, в областной столице соответствующие таксофоны уже не эксплуатируются, и екатеринбуржцы имеют возможности лицезреть эти телефонкарты лишь при посещении нескольких

городов Свердловской области. На этих картах воспроизведены старые, примерно вековой давности, фотографии зданий Екатеринбурга с краткой справкой о времени их постройки и современной судьбе. Это «Магазин Второва», «Мытный двор», «Ресторан «Каменный мост», «Новый городской театр», «Вокзал».

«Магазин Второва» – торговый дом А.Ф.Второва на улице Успенской (ныне – Вайнера). В 1929 году в реконструированном здании открылся городской Драматический театр. Сейчас в нем муниципальный центр культуры и искусства.

«Мытный двор», построенный по проекту 1870

года, занимал в центре Екатеринбурга целый квартал. В советские годы здесь размещался «Хозмбельторг», а в начале XXI века «Мытный двор» восстановлен.

«Ресторан «Каменный мост». Купцы братья Макаровы у каменного моста через реку Исеть имели доходный дом, который сдавали в аренду. До революции здесь также был ресторан, но под названием «Звезда».

«Новый городской театр» – построен в 1912 году (архитектор В.Н.Семенов) по типу известных Венского и Одесского оперных театров. Сегодня это Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета.

«Вокзал» – здание построено архитектором Н.И.Губониным в 1878 году к открытию железной дороги Пермь – Екатеринбург.

Также к 280-летию Екатеринбурга компания «Экском» презентовала сервисную телефонную карту с изображением герба города и дома ар-

хитектора Малахова (1781-1842). Малахов был назначен архитектором Екатеринбургского горного округа в феврале 1815 года. Многие спроектированные и построенные им здания, сохранившиеся до сегодняшнего дня, являются визитной карточкой города. Загородная усадьба архитектора располагалась на нынешней улице Луначарского, а сам дом, построенный в 1815-1817 годах, был наполовину сделан из камня, наполовину из дерева. Время и суровый климат нанесли непоправимый ущерб деревянным конструкциям. В 1926 году при прокладке трамвайных путей был снесен портик, выступавший за «красную» линию застройки, декоративные детали дома разрушились. И только в 70-х годах XX столетия была воспроизведена в кирпиче точная копия здания. Единственной оригинальной частью остался купол бельведера.

В 2003 году в эксплуатацию телефонной сети поступила серия «Храмы Екатеринбурга» из четырех карт. На трех из них изображены собор во имя Святого князя Александра Невского (заложен в 1814 году в честь победы над Наполеоном), часовня во имя Святой Великомученицы Екатерины (построена в 1998 году на месте первой в Екатеринбурге церкви) и Спаса Всемилостивого мужской монастырь. На четвертой карте изображен кафедральный собор Вознесения Господня (заложен в 1792 году), однако, по досадному недоразумению надпись указывает, что это — церковь Воскресения Господня (разница, все-таки, принципиальная).

От перечисленных операторов связи, выпускающих «чиповые» телефонные карты, не отстают и фирмы, предлагающие жителям города и области сервисные, пейджинговые и интернет-карты.

Известное ЗАО «Глобал один» 000 «Эквант» выпустило серию «Столица Урала» из трех сервисных карт с видом на Уральский Государственный Технический Университет (УГТУ-УПИ) им. С.М.Кирова, фотографией здания Екатеринбургского государственного академического театра оперы и балета, а также памятника воинам Уральского добровольческого танкового корпуса на привокзальной площади железнодорожного вокзала (известен как «Варежка»).

В 2001 году предприятие «ВИК-мастер» ознаменовало свой выход на рынок услуг связи серией из девяти сервисных телефонных карт (СТК). На них помещены фотографии зданий кафедрального собора Вознесения Господня и Свято-Троицкого кафедрального собора, Уральского Государственного Университета им. А.М.Горького, Екатеринбургского государственного академического театра оперы и балета, Международного Торгового Центра «Атриум палас отель», памятников маршалу Г.К. Жукову, В.Н.Татищеву и В.И. де Геннину, мемориала воинам-интернационалистам «Черный тюльпан» и мемориального комп-

лекса жертв политических репрессий.

Специализирующиеся на оказании услуг содовой связи ОАО «Уралтел» (ныне — МТС) в своем активе имеет 51М-карты с изображением здания 1-го Дома Союзов, а ОАО «Уральский Джи Эс Эм» (оно же — «Мегафон») в начале своей экспансии в Екатеринбурге — две карты с фотографиями зданий Уральского Государственного Университета им. А.М.Горького и Государственного академического театра оперы и балета.

В конце 2003 — начале 2004 годов интернет-провайдер 000 «УралСмарт» начал реализовывать карты, на которых помещена панорама Екатеринбурга с видом, опять же, на здание городской Администрации.

В завершении следует отметить, что более двух лет назад ОАО «Уралтелеком» анонсировало выпуск телефонных карт серий: «Памятники Екатеринбурга», «Мосты Екатеринбурга», «Театры и музеи Екатеринбурга» и другие. До сих пор эти проекты так и не реализованы. Но вылучены две кар-

ты, посвященные.. городам Костроме и Ростову Великому (?). Приятно, что пришедший на смену «Уралтелекому» Екатеринбургский филиал ОАО «Уралсвязьинформ» пока придерживается более патриотических, «уральских» позиций, тем более что в нашем городе и области достаточно красивых и примечательных зданий, сооружений, парков и иных мест, достойных того, чтобы увековечить их облик на телефонных картах.

Экспедиция на Диксон

Мой папа работает в городе Норильске, и когда он мне сказал, что есть возможность поехать на Диксон, в полярную экологическую школу, я согласилась. Я была уверена, что в Арктике безумно красиво, и не ошиблась. Я прилетела в город Норильск; здесь меня встретила руководительница, Фаина Геннадьевна Кушир. На следующий день мы отправились в аэропорт Алыкель и полетели на Диксон.

Диксон — пограничный город, поэтому там ходят только пограничные катера, которые нельзя даже было фотографировать (все равно мы это сделали). И такой пограничный катер отвез нас в бухту примерно на 30 км южнее.

Бухта называется «Медуза», потому что говорят, что сверху она похожа на медузу. Там стоит маленький домик, названный в честь Виллема Баренца. Строили его голландцы в 1995 году. Домик довольно-таки уютный, но когда голландцы увидели,

что построили русские на те деньги, что они выделили они разочаровались, и сказали, что «ноги нашей здесь больше не будет». Хотя до сих пор там экспедиции из Голландии приезжают. Когда мы приехали, там были поляки, девушка-орнитолог с Украины и мы, полярная экологическая школа. Место должно было быть экологически чистым, но на самом деле там электричество работает на дизеле, то есть не совсем совпадает с нашими пожеланиями.

Начались трудовые будни. Для меня это было как просто экскурсия по Арктике. А дети, которые туда летели, они заранее выбрали темы, с которыми будут работать. Например, кто-то работал с леммингами, кто-то изучал растения, кто-то лишайники... Я заинтересовалась лишайниками. Вообще цели у меня такой не было, но когда мне о них рассказали, я поняла, что это такой удивительный мир... И когда к ним присмотришься — казалось бы,

такие серые, невзрачные, они становятся целыми инопланетными городами. Еще меня поразили цветы Арктики. На вечной мерзлоте они умудряются расти такими яркими желтыми красками. Цветочки все практически такие же, как у нас на Урале, но очень маленькие, карликовые. Еще растет полярная ива, не более 20 см в высоту. Чувствуешь себя Гулливером, когда тебе говорят, что ты идешь по ивовому лесу.

Видела очень много интересных животных, например, белуху. Это такой белый дельфин. Также видела морского зайца — лахтака, оленей, кучу леммингов и очень много птиц, которые там совсем не пуганые, поэтому подпускают довольно-таки близко.

За 10 дней, которые я провела в Арктике, я успела узнать много интересного. Например, все еще остается загадкой для ученых, почему раз в 5 лет лемминги идут топиться. К тому же лемминги являются основой пищевой цепи в Арктике. Их едят все — и птицы, и хищники, например, песец. Самым удивительным было то, что их едят даже олени — весной, в качестве витаминной подкормки.

Еще я узнала много о лишайниках, которых называют пионерами растительности, потому что они образуют первородную почву. Сами они представляют из себя симбиоз гриба и водоросли, что тоже само по себе уникально.

После этой поездки я поняла, что нам нужно ценить природу и беречь ее еще больше.

Экологическая школа мне понравилась (в плане организации) тем, что она сделана для

детей, помогает им выбрать даже свою будущую профессию. Одна девочка-десятиклассница, которая с нами ездила, будет поступать в С.-Петербурге на экологический факультет. Эта работа ей очень помогает в плане практики. Результатом таких школ в прошлые года явилось то, что дети занимали призовые места, например, на конкурсе Вернадского.

Дети были из Норильска, Диксона и из Дудинки. Ну, и я из Екатеринбурга. Ребята все очень интересные; видно, что они хотят заниматься наукой. Мне понравилось то, что там я

встретила очень много уникальных людей. Например, из Диксона была женщина, Алла Федоровна. Ей 70 лет, но она пишет кандидатскую по истории. Она и ее муж — это единственные люди, которые изучают Таймыр, остатки зимовий 18, 19, 20 века. То есть, кроме как из их уст, никто больше эту историю вам не расскажет. Дети пытаются делать тоже такие мини-научные работы. Проводилась сначала практика, потом защита ее результатов.

Помимо всего была еще развлекательная часть. Мы устраивали КВН. Были также взрослые, которые ничуть не хуже детей сочиняли песни. Полярная школа проводится в третий раз, если я не ошибаюсь, и за всю историю полярной школы не было гимна. А мы его придумали, и даже когда я прилетела сюда в Норильск, то еще три дня ходила и пела этот гимн.

Очень нам понравилось то, как нас там встречали. Например, дизелист нас встречал. Приготовил для нас рыбу, уху, сделал нам баню... Я поняла, что люди на Севере живут очень открытые и друже-

Мы немножко расстроились. Но когда мы приехали на Медузу, погода была прекрасная. Там всегда, практически каждый день, был туман и погода менялась каждый час. Но, в принципе, мы вели календарь погоды и стабильно было + 9 — +10 градусов. Дождь моросил только в последний день. Поэтому мы большую часть времени проводили на воздухе (могли себе это позволить), наблюдать за животными, за растениями.

Я учусь в Екатеринбурге в институте международных связей на факультете лингвистики. Просто интересуюсь природой.

Когда я съездила в полярную экологическую школу, я поняла, что полярная природа очень уязвима. Там запрещено ходить вокруг зда-

любные. Может быть, именно из-за условий, в каких они живут. Грустно мне стало, когда я увидела Диксон, потому что я поняла, что это город, который просто умирает. Город состоит из двух частей — островной и материковой. Особенно в материковой части дома стоят пустые, с заколоченными окнами. Хотя это очень удобное место, это удобная, стратегически хорошо расположенная гавань. Алла Федоровна провела для нас экскурсию по Диксону. Я, например открыла для себя, что там также была война (ВОВ — Прим. ред), что она задела самый север нашей страны. Жалко, что не удалось съездить в Дудинку.

Когда мы выезжали из Норильска, нам обещали, что температура опустится ниже 0 градусов.

ния станции по траве. Нужно ходить по доскам. Нам объяснили, что, когда мы протоптаваем тропы, эрозия почвы начинает очень быстро губить все вокруг. Там это настолько очевидно, потому что цветы корешками цепляются за эту землю. Все это очень легко нарушить. Видно, что человек влияет на окружающую среду (пагубно, конечно). И он должен думать о том, что произойдет через 10, 50 лет.

Сама база находится на территории Большого Арктического заповедника. Я считаю, что люди, которые там работают — это просто герои, потому что общий климат планеты и то многообразие видов, которое у нас есть, мы должны сохранить, чтобы было что посмотреть нашим детям, и вообще чтобы планета существовала.

Р Е П И Щ Е

Юрий КОНЬКОВ

*Нет, моего к тебе прирастать
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Ф.И. Тютчев.*

В нескольких километрах от моей родной деревеньки находится идеально круглая поляна, издревле имеющая в народе прозвание Репище.

Мне моя бабушка рассказывала, а ей — её бабушка, что в стародавние времена здесь посреди леса внезапно объявилась гигантская «репа», которая сияла во много раз ярче, чем только что начищенный самовар на солнечном свете.

Что это была за «репа», откуда она взялась и куда затем подевалась, бабушка не знала. Поляна эта около ста метров в диаметре. Почва на ней — пепельно-серая. Вот уже несколько столетий на ней не растёт ни былинки. А вокруг...

Вы знаете, конечно, о принципе геотропизма — о земном тяготении и о том, что деревья всегда растут строго по силовым линиям гравитационного поля Земли, т.е. абсолютно вертикально! Ну, так вот: вокруг Репища явно имеется какая-то гравитационная аномалия, ибо принцип геотропизма здесь не работает. Даже такие солидные деревья, как ели, ведут себя крайне несолидно. В обычных условиях ели — это стройные гиганты, достигающие полутора и более метров в диаметре и до сорока метров в высоту. А вблизи Репища они превращаются в какие-то жалкие прутики, кото-

рые униженно ползут по земле, всячески многократно извиваясь и изгибаясь на манер каких-нибудь змей или лиан. Создается впечатление, что ни земные законы, ни даже само земное тяготение здесь не имеют силы. Весьма часто эти ели очень похожи на легендарных чудовищ: на огромных звероящеров, на рогатых змей, крылатых драконов и прочих сказочных монстров... (см. фото). Хвоинки у этих елей — как и у всех прочих, т.е. по 1,5–2 см длины, но древесина значительно прочнее и тяжелее, видимо, потому, что растут они здесь в несколько раз медленнее, чем их сородичи в других местах. Так, одна такая змееобразная ель за 150 лет достигла в диаметре лишь 20 см, а её сородичи, выросшие поодаль, имеют в том же возрасте диаметр метра полтора.

Точно так же ведут себя вблизи Репища осины, липы, берёзы и другие деревья. Зато чуть поодаль, в нескольких десятках и сотнях метров от него, — настоящее царство грибов. Их здесь и по количеству, и по видовому разнообразию великое множество. А размеры... Грибы в 30 см высотой и со шляпкой такого же диаметра здесь — норма. А бывают и в полметра и даже в метр высотой. Однажды — дело было в 1975 году — мы наткнулись

здесь на три белых гриба сантиметров в 60 высотой каждый и со шляпками и ножками соответствующей величины. И ни червоточки в них не было, ни гнилинки. Короче, тремя грибами мы, мелко их искрошив, наполнили три ведра. Ни до, ни после я таких белых грибов больше не встречал. Жаль, что мы не догадались сфотографировать те грибы прежде, чем их искрошить. Довольно часто встречаются здесь бледные поганки в метр высотой. Да только кому они нужны!?

Скажу пару слов о собственной персоне — не хвастовства ради, а единственно для лучшего уяснения произошедшего. Я — человек энциклопедически образованный, работал в Академии Наук в должности старшего научного сотрудника, не верю ни в сон, ни в чох, ни в нечистую силу. Весьма успешно работал в области естественных и точных наук. И вот на самом пике своей научной карьеры бросил всё и исчез из поля зрения своих академических коллег. Причина кардинальной метаморфозы в моей судьбе — случай, произошедший со мной близ Репища.

Дело было так. Приехал я однажды в отпуск к маме и бабушке. И погожим осенним днем отправился по грибы. Отправился, разумеется, к Репищу, разумеется, чтобы не рыскать долго по лесу, ведь там всегда грибы есть. Ну и вот, собираю я, значит, какую-то мелочь на опушке Зубовского покоса, что

ближе к Репищу. А покос этот, надо вам сказать, представляет собой в плане длинный прямоугольник шириной метров 20—30 и длиной метров двести. Вдруг словно что-то кольнуло меня. Оглядываюсь и вижу на другой стороне полянки, метрах в тридцати от себя — там, где тропинка сворачивает на Долгую пустошь — трёх красавцев-красноголовиков. Не гиганты, конечно, но — ничего, подходящие «ребята», сантиметров по 30 каждый. «Погодите, родимые, не убегайте никуда, — обращаюсь к ним мысленно, — я вот сейчас корзинку мелочью наполню, а потом вас сверху приспособлю. То-то радости у моих старух будет!».

Потихоньку-полегоньку — по опушке, а не напрямик через полянку — подобрался к тому месту, где находились «три богатыря». Глядь, а их и след простыл. Хвать-похвать — нету! Туда-сюда — нету! Пересёк полянку, встал на то же место и в ту же позу, откуда увидал их, — нету! Тут уж я взревел медведем: мать-перемать, да что же это такое! Здесь следует добавить ещё — для полной ясности — что дурных привычек типа алкоголя и наркотиков я не имею, галлюцинациями не страдаю, сумасшедших в роду у меня не было. А между тем грибы, которые я хорошо разглядел, исчезли. Спрашивается, кто их съёл у меня под носом?

Оставив в сторону корзинку, я опустился на четвереньки и принялся методически перебирать

Эта «рогатая змея» имеет возраст 150 лет, нижний чурбак отпилен от столетней елки.

На стр. 63: 15-вершинная ель. При этом все вершины (кроме одной) находятся в одной плоскости, т.е. образуют веер.

каждый листочек, каждую травинку. Со стороны это выглядело, должно быть, не менее забавно, чем приключения жюль-верновского доктора Паганеля в африканских джунглях. Но — абсолютно ничего не нашёл, кроме своих собственных следов.

Сказать, что я чувствовал себя паршиво, значит ничего не сказать. Домой я пришёл уже затемно. Поделился своим «приключением» с бабушкой. Она — девяностолетняя обезножевшая старуха — искренне развеселилась: «Это над тобой лесовик подшутил!»

В общем, два дня я провёл в прескверном настроении. А на исходе второго дня пошёл к Репищу вновь. Только вышел на Зубовский покос, и сразу же увидел их: стоят три красавца, как ни в чём не бывало, на том же самом месте, где я их увидел в первый раз. Приблизился к ним, не сводя с них взгляда из опасения, что они вновь растают в воздухе, как зыбкий мираж. Подошёл, присел на корточки, не без усилия извлек из земли одного красавца, затем принялся осторожно расчищать пальцами почву вокруг ножки другого. Подрылся под самую ножку: гифы, мицелий, грибница, или, как говорят в быту, «корни» гриба были целые и прочно соединены с ножкой. Ту же операцию и с тем же результатом я проделал и с третьим грибом.

Я знаю о магнитной и радиационной аномалии в том месте. Я готов допустить существование некоей гравитационной аномалии или чего-то подобного, что так причудливо корезит в том месте деревья. Но объяснить, куда, в какое такое подпространство или параллельный мир «убежали» от меня в тот день «три богатыря», я не в состоянии, несмотря на всю свою учёность.

А кто в состоянии? По неволе вспоминается классическое: «Многое есть на свете, друг Горацио, что и во сне не снилось нашим

мудрецам!» С той поры — и по сей день — я абсолютно утратил интерес и к человеческим книгам, и к человеческой учёности, ибо воочию убедился в истинности библейского изречения: «Мудрость человеческая есть безумие перед Богом». Теперь я — «вольный сын степей», или — попросту, если отвлечься от высокого стиля — бомж. Не надо жалеть меня, ибо я счастливее вас, живущих во тьме многолетних человеческих заблуждений. Передо мной открылась одна страница Книги Вселенной...

Две липы: одна диаметром 60 см, а вокруг нее дважды обвивается другая диаметром около 30 см.

ДРУГИЕ ДВЕРИ

совсем не фантастический рассказ

8

Я проснулся от давящей боли в груди и сразу почувствовал что-то не так. Не оттого, что было трудно дышать, а от необычного ощущения во всём теле с правой стороны, на которой я лежал.

Я открыл глаза и подумал, что слишком глубоко зарылся в подушку — правый глаз не видел. Я попытался поднять голову и чуть не воскликнул от неожиданности — у меня было такое ощущение, что я прилип к подушке. Я яростно заворочался и понял, что это чувство приклеенности относится ко всему телу. В голову пришла дурацкая мысль: «Сафьянов налил мне в постель клея или ещё какой-нибудь дряни».

Наконец мне удалось оторвать голову от подушки, но никакого клея в слабом утреннем свете я на наволочке не заметил. Лево́й рукой я отбросил лёгкое одеяло в сторону и тут воскликнул по-настоящему — мне показалось, что я лежу на тесте, поскольку моя правая рука и весь бок будто увязли в том же матрасе, покрытом белой простыней. Охваченный ужасом, я стал рывками подниматься, смутно осознавая, что меня держат не снаружи, а будто изнутри, проникая в руку до кости. «Да я же сплю!» — подумал я в разгар борьбы.

Эта мысль меня ободрила, я дернулся сильнее и вывалился из койки, грохнувшись на пол. Подтверждая мою догадку о сне, пол принял меня не жестко, как подбавляет доскам, а словно бы стружилил подо мной, и я не так больно ударился. Тут, по всем законам сна, следовало бы проснуться, но кошмар продолжался — я увидел, что моя правая нога всё ещё в плену матраса.

Я смотрел на ступню, по щиколотку увязшую в постели, и не верил глазам. Обретя более-менее твёрдую опору в виде пола, я потянул ногу из этого необычного капкана и с ужасом увидел, как она постепенно появляется оттуда как ни в чём не бывало, словно из тумана. Однако те же неприятные

ощущения, будто меня держат за кость, подтверждали, что это не туман.

Наконец я освободился полностью и вскочил на ноги. «Что-то происходит, что-то случилось», — твердил я про себя, таращась на постель. Потом наклонился и осторожно потрогал подушку, но ничего особенного не произошло. И с одеялом, и с подушкой, и с матрасом всё было в порядке. Тогда я, осмелев, попробовал надавить на матрас посильней, и снова страх охватил меня — пальцы проникли внутрь матраса, как сквозь желе. Я поспешно выдернул их обратно и попытался от койки, хватая пересохшим ртом воздух.

Грудь уже не болела, и я, лихорадочно путаясь в мыслях, понял, что чувствовал боль, когда увяз во сне в матрасе. Во сне! Тут до меня дошло, что я всё-таки не сплю. Я принялся остереженно себя щипать, морщась от пронизывающей кожу боли. Вне всяких сомнений, я бодрствовал, и весь этот кошмар был со мной наяву. Я попытался успокоиться, подумав, что, вероятно, нахожусь под действием каких-то галлюциногенных препаратов, которых я в жизни не про-

(Окончание. Начало в №10, 2004)

бовал, и оттого объяснение казалось мне весьма правдоподобным: мало ли что чудится людям в таком состоянии? Мне действительно стало легче, и я решил одеться.

Я схватил лежащие на спинке кровати джинсы, и стоя на одной ноге, другую стал просовывать в штанину. Всё шло хорошо, пока я не потянул левой рукой сильнее: я увидел, как мои пальцы прошли сквозь ткань, будто сквозь порвавшийся полиэтилен. Но джинсы были целы, впрочем, как и мои пальцы. Я повторил попытку, действуя осторожнее, и вскоре был уже в штанах. С футболкой пришлось повозиться — она то и дело проходила сквозь пальцы, но всё равно через некоторое время оказалась на мне. Джинсовую куртку я надел почти без проблем, а вот носки оказались мне не под силу. Чтобы надеть, их следовало хорошо растянуть, поскольку резинка была тугой, и тут пальцы раз за разом прошивали их насквозь, так что я через несколько минут безуспешной возни оставил попытки. Я обул кроссовки на босу ногу, кое-как завязал шнурки и распахнул дверь.

В коридоре царил унылый ночное освещение. Вязкую тишину слегка колыхал глухой храп, доносившийся из палаты Сафьянова. Я повернул налево и направился к сестринской.

Вопреки моим ожиданиям, за столом, вместо заступившей накануне вечером соблазнительной медсестры, грузно восседала Ульяна, уронив голову на руки, и спала. Боясь к ней прикоснуться, ожидая каких-нибудь неприятных сюрпризов, я попытался разбудить её голосом:

— Ульяна Петровна! Проснитесь!

Нянька продолжала мерно сопеть. Я позвал громче, потом почти прокричал:

— Вставайте!

— Что? — Ульяна подняла сонное лицо. — Чего там? Людочку? Придёт сейчас...

Она попыталась убрать со стола руки, и тут я отметил, что и с ней произошло то же, что и со мной — стол уверенно её держал.

— Штой-то? — сон мгновенно покинул Ульяну. Она тянула руки к себе и непонимающе поглядывала на меня. — Клей, что ли, разлит, а?

Её усилия увенчались успехом, и стол таки сдался. Мы оба взглянули на столешницу, но и тут никакого клея видно не было.

— Чего было-то? — испуганно спросила Ульяна, начиная подниматься со стула. — Ой! Батюшки!

Ульяна стояла на ногах, а к обширному её задку словно прирос стул, колыхаясь в такт её движениям.

— Ты напакостил, что ли? Убери! — сердито сказала она, разворачиваясь ко мне кормой и уже уверенная в том, что это мои проделки. — Нашёл шутики шутить. Не стыдно?

— Я тут ни при чём, Ульяна Петровна. Со мной то же самое было, — оправдывался я, принимаясь тянуть стул на себя.

— Чем стул-то измазал? — не унималась Ульяна. — Халат, наверно, испортил, бес...

Скоро мне удалось оторвать стул от Ульяны, ставя его на пол, я понял, что мои пальцы слегка увязли в нём.

— Чтoб тебя... — я стал высвобождаться, а Ульяна обследовала сиденье стула и пыталась осмотреть свой зад.

— Чтo было-то? — вертела она головой, всё ещё не понимая, что это не шутики. Отделавшись от стула, я решил ей ничего не объяснять, боясь, что она может грохнуться в обморок, и тогда уже придётся не только заново её поднимать, но и приводить в чувство, а время, почему-то казалось мне, терять было нельзя. Поэтому я просто сказал:

— Плохо дело, Ульяна Петровна. Идите скорей будить Сафьянова, а я за Нолlichem сбегаю.

— Да что стряслось-то?

— Потом. Идите скорей, — и я выскочил на крыльцо.

Во дворе было холодно, и стояла неестественная тишина — даже не мёртвая, а какая-то убийственная. Оставленная на ночь в покое Нолlichem, у валуна сквозь завесу тумана белела Зебра. Я спрыгнул на

дорожку и побежал к домику дворника. Из-под моих ног шаркнулась ворона, сдавленно каркнув от испуга.

Не добежав до сарайчика, я остановился — из его распахнувшейся двери вышел сам Нолич, застёгивая выцветшую брезентовую куртку. Он увидел меня, и я сразу понял, что ему ничего не нужно объяснять. Не сказав ни слова, он двинулся в отделение. Я поспешил за ним.

Он быстро шёл по коридору, вероятно, догадываясь, что придётся возиться именно с майором. На встречу нам из палаты Сафьянова выкатилась Ульяна. Глаза у неё были круглые от страха:

— Там... Василий Ильич... Господи! Да что ж это?!

Обогнув её с двух сторон, мы ворвались в палату.

Палата была «люкс» (применительно к этому медицинскому захолустью). Здесь стояла всего одна кровать, шкаф и стол у окна. На тумбочке у кровати приоткрылся маленький телевизор, скорее всего, принёсённый самим майором из дома.

Хозяин палаты лежал навзничь на постели и буквально утопал в ней. Из подушки виднелось только его лицо с открытым ртом, из которого вырывался бодрый храп. Одежда хоть и прикрывало его, всё равно было видно, что он увяз в матрасе чуть не по самую грудь. Нолич отбросил в сторону одеяло, являя миру майку и семейные трусы в легкомысленных цветочках, и мы, не стовариваясь, стали тащить майора из койки, ухватив за руки. Я закричал:

— Сафьянов! Подъём!

Майор напоследок громко хрюкнул и открыл глаза.

Увидев, кто стоит у его постели и, мало того, держит за руки, он встrepенулся, и на его лице отчётливо проступил ужас.

— Что вам надо? Отпустите! — хрипло заорал он, решив, что мы пришли расквитаться с ним за вчерашнее.

— Молчи, дурак, — задыхаясь, прошипел я. — Вставай скорей!

— Что? Что случилось? — в ужасе вращая глазами, выдавил из себя Сафьянов. По нему было видно, что он уже почувствовал, что с его телом не всё в порядке, и уже сам пытался подняться. Объединив усилия, мы придали майору сидячее положение. Вид у него был некоторым образом олицетворяющий его жизненную позицию: подушка, которой мы ещё не успели заняться и отодрать от головы, прямоугольным нимбом торчала за его головой. Я не удержался и стал хохотать, продолжая тянуть его за руки. Майору было не до обид, а в дверь испуганно заглянула Ульяна.

Через несколько минут невредимый, но жутко растерянный Сафьянов уже стоял посреди палаты и, мелко трясясь, одевался, повторяя практически всё, через что пришлось пройти мне и, без сомнения, Ноличу.

— Что происходит? — прерывистым шепотом твердил он, в очередной раз «порвав» рукой свои спортивные штаны. Желая сам понять, что происходит, я по-

глядывал на Нолича, который стоял в стороне, совершенно не глядя на то, как мучается теперь со своим красным халатом Сафьянов, и угрожающе глядя куда-то сквозь меня, и о чём-то думал.

Оставаясь на одном месте в ожидании Сафьянова, я вдруг почувствовал, что постепенно вырастаю в поп. Потоптавшись, я высвободился и пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Уходить надо из отделения. Иначе засосёт, как на болоте...

— Что же это такое? — дрожащими пальцами завязывая непослушный пояс халата, прошептал Сафьянов. Нолич неожиданно повернулся и пошёл прочь. Я, майор и топтавшаяся у двери Ульяна бросились следом.

Выйдя во двор, мы стали озиаться, надеясь разобраться в происходящем. Невдалеке бродила по земле ворона, и по её растрёпанному виду и неуверенной походке было ясно, что и она столкнулась с проблемами, подобными нашим.

Ульяна, бормоча что-то вполголоса, медленно побрела к своей козе, которая всё так и лежала у камня.

— Нельзя! — вдруг страшно закричал Нолич и бросился за ней. Ульяна почти дошла до Зебры, когда её настиг Нолич и потащил от козы прочь.

— Да что ты, псих?! Пусти! — вырывалась Ульяна, но Нолич так вцепился в неё, что она не могла сделать ни шагу, путаясь в его ногах. Я подошёл побли-

же, чтобы не мешал туман, и, приглядевшись к чернеющему валуну, вдруг почувствовал, как по спине у меня прокатилась волна животного ужаса, захлестывая затылок, и мне показалось, что я понял, как это бывает, когда волосы шевелятся на голове.

Камень не был камнем. Что это было теперь — сказать очень непросто. Слово «чернел» никак теперь не подходило к валуну. Цвета он был неопределённого — будто бы и чёрный, но до того пронзительный, что взгляд буквально утопал в нём. И космическая эта чернота вдобавок не то клубилась, не то колыбалась, и теперь, если бы даже камень и осветили мощным прожектором, а не лампочкой, висевшей на столбе в углу сада, понять его фактуру было бы нельзя. Был это теперь не камень, а нечто, и нечто, к тому же, живое — в этом я мог поклясться.

Позади меня, прерывисто дыша, остановился Сафьянов.

— Пусти! Дай козу отвязать, — отпихивала Ульяна Нолина, но тот буквально повис на ней, не давая идти, и, задышав, сказал:

— Нету твоей козы.

— Да как это нету? Вон она, — кивнула Ульяна в сторону белеющего у камня пятна и вдруг шаркнулась назад. — Ой!

Неподвижное пятно, которое я до этого принял за козу, теперь козой не было. Даже не прикасаясь к ней (чего не допустил бы Нолин, зорко следивший за нами), было ясно, что от козы осталась одна шкура. Она лежала вплотную к камню, и даже сейчас ещё было заметно, как она продолжает оседать, словно мяч, из которого выпускают воздух.

Нолин уже не держал Ульяну — ему больше нечего было опасаться, никто теперь и не думал подходить к камню, или чем он там был на самом деле. Ульяну колотило от страха, она завороченно смотрела то на козью шкуру, то на клубящуюся субстанцию, совсем недавно казавшуюся лишь большим камнем, и что-то бормотала. Сафьянов вообще не смотрел в ту сторону — подавляя тошноту, он отошёл к крыльцу и шумно дышал, наклонясь вперёд и упираясь в колени руками.

Нолин словно забыл о существовании камня и остатков козы — он стоял и странно озирался кругом. Глаза его беспокойно блуждали по зданию отделения, по кустам шиповника и деревьям, но словно ничего этого не видели. Он будто искал что-то, но найти не мог. Блуждая взглядом, он медленно поворачивался вокруг своей оси и напоминал некий радар или локатор, выискивающий что-то в пространстве.

Я наблюдал за ним, пока не осознал, что мне страшно хочется курить. Пошарив по карманам, я вспомнил, что оставил сигареты на тумбочке в своей палате, и направился к отделению. Машинально проскочив ступеньки и оказавшись на крыльце, я понял, что доски пола утратили свою твёрдость окончательно — я погружался сквозь настил, как сквозь мох на болоте! Путь к палате был закрыт. Я забарахтался, пытаясь сойти с крыльца, но повалился на спину

и увяз ещё сильнее. Стоявший рядом Сафьянов тупо смотрел на меня с таким выражением на лице, как если бы ему показывали фантастический фильм, и не двигался с места. Ноги мои почти уже скрылись в досках пола, как будто настил являлся всего лишь голограммой, я беспомощно размахивал руками и от растерянности не мог даже кричать. Запрокинув голову, чтобы посмотреть, далеко ли перила, и наивно полагая, что за них можно ухватиться, я увидел Нолина, спешащего ко мне. Он протянул мне руку, и я судорожно ухватился за неё. Ногами я нащупал под настилом твёрдую землю, оттолкнулся от неё и, увлекаемый Нолиным, прошёл сквозь крыльцо, как сквозь масло.

Оказавшись на свободе и поняв, что доски больше не держат меня, я сел на землю, потому что колени подгибались и не держали меня. Нолич отпустил мою руку и, как ни в чём не бывало, продолжил своё странное занятие по поиску неизвестно чего.

Сидя на земле, я понял, что и с травой произошло то же, что и с досками крыльца, да и со всем остальным тоже — она проходила сквозь меня. Я провёл по ней рукой и почти не почувствовал её прикосновения.

— Кто-нибудь понимает, что это значит? — подал голос Сафьянов.

— Нет, — буркнул я, и тут меня опять обдало волной ужаса. Я посмотрел на землю и стал судорожно бить по ней кулаком. Но страшная мысль не подтвердилась — земля и не думала разжижаться. Во всяком случае, пока.

Я расслабился и стал дышать размеренно, чтобы унять сердцебиение. Сигарет было жаль, но то, что я ощущал твёрдость земли, согревало душу и вселяло надежду.

— Что же теперь делать? — снова сказал Сафьянов, зябко кутаясь в свой халат. Никто ему не ответил. Нолич продолжал медленно поворачиваться, рыская глазами вокруг.

— Господи! — раздался дрожащий голос Ульяны. — За что же это всё мне, а? Нешто я хуже других?

Я посмотрел в её сторону. Она стояла на коленях, все так же не спуская глаз с камня, и причитала всё громче, изгоняя из голоса дрожь:

— Господи! Я ж и так с алкашом своим маюсь день-деньской, да тут ещё спины не разгибаю. За что ж мне напасти такие? Да как же можно, господи! В церкву хожу, свечки ставлю, мало тебе? Чего же ещё не хватает, а? Избавь ты меня от страха своего, уважь. Пусти всё как было...

— Да заткнётся ты, дура! — рявкнул Сафьянов от крыльца. — Без тебя тошно!

— А ты не мешай молитву творить, засранец, — повернула к нему голову Ульяна. — Мало я за тобой убирала? Постыдилась бы!

— Молчать! — побарговел майор. — Не позволю тут... панику разводить!

— Как бы ты тут панику не развёл! Бегать-то теперь некуда.

Сафьянов разинул рот, набирая в лёгкие по-

больше воздуха для ответа на оскорбление, но тут встал я.

— Перестаньте ругаться. Неужели вы не понимаете, что сейчас не до этого. Надо решить, что делать дальше.

Сафьянов повернул ко мне красное, брызгливо искажённое лицо и, вкладывая в ответ всю порцию яда, приготовленного Ульяне (не пропадать же ему зря), проревел:

— Я офицер и никому не позволю над собой издеваться!

— Вот и ведите себя подобающим образом, — оборвал я его. Майор не нашёл что ответить и, свирепо поджав толстые фиолетовые губы, отвернулся.

Тем временем Нолич перестал кружить на месте и сел на землю недалеко от меня. Лицо его ничего не выражало.

Обращаясь сразу ко всем, я сказал, глядя на серое рассветное небо:

— Надо идти к главному корпусу. Посмотрим, как там у них дела, может, им помощь требуется.

И я представил себе, как люди проваливаются сквозь полы верхних этажей, проходя всё здание, и в ужасе скапливаются внизу. Я решительно поднялся, горя желанием немедленно всех спасти.

— Не надо ходить, — тихо сказал Нолич, глядя перед собой невидящими глазами.

— Почему? — спросил я.

— Там никого нет. Мы одни.

Я растерянно стоял и смотрел на Нолича.

— С чего вы это взяли?

Он не ответил, продолжая неподвижно сидеть.

— Да что ты его слушаешь, он же ненормальный, — подал голос Сафьянов. — Поднимайтесь, пошли отсюда.

— Нельзя, — сказал Нолич и посмотрел на майора. — Рано.

— Да кто ты такой, чтоб тут решать, а? — подошёл к нему Сафьянов, уперев руки в бока. Рядом с ним сидящий Нолич казался неестественно маленьким и беззащитным.

— Кому нужны твои советы? — продолжал майор, нависая над дворником. — Здесь есть кому принимать решения, понял?

— Погодите, майор, — сказал я, поднимаясь с земли. — Оставьте его в покое.

Я подошёл к Ноличу и присел перед ним на корточки.

— Почему мы не можем идти сейчас, Нолич?

Глядя сквозь меня, он тихо сказал:

— Мы застряли.

— Застряли? Где?

Нолич пристально посмотрел мне в глаза, так, что я непроизвольно подался назад и ещё тише ответил:

— Между.

Сафьянов презрительно фыркнул и сказал:

— Ну и сидите тут, между, а я пойду.

И он двинулся к калитке, опасливо косясь в сторону козьей шкуры. Я поднялся на ноги и смотрел ему вслед, не зная, что предпринять. Сафьянов по-

дошел к калитке и попытался ухватиться за ручку. Его ладонь безуспешно прошла сквозь стальную скобу. Сафьянов выругался, нерешительно толкаясь на месте. Неожиданно он отпрянул в сторону и закричал:

— Тает! Она тает!

Мы с Ульяной бросились к нему. Майор возбуждённо оглядывался на нас, тыча в сторону калитки пальцем:

— Вот здесь!

Но ещё даже не добежав до него, я заметил, что калитка стала полупрозрачной, и сквозь доски, из которых она была сделана, виднелись кусты шиповника и дорожка.

Я убедился, что и с забором происходит то же самое, и быстро вернулся к крыльцу.

Деревянное здание инфекционного отделения таяло, как мираж. Я замер, не в силах оторваться от этого жуткого и одновременно захватывающего зрелища.

Сквозь крашенные доски пробивался свет, горящий в сестринской, отчего было видно всё, что находилось в комнате — и стол со стулом, к которым ещё совсем недавно приросла Ульяна, и стены, тоже тающие, а вместе с ними и медицинские плакаты, наглядно призывающие мыть руки перед едой и теперь плохо различимые.

Я отступил от крыльца чуть дальше, стараясь охватить картину целиком.

Здание словно было соткано из тончайшей паутины и с каждой минутой становилось всё тоньше, всё неразличимой.

Я отметил, что небо не стало светлей, словно солнце и не думало подниматься из-за горизонта. Впрочем, в это теперь верилось без труда. В этом бледном свете показались деревья, растущие по ту сторону отделения и тоже превращающиеся в мираж.

Я вдруг опомнился и стал ощущивать свою одежду. Но ни куртка, ни джинсы, ни даже тонкая футболка теперь не «рвались», как прежде, словно я придал им твёрдость, какой обладал сам.

Позади меня чудо исчезновения окружающей действительности лицезрели, разинув рты, будто дети в кукольном театре, Сафьянов и Ульяна. Нолич всё так же сидел на земле, безучастный к страшному происшествию.

Мне показалось, что таяние мира ускорилось. Всё вокруг поблекло, потеряв цвет, будто туман спустился сильнее, здание казалось стеклянным, деревья и кусты напоминали снопы грязной марли. Я легко провёл рукой сквозь стоящую рядом со мной яблоню, не ощутив ровным счётом ничего. Дерево стало изображением, призраком. Земля под ногами тоже перестала быть землёй, уступая место какой-то другой тверди, более светлой по тону. Вокруг стало вообще как-то гораздо светлей, небо, правда, так и осталось серым, без каких-либо признаков солнца, луны или даже звёзд. Не было на нём и облаков. Вокруг нас проявилась, как на фотобумаге, какая-то каменная пустыня. Ровной её никак нельзя было назвать — то

тут, то там громоздились то ли барханы, то ли небольшие холмы.

Остатки привычного нам мира окончательно растворились в этой новой реальности, даже туман исчез. На месте осталось только жуткое существо, которое мы считали камнем, а вот шкура козы растаяла бесследно. Ещё неподалёку я заметил старую знакомую ворону — её постигла та же участь, что и нас. Нахохлившись, она стояла на земле и поглядывала в нашу сторону. Ульяна перекрестилась и что-то зашептала, испуганно озираясь.

Я посмотрел себе под ноги, поковырял кроссовкой ноздреватую породу, на которой стоял и быстро прижев, стал шарить вокруг руками. Догадка подтвердилась: я ощущивал вовсе не то, что видел; каменные выпуклости, или что это было на самом деле, так же проходили у меня сквозь пальцы, как только что растаявший мир. Нас снова окружал мираж.

— Это тоже... не настоящее, — глухо сказал я и облизал сухие губы.

— Господи... Куда ж нам деваться-то? — застонала Ульяна, и по её гладкому круглому лицу потекли слёзы. Я растерянно смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова, чтобы приободрить её. Сафьянов угрюмо молчал, и было похоже, что и он готов разрыдаться.

До сих пор безразличный ко всему, Нолич неожиданно быстро поднялся с земли и сказал, ни на кого не глядя:

— Идём.

Одно это слово, произнесённое полоумным дворником, было воспринято всеми — и мной в том числе — как спасательный круг. В нём блеснула надежда, что этот кошмар закончится, что мы снова увидим то, что несколько минут назад было нашим миром, нашей реальностью, нашей жизнью. Сомнения в том, что этот худой странный человек знает, что нужно делать, всплывающие откуда-то из глубин сознания, были немедленно и безжалостно изгнаны прочь какой-то другой частью этого самого сознания — той, что не умеет мыслить логически и искать рациональное, и той, что называют интуицией или чем там ещё.

9

Нолич зорко оглядел унылый пейзаж и сделал первый шаг. Все молча и с готовностью двинулись за ним. Я услышал сзади какой-то шелест, и тут же меня обогнала летящая ворона. Подлетев к шагающему Ноличу, она села ему на левое плечо, крепко уцепившись за брезент куртки когтистыми лапами. Нолич вздрогнул, но шага не сбавил, лишь покосившись на нового спутника, словно этот трюк был чем-то совершенно обычным, повторяемым ежедневно.

Я двигался позади всех и думал: почему ворона уселась на плечо именно Ноличу? Наверное, вовсе не потому, что он шёл первым. Мне показалось, она почувствовала, что он единственный из всех знал, что

ужно делать и куда идти. И, как и все мы, она решила использовать этот единственный шанс на спасение, поверяя свою судьбу в руки простого сумасшедшего дворника с трудной и страшной судьбой.

Глядя на эту необычную пару, я отметил про себя, что смотрятся они удивительно гармонично — будто так и должно быть. Во всём облике Нолича, как мне теперь казалось, было что-то птичье, воронье. Прямой длинный нос напоминал клюв, а его тёмные, с проседью, волосы, собранные сзади в метёлку, были похожи на хвост вороны, раскачивающийся над его плечом.

Мы молча шли за Ноличем, и порой наши ноги утопали в призрачном ландшафте пустыни до самых колен. Прошиваемая нашими ногами каменная твердь никак не реагировал на это, не колебаясь, подобно туману, а оставаясь абсолютно неподвижной, поэтому смотреть на это неестественное зрелище было очень странно.

Время от времени я поглядывал вокруг и, в очередной раз обернувшись на ходу, вздрогнул от неожиданности: далеко, на самой линии горизонта, я увидел человеческую фигуру.

— Смотрите, там человек! — вскрикнул я, и все остановились.

Вдоль горизонта двигалась громадная фигура — из-за большого расстояния деталей разобрать было нельзя, но сомнений не возникало: это был человек. Мысленно прикинув расстояние, разделявшее нас, я ужаснулся — получалось, что мы по сравнению с этим великаном были размером не больше муравья. Человек находился так далеко, что его ноги были видны не полностью, скрываясь за линией горизонта. Размахивая руками в такт шагов, он шёл не торопясь, но из-за своего роста перемещался вдоль горизонта очень быстро.

Сафьянов восхищённо выругался, Ульяна вполголоса испуганно запричитала, а я мысленно порадовался тому, что исполин идёт не в нашу сторону. Нолич лишь мельком взглянул на далёкую фигуру, не выказывая ни удивления, ни страха, и, отвернувшись, ждал нас. Ворона, подтверждая своё неуловимое родство с ним, тоже никак не заинтересовалась человеком на горизонте, перебирая лапами и устраиваясь на плече дворника поудобнее.

Наконец великан пропал за горизонтом, мы повернулись к Ноличу, и он повёл нас дальше. Вскоре стало ясно, что он идёт на один из холмов, поэтому уровень песчаника стал постепенно подниматься, скрывая наши ноги полностью. Глядя вниз, я непроизвольно подогнул руки, чтобы они не касались призрачной тверди.

— Может, лучше немного свернуть? — тяжело дыша, подал голос Сафьянов. Нолич не отвечал и продолжал идти вперёд. Песок поднялся нам уже по пояс.

— Ой, господи! — тихо скулила Ульяна, обхватив себя руками, тоже боясь опустить их вниз.

— Эй! — снова позвал Сафьянов. — Слышишь, что ли? Куда ты нас ведёшь-то?

Нолич не отзывался.

— Псих чокнутый, — злясь, плюнул майор. — Что же, нам так и лезть туда с головой?

Я понял, что так оно и будет, и приготовился к темноте, которая, как мне казалось, ожидала нас после «погружения».

Скала дошла уже до груди и потяла всё выше.

— Господи, помоги! — вопливалась Ульяна, мелко крестясь.

Отстав от Нолича, мы втроём инстинктивно остановились, когда на поверхности остались только наши головы. В другое время я бы, наверное, рассмеялся от нелепости зрелища, какое мы представляли, но сейчас мне было не до смеха. Нолич обернулся и молча посмотрел на нас.

— Туда, что ли? — за всех раздражённо спросил Сафьянов, кивнув своим многоярусным подбородком вперёд. Нолич кивнул.

— А там что? — продолжал допытываться майор. Вместо ответа Нолич подошёл к нам, ухватил Ульяну за руку, оборвав одно из её крестных знамений, и просто потащил за собой вглубь холма.

— Ой, мама! — запримечала Ульяна, упираясь. Но Нолич крепко держал её и продолжал тянуть. Ему, конечно, не удалось бы сдвинуть её с места, но она вдруг покорилась, закрыла другой рукой глаза и, непрестанно поминая Бога, поплелась за вожаком. Мы с Сафьяновым стояли и смотрели, что будет. Ворона на плече Нолича судорожно взмахнула крыльями, но не взлетела, а исчезла в песке вслед за его головой. Через секунду скрылась и Ульяна. Мы с Сафьяновым остались вдвоём.

— Эх! — махнул я рукой и нырнул в холм, нарочно пригнувшись, чтобы это произошло скорее. Инстинктивно я зажмурился, но, почувствовав, что я уже «внутри», осторожно открыл глаза.

10

Я ожидал «тьмы египетской», но ничего подобного не было. Вокруг стоял лес. Произошёл очередной переход — из одного мира в другой. Я обернулся, пытаюсь определить границу, которая отделяла этот лес от пустыни, но ничего особенного не увидел. Позади меня стояли деревья, оплетённые лианами, эти же лианы свисали поблизости и вдобавок проходили окрест меня, чего сразу я не заметил. И в этом мире тоже мы были всего лишь призраками.

Недалеке спокойно стоял Нолич, ожидая, пока все появятся. Ульяна, как и я, оглядывала всё вокруг, не переставая, впрочем, плакать.

— Господи, да что же за напасты такие, — бормотала она, блуждая по лесу мокрыми и круглыми от страха глазами.

Сзади меня послышалась хрипкая ругань, и прямо из воздуха, словно из-за невидимой перегородки, вывалился Сафьянов, закрывая голову руками. Он натолкнулся на меня, вздрогнул, шаркнувшись вбок и растопырив руки в стороны, и осторожно открыл глаза.

— Е...! Это ещё что за хрень?

Заметив торчавшую из своей груди ветку какого-то растения, похожего на папоротник, он попытался и тут догадался, что мы опять в призрачном мире.

— Снова здорово, значит, — плюнул он и тоже стал осматриваться.

Я решил поэкспериментировать и шагнул назад — в то место, откуда здесь появился, ожидая снова очутиться в пустыне. Но ничего не вышло — некая дверь, через которую мы попали сюда, оказалась закрытой, или просто я не умел её открыть.

Было по-прежнему холодно, будто мы не покидали двора госпитали, хотя вокруг нас царили джунгли. Я никогда не был в тропиках, но это было понятно по гирляндам тех же лиан и по буйной растительности вообще, неутомимо тянущейся вверх. Земля вместо травы была покрыта буквально ковром из всякой трухи — опавших листьев, веток и другого растительного гнилья.

Глядя вниз, я заметил, что мои ноги немного не доходят до земли и я как бы вишу в воздухе, хотя ощущал под собой твёрдую почву.

Нолич повернулся к нам спиной, давая понять, что пора идти. Не разбирая дороги, прямо сквозь деревья и переплетения ветвей, он пошёл вперёд. Мы побрели за ним. Ворона на плече нашего проводника, как, впрочем, и мы, долго шаркалась в стороны, испуганно прядая крыльями, боясь задеть надвигающиеся на неё ветви, лианы, да и просто стволы деревьев. Мы тоже некоторое время инстинктивно поднимали ноги повыше, стараясь не зацепиться за какую-нибудь корягу, и пытались обходить деревья, но после уже шагали, как и Нолич, без разбору, по прямой. Если бы не наша прозрачность, плохо бы нам пришлось без ножа манете, да и вообще: в лесу царил полумрак, и я чувствовал — не телом, а чисто визуальное, — что тут было очень сыро.

Я заметил, что до нас не доходит ни единого звука из окружающего мира, мы словно были окружены вакуумом: ни голосов птиц, снующих сверху, ни шороха листьев — ничего не было слышно. Мы могли слышать только себя.

— Ого, там что-то есть, — вдруг сказал Сафьянов, и мы все увидели то, на что он показывал рукой: среди зелёной мешанины джунглей находилось какое-то сооружение. Несмотря на красноречивое выражение лица Нолича, дававшего понять, что нужно идти дальше, мы с Сафьяновым подошли ближе, чтобы рассмотреть диковинное сооружение, облепленное всевозможными растениями-выюнами.

— Башня, что ли? — выдвинул предположение майор.

Без сомнения, это было творением человеческих рук. Из земли торчало внушительное каменное кольцо метра два в высоту и диаметром около 10 метров, служившее, по-видимому, фундаментом возвышавшейся над ним конструкции, уходящей, с небольшим наклоном, словно всем известная башня в Пизе, высоко вверх, теряясь в кронах деревьев. Конструкция эта была из какого-то металла и напомнила мне своим видом стальной гофрированный шланг для душа. От башни прямо-таки веяло древностью — каменное (но, скорее всего, бетонное) основание буквально вросло в землю, давая мне возможность убедиться в силе этого избитого выражения воочию. Кроме того, фундамент был весь покрыт мелкими трещинками и какими-то потёками, которые еле можно было разглядеть за накинутой на него зелёной цепкой сетью джунглей. Металл «шланга» был тёмный, но в местах соприкосновения краев гигантских колец, из которых и была сделана эта башня, зер-

кально блестял, из чего я заключил, что конструкция имеет некоторую степень подвижности, и мне показалось, что, с ходу назвав про себя это сооружение «шлангом», я попал пальцем в небо.

— Может, у них отсюда крылатые ракеты стартуют, — высказал предположение Сафьянов.

— Идём, — позвал нас Нолич и, не дожидаясь ответа, пошёл дальше сквозь джунгли.

Мы шли ещё около часа, прежде чем стало заметно, что лес стал гуще. Сафьянов и Ульяна, отягощённые своим избыточным весом и не привыкшие к таким длительным прогулкам, тяжело и часто дышали. Ульяна больше не плакала и даже перестала причитать, у неё хватало сил лишь на то, чтобы охать.

По пути нам много раз попадались точно такие же башни. Изредка мы видели пустые каменные фундаменты — иные почти целые, но чаще полуразрушенные. Я позволил себе заглянуть в большой пролом одной из них, обнаружив внутри довольно глубокую шахту, оборудованную могучими крокообразными штырями, к которым, вероятно, крепилась стальная конструкция башни. Мне это почему-то показалось странным, но я тотчас забыл об этом, поняв, что отстал от остальных. Испугавшись не на шутку, я пустился бегом, но скоро увидел красный халат Сафьянова и белый — Ульяны. Меня ждали. Заметив меня, Нолич погрозил мне пальцем, а ворона вдруг громко каркнула у него на плече. Мы двинулись дальше.

Когда мы миновали ещё одну башню в совсем уже непролазной чаще, лес неожиданно расступился, пропуская нас к довольно широкой реке. Тут уже остановился сам Нолич, причём так резко, что ворона на его плече сделала взмах крыльями, чтобы не потерять равновесия.

После сумрака джунглей нас ослепило солнце, неожиданно оказавшееся прямо в зените и освещавшее грандиозную и поистине фантастическую картину. По ту сторону реки нас ждали джунгли, обещающие буйство растений в борьбе за жизнь; но сейчас мы совсем забыли о них, поскольку главным в открывшейся нам панораме было не это. Повсюду — из джунглей по ту сторону реки и за нашими взмохшими спинами, и даже из самой воды — поднимались ввысь уже знакомые нам башни, представляя теперь совсем в незнакомом, пугающим обличье. С одинаковым наклоном, казавшимся теперь гораздо большим, они тянулись прямо в раскалённое и выбеленное солнцем небо, и было их великое множество. Высоко в небе, напрягая зрение, я различил некие овальные конструкции, которыми, как шляпками опять, заканчивались башни-«шланги». И шляпки эти по размерам изрядно превосходили свои основания. Повсюду, сколько хватало глаз, джунгли были исчерчены теньями, отбрасываемыми этими немисляемыми сооружениями.

Я стоял, тупо разглядывая эти сооружения, и вдруг совершенно чётко осознал, что же они из себя на самом деле представляют, удивляясь, как это сразу не пришло мне в голову — всё население этого странно-

го мира болталось в подвешенном состоянии в своих древних уже кораблях на околоземной орбите, прицепленных, как к прищипу, этими «шлангами» к планете. И дышали через них, и получали что-то ещё — как через пуповину получает всё необходимое для жизни младенец в утробе матери. Но люди эти были далеко не младенцами и загнали себя в эту жуткую «утробу» не от хорошей жизни. Всё это мне будто нащептал кто-то неведомый, причём так быстро, что я, ошарашенный, стоял, переваривая «услышанное». Продолжая рассматривать чудовищную картину, я размышлял, снова включив задремавшие было мозги. Дойти до этой невероятной версии самостоятельно я не мог — фантастическую литературу я не жаловал, и такой полёт мысли был мне несвойственен.

Ульяна, не особенно интересуясь увиденным, воспользовавшись остановкой, сидела на земле, выгнув ноги и тяжело дыша. Сафьянов отдыхал стоя, упершись руками в колени. Холодно теперь не было никому — за исключением разве что вороны, — и смущения из-за этого холода и нестерпимо слепящего тропического солнца никто не испытывал.

— Идём, — сказал Нолич, всё это время неотрывно смотревший на реку — похоже, что его, как и Ульяну, не слишком занимали гигантские сооружения.

— Да подожди ты, изверг! — застонала Ульяна, повязывая на голове съехавшую на лоб белую больничную косынку. — Совсем загнал. Дай отдышаться-то!

— Нельзя, — ответил Нолич.

— Опять за своё... — плюнул Сафьянов. — Неймётся ему.

Я посмотрел на Нолича. Было ясно, что торопливость не являлась его прихотью — он видел то, чего не видели мы. Я попытался у него выяснить хоть что-нибудь:

— Почему нельзя, Нолич?

Он молчал, тревожно глядя на реку. Я проследил за его взглядом, но ничего особенного не увидел, кроме башни, торчавшей из воды.

— Нолич, почему мы должны торопиться? — снова спросил я, подойдя к нему ближе. Продолжая глядеть в одну точку на реку, Нолич зачем-то тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Она может закрыться.

— Кто — она? Нолич!

Ещё тише он ответил:

— Дверь.

Я снова взглянул в реку, в торчавшую из неё башню, на всякий случай проверив, нет ли на ней каких-либо отверстий, но так ничего и не обнаружил. Сафьянов и Ульяна так устали, что не прислушивались к словам Нолича, а если и слышали их, то пропускать мимо ушей.

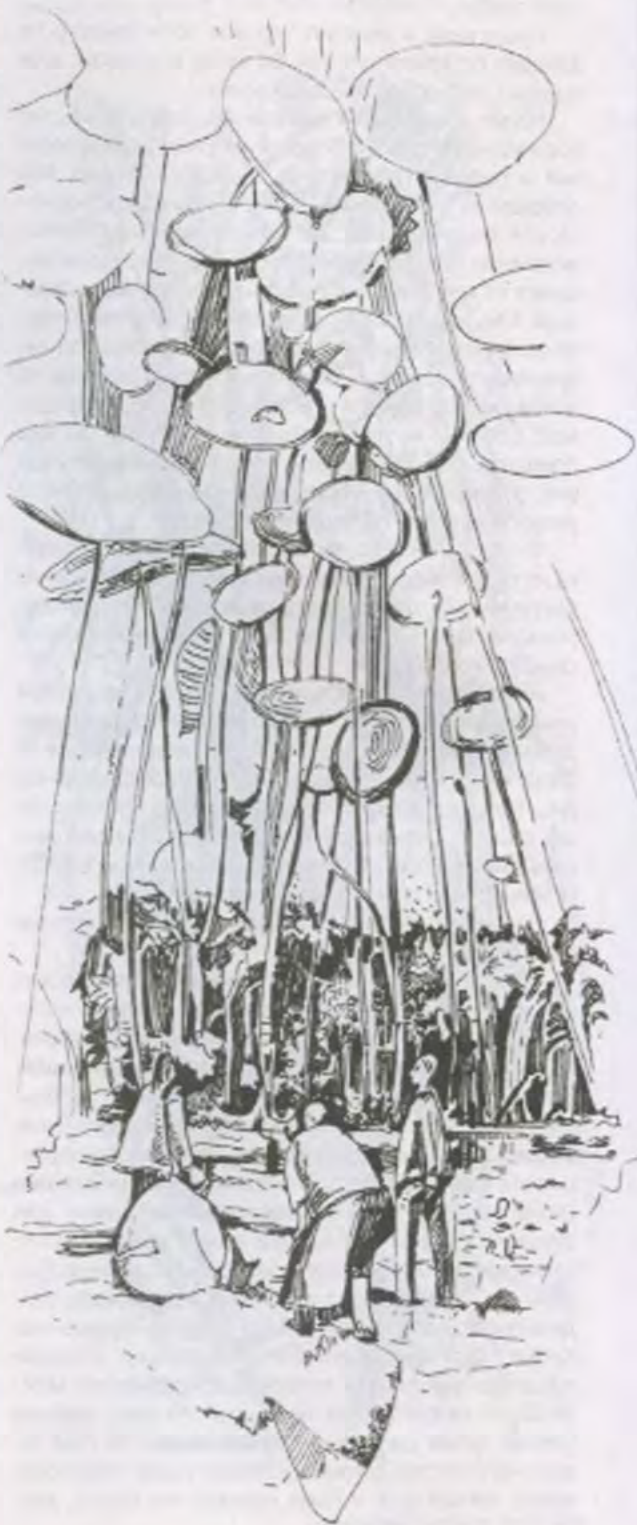
Вдруг Нолич резко обернулся к нам, заставив встрепенуться ворону, и закричал:

— Пошли! Быстро!

И пустился бегом прямо к воде. Я понял, что дело может кончиться плохо, и бросился поднимать с земли Ульяну.

— Живо! — бросил я Сафьянову, на лице которого застыла смесь из пренебрежения, недоверия и тревоги, после окрика сразу уступившая место страху. Он выпрямился и, грузно переваливаясь, побежал за Ноличем.

— Быстро! — резко сказал я Ульяне, которая, уви-

дев удаляющийся красный халат майора, тоже перепугалась и, хватая ртом воздух, неловко затрусилась по узкой полоске берега. Я пустился вслед за ней, легко обогнал и, поражённый, чуть не упал: посреди реки, с еле прикрытыми водой ступнями, прямо возле башни стоял Нолич с вороной на плече и тревожно глядел на нас. Невидимая твердь, служившая нам опорой, проходила вровень с гладью реки, поэтому зрелище стоящего Нолича было восхитительно-впечатляющим.

Последнее, что пришло мне в голову — и похоже, было «моей» мыслью, — это то, что если неведомым людям этой планеты и предстояло покинуть свои «утробы» и родиться заново, то роды обещали быть очень болезненными и тяжёлыми.

Нолич дождался больше всех отставшую Ульяну (я заметил, как крепко он стиснул зубы, сильно нервничая), и быстро нырнул прямо в стальное нутро башни. Мы гурьбой кинулись за ним.

11

Открывшаяся картина заставила закричать нас от радости — всех, кроме Нолича. Мы стояли перед жгуче знакомым мне теперь красным кирпичным корпусом госпиталя.

— Дома! — хрипло орал Сафьянов. — Мы дома!

— Господи! — истошно закричалась Ульяна. — Улышал ты нас... Слава тебе...

Не успев ещё как следует обрадоваться, я погледел на Нолича и замер. С непроницаемым лицом он смотрел через своё плечо на оказавшегося позади всех Сафьянова. Тот радостно и шумно дышал, отирая со лба пот рукавом халата, и ещё не видел того, что первым заметил Нолич, а теперь уже и я: майор стоял близко к кусту шиповника, и одна из веток, слегка покачиваясь, проходила сквозь его красный халат и ногу. Заметив, что мы глядим на него, он медленно, предчувствуя недоброе, посмотрел вниз и разразился чудовищной бранью. Ульяна недоумённо обернулась:

— Ты чего, Василь Ильич?

И заметив причину, заплакала:

— Да как же это? Что же теперь делать-то?

Я взглянул на Нолича — он заметил мой взгляд и, вопреки ожиданиям, пояснил:

— Это не наш... мир.

— Что? — я стал озираясь и увидел, что Сафьянов тоже стоит столбом и пялится вокруг в крайнем смущении.

Двор госпиталя был каким-то другим, кроме того, здесь царил глубокая осень и небо было затянуто серыми тучами. Барак, служивший столовой, был самым настоящим баракком — некрашенным покосившемся зданием с выбитыми стёклами. Другого барака — того, что находился рядом — не было вовсе, а на его месте стояли в ряд автомобили: два грузовика-фургонка с красными крестами на брезенте тентов и какая-то чудовищная машина, с тракторными гусеницами сзади и колёсами впереди. Меня про-

шиб пот — это была техника времён второй мировой войны, да к тому же немецкая. И только сейчас я заметил, что стёкла окон в здании госпиталя были заклеены крест-накрест газетными полосками — такое я видел только в кино.

В отличие от двора госпиталя, некоторым образом уже знакомого мне, здесь властвовало отчуждённое запустение вперемежку со следами разрушений. Участок земли, где была клумба, возделанная Ноличем, занимала круглая каменная чаша, некогда бывшая фонтаном, и посередине неё торчало небольшое возвышение, на котором стояли чьи-то каменные ноги — всё остальное было снесено, по-видимому, осколком снаряда. В том месте, где «у нас» располагалось серая коробка хирургического отделения, находились развалины какого-то здания, тоже из красного кирпича, как и главный корпус.

Звуков, присущих этому миру, по-прежнему не было слышно, но я смог увидеть, как дверца кабины стоявшей от нас дальше других машины-фургона открылась, и оттуда медленно показалась чья-то голова в серой форменной шапке с козырьком, знакомой мне по тем же фильмам о фашистах. Из-под козырька на нас удивлённо смотрели глаза худого и очень молодого оккупанта. Не отрывая от нас взгляда, он вылез из кабины, беззвучно захлопнул дверцу и, осторожно оглябая сильно выдающийся вперёд моторный отсек автомобиля, что-то произнёс, обращаясь к нам. Нолич тоже заметил солдата, но уже отвернулся от него и, как и в джунглях, внимательно вглядывался в пространство вокруг нас.

— Мы здесь не одни, — не спуская глаз с солдата, сказал я, обращаясь к Сафьянову и Ульяне, разглядывающих развалины.

— Батошки! — ахнула Ульяна, оборачиваясь.

— А вот и фриц, — буркнул майор, как видно, ожидавший этого.

Аккуратно поднимая кажущийся неестественно маленьким автомат, часто виденный мной в соответствующих фильмах, и целясь в нашу сторону, солдат на всякий случай застегнул верхнюю пуговицу серой новенькой шинели, поглядывая на красный халат Сафьянова. Он судорожно глотнул, отчего острый кадык на его шее прыгнул под подбородок, и опять что-то сказал. Мне почему-то стало неловко перед ним, и я, всё так же глядя на него, развёл руками — мол, не понимаем мы тебя, но сочувствуем. Сафьянов попятился назад, оглядываясь на Нолича, и тихо произнёс:

— А он того... Тоже прозрачный, что ли? Стрельнет ещё...

После чего, поняв, что солдат смотрит на него, пошарил по себе глазами и вдруг, охнув, стал судорожно стакивать с себя халат. Поняв его истуг, я сказал как можно спокойнее:

— Бросьте, майор. Они всё равно вам ничего не сделают. Ведь вы призрак.

Настороженно глядя на солдата, который нерешительно замер на месте, Сафьянов глухо буркнул, отбрасывая халат в сторону:

— Не твоё дело. Жарко мне, понял?

— Пошли, — вдруг сказал Нолин, не глядя на вояку с автоматом, и двинулся мимо чаши фонтана вперёд. Мы привычно последовали за ним. Немец окончательно растерялся и поплёлся за нами следом, продолжая что-то говорить, потрясая автоматом.

Сафьянов в спортивных штанах и белой майке напоминал теперь типичного соседа по лестничной клетке, вышедшего за субботней газетой к почтовому ящику. Он продолжал изредка опасливо оборачиваться на нашего неотёпистого преследователя, ожидая от него чего-нибудь нехорошего.

Нолин вёл нас не к воротам КПП, которые виднелись через развалины в глубине парка, а чуть правее, мимо главного входа госпиталя, к деревянному забору, опоясывающему территорию. Вчера ещё я бродил по этому парку, и тогда забор был из стальных высоких прутьев. Мы миновали торец здания, и нам открылся вход в красное здание.

Напротив подъезда стоял ещё один грузовик-фургон. Вокруг суетились солдаты в немецкой форме, на некоторых из них были белые халаты. Они выгружали из фургона носилки с лежащими на них перебинтованными страдалцами. Рядом с грузовиком ожидая, когда займутся ими, понуро стояли и сидели на бордюре дорожки легкораненные. Чуть поодаль, наблюдая за разгрузкой, стояла группа солдат, возглавляемых щеголеватым офицером.

Поминутно оборачиваясь на нашего преследователя, я заметил, что он сделал вид, будто конвоирует нас. Он шёл за нами на некотором отдалении делая небрежную походку, держа автомат, как и положено конвоиру, и что-то прокричал стоявшему офицеру. Все, кто находился возле фургона, обернулись в нашу сторону. Я успел восхититься находчивостью солдата, и тут события стали стремительно разворачиваться.

Можно было быть уверенным в том, что в радиусе нескольких километров вокруг не было никого, кто выглядел бы более экстравагантно и нелепо, чем мы.

Впереди, будто не замечая ни немцев, ни их фургона, шёл Нолин в серой штормовке с воронкой на плече, за ним, почти наступая ему на пятки, семенила Ульяна, боявшаяся даже мельком взглянуть на солдат и делавшая вид, что никого не замечает. В шаге от Ульяны, зябко обняв себя за голые плечи, тревожно и испуганно косясь на застывших оккупантов, торопливо двигался майор Красной Армии Сафьянов. Немного отстав, я замыкал шествие в своих джинсах и кроссовках на босу ногу.

Если Ульяна в белом халате и косынке была похожа на медперсонал (что и было на самом деле), то все остальные выглядели не только подозрительно, но и просто вызывающе, угрожая авторитету третьего Рейха и фюреру лично. Офицер, недоумённо тараща глаза, что-то сказал, обращаясь к нам. Я хотел было ему ответить, но, вспомнив, что это бесполезно, да и не желая его ещё больше пугать, промолчал.

Поняв, что эти четыре странных человека намереваются пройти мимо солдат вермахта, офицер,

грозно сдвинув брови и призывно махнув автоматчиком рукой, двинулся наперерез. Наш «конвой» остановился, посчитав, видимо, свой долг выполненным.

Офицер встал на нашем пути и продолжал что-то говорить, грозно глядя в лицо Нолина. Тот, плавно заворачивая, попытался его обогнуть. Опешив от такой наглости ещё больше, офицер завёл руку назад и, выхватив из кобуры пистолет, прицелился в голову Нолина. Догадываясь, что у него ничего не получится, я всё-таки с волнением ждал, что будет дальше. Офицер, задыхаясь от бешенства, попытался схватить Нолина за отворот куртки, но сгрёб рукой воздух, потерял равновесие и вынужден был сделать неловкое движение в сторону, чтобы не упасть. Мы продолжали идти, когда он выстрелил в спину Нолина. Пистолет выплюнул пламя, бесшумно дёрнувшись в руке офицера, ещё плохо понимающего, что происходит. Один из автоматчиков, стоявший как раз за Нолином и оказавшийся на линии огня, резко дёрнулся и стал падать головой вперёд. В ту же секунду остальные кинулись к нам. Долговязый солдат, тыча мне в живот дулом автомата, левой рукой попытался схватить меня за рукав. Не глядя на его руку, я смотрел ему в лицо, с удовлетворением отмечая, как оно из агрессивно-решительного плавно перетекает в жалкую испуганную мину. Я продолжал идти мимо, глядя ему в глаза. Солдат отшатнулся и что-то сказал, по-видимому, ни к кому не обращаясь, а, скорее всего, поминая Бога.

Мы просочились сквозь ошалевший заслон. Я и Сафьянов оглянулись на ходу, чтобы видеть, что будет дальше.

Растерявшиеся солдаты позади нас смотрели то нам вслед, то на своего командира. У санитарного фургона все как один застыли, молча следя за развитием событий. Санитары перестали таскать носилки с ранеными, а некоторые так и продолжали их держать, полуобернувшись в нашу сторону; кто-то с перебинтованной головой раздвигал марлю на лице пошире, чтобы лучше видеть.

Не глядя на дорогу, я прошёл насквозь два парковых дерева и заметил, как удивление на лицах немцев сменилось ужасом, и сразу после этого пришедшие немного в себя автоматчики во главе с офицером открыли по нам шквальный огонь.

Продолжая идти вперёд не глядя, я налетел на что-то и, падая, понял, что поперёк дороги стоит на карачках Сафьянов.

— Что, попали? Куда?! — закричал я в ужасе. Майор поднял на меня круглые глаза, и я понял, что он не при смерти, а просто смертельно испугался.

Немцы, увидев, что двое упали, решили, что пули достигли цели: я заметил, как они радостно закричали.

— Поднимайтесь, нам нельзя отставать, — сказал я, хватая Сафьянова за руку.

— Да... сейчас... — бормотал, поднимаясь, майор, не отрываясь глядя на автоматчиков. Те, не понимая, почему двое упавших поднимаются как ни в чём не

ских и сейчас, спустя много лет после войны, вновь оставила их в дураках.

Сразу за забором нас ждали Нолич и Ульяна. Нянечка не казалась уже такой испуганной, рассматривая родной городок, изменившийся почти до неузнаваемости и походивший теперь больше на разросшуюся деревню — кругом стояли обычные деревянные дома.

Здесьнее захолустье казалось ещё более унылым из-за серого осеннего дня и чёрных дымовых столбов, тянущихся к небу на горизонте: вероятно, там проходила линия фронта. Я подумал, что, если бы мы могли слышать здешние звуки, то до нас, вероятно, донеслась бы канонада.

Я мысленно поблагодарил Нолина за то, что он вёл нас по дороге, а не напрямик — сквозь заборы и дома, поскольку это было весьма неприятно чисто психологически, да и шокировать людей лишний раз не хотелось. Улица была пуста — ни жителей, ни оккупантов видно не было. Нолич торопился. Мы успели пройти полсотни домов, когда Ульяна подала голос:

— Не гони, окаянный! Ноги устали, моченьки нет.

Я ждал, что Сафьянов её поддержит, но он молчал, шумно дыша. Нолич ничего не ответил, продолжал идти, напряжённо глядя вперёд. Ворона на его плече сидела нахохлившись, втянув голову в перья, и только матово моргала своими чёрными глазами. Засмотревшись на неё, я пропустил момент, когда мы миновали ещё одну «дверь».

12

Я посмотрел на дорогу и только тут понял, что мир в очередной раз изменился. Ульяна тихонько ахнула, а Сафьянов пробормотал что-то неразборчивое. Нолич остановился и, как и во дворе инфекционного отделения, стал медленно поворачиваться вокруг своей оси, ища очередной проход.

Это был какой-то город. Мы стояли посреди мощёной бульваром неширокой улицы, по обеим сторонам которой впритык к друг другу стояли серые скучные дома — двух-трёхэтажные каменные коробки с маленькими окошками. Многие окна были распахнуты, и из них, будто облизываясь, выглядывали, как языки, кольхаемые ветерком лёгкие занавески. Между домами через улицу, на уровне второго и третьего этажей, были натянуты верёвки, на которых уныло висело бельё.

По мостовой шли люди — не так много, но для этой улицы достаточно, чтобы сказать, что она была оживлённой. Мы настороженно шаркались в стороны, пока не убедились в том, что здесь мы не только призрачны, но и невидимы. Люди шли мимо, и если мы мешали, просто проходили сквозь нас. Все, кроме Нолича, старались этого избежать — даже ворона прыдала крыльями, когда кто-нибудь из прохожих «задевал» её.

— Давайте к стене, что ли, отойдём, — недовольно прогудел Сафьянов, зябко ёжась без своего револю-

бывало, продолжали стрелять. Вокруг нас бесшумно надламывались ветки, из-под опавших листьев брызгали фонтанчики земли, мне даже казалось, что я вижу сами пули, летящие в меня. Сафьянов наконец поднялся и, окончательно поверив в то, что мы неуязвимы, повернулся лицом к фашистам. Я продолжал тянуть его за руку, но он высвободился, злорадно глядя на обезумевших стрелков.

— А вот нате-ка! — громко крикнул он и смачно вскинул согнутую в локте руку, давая немцам понять без слов, что именно они имеют вместо нас.

Не знаю, кричал ли кто-нибудь из немцев, оставшихся у госпиталя традиционно-паническое: «Партизанен!», и какие у них были лица, когда мы скрылись за деревянным забором, пройдя его насквозь, но я и так испытал большую радость оттого, что горстка рус-

ционно-красного халата. Нолич остался посреди дороги, а мы подошли к одной из стен дома, и Ульяна сейчас же спустилась на землю, часто охая. Я тоже сел и стал смотреть на прохожих.

Не присматриваясь сразу, я только сейчас понял, что именно показалось мне странным в их облике с самого начала: у всех у них без исключения были лица наподобие тех, кого мы привыкли называть даунами.

Напротив того места, где мы остановились, в одном из домов находился маленький магазин: люди выходили из него с бумажными пакетами, из которых торчала какая-то невиданная трава и, по-видимому, овощи и фрукты. Ничего особенного в крое одежды здешнего народа не было, но она, скорее, была практичной, нежели красивой.

Я попытался понять, что у них за эпоха, на каком уровне находится их технический прогресс (в том, что этот мир не принадлежал тому пространству, откуда мы случайно вывалились, и был, скажем так, не совсем земным, я не сомневался). По мощёной улице ни разу не проехала ни одна машина, а в узкой полоске неба, не загороженной сохшим бельём, я не увидел ни одного самолёта или какого-нибудь другого летательного аппарата. Но в том, что здешняя цивилизация обладала какими-то механизмами, можно было быть уверенным — при производстве той же одежды не обошлось без участия машин. Кроме того, окна домов были застеклены, и так же налицо были признаки канализации и водопровода: из ниши в одном из домов я заметил торчавший прямо из стены кран, из которого медленно капала вода, а сама улица, хоть и не блистала изяществом, была чистой и ухоженной.

Вскоре я уже не сомневался, что этот мир был похож на наш, хоть никакого транспорта по-прежнему не появилось (в конце концов, у нас тоже есть улицы, где запрещено движение автотранспорта и при въезде висит равнодушный «кирпич»). У человека, вышедшего из зеленой лавки, я заметил на запястье часы, на которые тот озабоченно посмотрел, после чего перехватил бумажный пакет, из которого торчала какая-то бурая трава, поудобнее и зашлепнул прочь. Парень и девушка, о чём-то оживлённо беседуя, прошли мимо, чуть не наступив на вытянутые ноги Ульяны. «Студенты», — решил я: у девушки из-за лазухи торчала книга, а молодой человек размахивал расстрепанной тетрадью. Слущая какое-то время показало и первое транспортное средство — по улице стремительно промчался грузный человек на некоем подобии мотороллера. Мотороллер, по-видимому, сильно шумел, поскольку шедшая неподалёку пожилая чета недовольно поморщилась, провозжая ездока сердитым взглядом.

Нолич по-прежнему стоял посередине дороги и был так сосредоточен на поиске очередной «двери», что совсем не замечал, как сквозь него проходили люди. Зрелище это уже не казалось нам странным: за те несколько часов, что мы находились по ту сторону нашего мира, мы достаточно привыкли к этому.

Сафьянов продрог и бродил по улице взад-впе-

рёд, ругаясь вполголоса — до меня долетали только обрывки фраз:

— Халат махровый... Ленка убьёт... Фашисты хреновы...

Ульяна затаила и сидела, вытянув ноги и уронив голову, как вдруг к ней подошёл Нолич и стал трясти за плечи, приговаривая:

— Нельзя спать, нельзя! Ульяна! Не спать!

Ульяна, видно, только что задремавшая, недовольно отпихнула его:

— Уйди, полоумный! Чего нельзя-то? Всё равно чего-то ждём. Дай отдохнуть!

— Спать нельзя, Ульяна! Нельзя!

— Не сплю, ирод! Отстань!

Нолич оставил Ульяну в покое, но не вернулся на середину дороги, а сел между нами, обхватив колени руками. Ворона потопталась на его плече, устраиваясь поудобнее, но Нолич совсем не обращал на неё внимания, словно забыл о таком соседстве.

Я решил попробовать с ним заговорить:

— Нолич! Почему мы остановились? Вы не можете найти дверь?

Он, глядя прямо перед собой, ответил:

— Закрыто. Надо ждать.

И добавил, посмотрев на меня:

— Нельзя спать.

Я кивнул:

— Не буду. Я не хочу спать.

К нам подошёл Сафьянов и спросил Нолича:

— Эй! Почему дальше не идём?

Я ответил за него:

— Он сказал, что нужно ждать.

— Чего ждать? Сколько можно ждать?

— Успокойтесь, майор. Все в одинаковом положении. Делайте то, что вам говорят.

Сафьянов фыркнул:

— Что-то командиров всё больше становится. Ты-то чего встрял? Я не тебя спрашивал.

Я разозлился и громко сказал, холодно посмотрев на него:

— Слушай! Хватит окулить. Здесь от нас всё равно ничего не зависит. Поэтому нам остаётся одно — ждать. И делать это как можно лучше, потому что других дел у нас всё равно больше нет. Ясно?

Сафьянов сердито смотрел на меня, потом покопился на не обращающих на наш разговор никакого внимания Нолича и Ульяну и, неожиданно присев рядом на корточки, прошептал:

— А вдруг мы никогда не выберемся отсюда? Мы же подохнем здесь, слышишь, журналист? Мне страшно, понимаешь? Страшно!

Его глаза испуганно шарили по моему лицу, и вдруг губы его задрожали, он стиснул их, и по его толстым щекам покатались слёзы. Ещё минуту назад это был надменный и грубый зам. по тылу майор Сафьянов, а сейчас он вдруг превратился в испуганного ребёнка, который потерял родителей посреди шумного магазина игрушек, и всё вокруг вдруг перестало иметь значение, кроме одного — страха всемирного одиночества, охватившего его.

Мне только не хватало успокаивать здоровенного мужика, хоть он и был моим ровесником. Я вздохнул, неловко сжал его холодное запястье, покрытое «гусиной кожей», и сказал как можно более дружелюбно:

— Ну, майор. Бросьте. Надо потерпеть. Нолич нас выведет. Он знает дорогу.

Я сам сейчас нуждался в точно таких же словах, но не от кого было их услышать, и мало того, приходилось теперь говорить их самому, будучи совершенно не уверенным в них.

Сафьянов выдернул свою руку, тяжело поднялся и, отвернувшись, стал шмыгать носом и украдкой, косаясь на Ульяну с Ноличем, по-прежнему не обращавших на нас никакого внимания, вытирать щеки. Вскоре он вновь стал бродить туда-сюда по улице, даже не пытаясь уворачиваться от прохожих.

Нолич время от времени поглядывал то на меня, то на Ульяну и толкал её в плечо, повторяя:

— Не спать, Ульяна. Нельзя!

Она сердито отмахивалась, причитала и принималась то растирать ладонями озябшие икры ног, то возиться со своей белой косыночкой, устраивая её удобнее на голове. О вороне Нолич тоже помнил — я заметил, как он дергал иногда плечом, не давая спать и ей; та вздрагивала, мигала глазами, переминаясь с ноги на ногу, но терпела, будто понимая, что это не издевательство, а необходимость.

Подумав, я решил продолжить разговор с Ноличем, посчитав ситуацию подходящей: его обычная недоступность и молчаливость были сейчас какими-то размытыми. Я попытался прислониться к стене, у которой сидел, и провалился сквозь неё, окунувшись во тьму. Чертыхнувшись, я снова сел прямо. Нолич как раз посмотрел в мою сторону, определяя, не сморил ли меня сон.

— Забыл, что всё зыбкое, — пояснил я, улыбаясь, и тут же продолжил. — Нолич, а как выглядят эти двери?

Я подумал, что он промолчит, но Нолич посмотрел на меня, как-то словно бы мимо, и тихо ответил:

— Они не выглядят. Они или есть, или их нет.

Я решил, что на этот раз он оказал всё, но снова ошибся.

— Если видишь дверь, в неё нужно войти, — сказал он.

— Но двери бывают заперты, — возразил я. Нолич кивнул:

— Тогда нужно ждать.

— Мы ждем потому, что наша дверь закрыта? Нолич снова кивнул.

— А вдруг она никогда не откроется? — спросил я, зябко передёрнув плечами — скорее от страха, чем от холода. Нолич ответил:

— Если есть дверь, то её можно открыть.

— Но как мы можем открыть эту дверь?

— Эта дверь откроется сама. Надо ждать.

Он повернулся к Ульяне и толкнул её в плечо. Та вздрогнула и принялась снова ворчать и растирать икры. Я подумал, что Нолич больше ничего не скажет, и опять ошибся. Он уставился в одну точку посреди улицы и тихо, почти шепотом, произнёс:

— Не всякая дверь открывается сама.

Я немного подождет и спросит:

— Сколько дверей было в вашей жизни, Нолич?

Но на этот раз он не ответил, продолжая неподвижно сидеть.

Сафьянов бродил неподалёку, то энергично размахивая руками, то растирая ими плечи и бока. По улице снова проехал давешний мотороллер, но на этот раз в обратную сторону. Я обхватил колени руками и положил на них голову.

По одному из булыжников мостовой полз муравей. Для него эта улица казалась огромной, и я вдруг подумал о том, что в той пустыне, куда мы попали вначале, мы были для кого-то такими же муравьями, а тот великан, возможно, просто переходил через дорогу, которая казалась нам бескрайней пустыней.

Кто-то потрепал меня за плечо. Я поднял голову — это был Нолич; он решил, что я задремал.

— Всё в порядке. Я не сплю.

Нолич отвернулся и вдруг вкочил, закричав:

— Пошли! Быстро!

Ульяна, кряхтя, принялась подниматься. Подбежал Сафьянов:

— Где? Куда?!

Нолич двинулся через улицу наискосок.

Возле зеленой лавки стояла женщина и держала на руках ребёнка — девочку лет, наверное, двух, не больше. Я мельком взглянул на них и отвернулся, следуя за всеми, но тут меня осенило. Я снова уставился на женщину и ребёнка и понял, что девочка смотрит на меня. Вот она перевела взгляд на Нолича, рассматривая ворону на его плече, и снова посмотрела мне прямо в глаза. Сомнений не было — она нас видела!

Нолич встал у стены дома и показал рукой, чтобы мы проходили первыми. Я обернулся на девочку в последний раз. Женщина не видела нас, а малышка улыбнулась мне. Я улыбнулся ей в ответ и шагнул в серую стену.

13

И это тоже не было нашим миром.

До сих пор мы не ощущали почти никаких воздействий внешней среды — мира вокруг нас были прозрачны; мы не слышали их звуков, не чувствовали запахов. Только незримая твердь была под ногами, да и то неизвестно какому миру принадлежавшая. Теперь же всё изменилось. Мне показалось, что я очутился под водой. Всё вокруг было однотонно серым, ни вверх, ни вниз определить было нельзя, словно я оказался в самом густом тумане. Впрочем, себя и своих ошарашенных товарищей я всё-таки видел, хоть и не так отчётливо, но больше в этом мире не было ничего, за что можно было уцепиться взглядом. И всё это серое пространство сдавливало тело, как будто я находился на глубине. То, на чём мы стояли, не было твёрдым, как раньше: оно подавалось под ногами, но держало. Дышать тоже стало непросто, воздух был вязким, как всё та же вода. Вдох и выдох приходилось делать с усилием и дольше, чем обычно.

Первое, что я услышал здесь, был сдавленный голос Ульяны:

— Господи, помирай! Милостивый... дышать... тяжело...

— Куда?! — прохрипел Сафьянов, схватив Нолича за рукав. Нолич, придерживая рукой накренившуюся на его плече ворону, широко раскрывшую клюв — то ли для дыхания, то ли от испуга, — глухо сказал:

— Нужно идти... Куда-нибудь, но обязательно... идти.

Он стрёб с плеча придушенную и тихую ворону, прижал её одной рукой к груди и сделал первый шаг.

Больше никто не говорил, потому что на это сил уже не оставалось. Поначалу мы шли все вместе, но вскоре Ульяна стала отставать. Нолич останавливался, и мы ждали её. Через какое-то время в голове начало шуметь. Сердце бешено стучало в висках, глазами было больно вращать. Я раздвигал руками вязкий туман и, с трудом переставляя ноги, шёл.

Опомнившись, я попытался понять, где остальные, но никого не увидел. Холодея от ужаса, я попытался позвать Нолича. Если он и услышал мой сдавленный голос, то или не имел сил, чтобы ответить, или я не услышал его — уши заложило, как в самолёте при изменении высоты.

Я вспомнил, что Нолич ничего не сказал о направлении, дав понять, что нужно просто идти. Я пошёл вперёд, вернее, туда, куда был повернут лицом, хотя больше всего хотелось лечь и забыть обо всём. Я решил идти во что бы то ни стало, предчувствуя близкую развязку, но старался об этом не думать, чтобы не спазить, чтобы не сплунуть это хрупкое ощущение.

Все мои силы теперь уходили только на то, чтобы двигаться вперёд. Я шёл и считал каждый шаг, будто это были не шаги, а удары в стену, которую мне обязательно нужно было пробить. Я представлял себе эту стену и бетонное крошево, которое сыпалось из обширной уже пробоины, а я всё бил и бил, предвкушая близкую победу. Ещё удар, ещё... Но удары мои не были такими стремительными, как хотелось бы. Они уже были вовсе не стремительными, а вялыми, я еле касался кулаками ненавистной стены. Вот уже я понял, что просто стою, прислонившись к ней, и только царапаю цемент непослушными пальцами. Что же это я? Ведь нужно бить! Иначе мне не выбраться. Ну же! Но я чувствовал, что проклятая стена накрениется на меня, наваливается на грудь, мешая дышать, сковывает руки. Вот она нависла надо мной, прижимая всё сильнее к упругой поверхности земли.

Я очнулся и понял, что стою на месте. Я облизал сухие губы, дотянулся руками до лица и потёр глаза. Голова кружилась и болела. Идти. Я должен идти.

И тут меня окликнули.

Я стоял и пытался понять, откуда я услышал голос, а потом догадался, что он мне понукал — теперь я оглох окончательно и не слышал даже собственного тяжёлого дыхания.

— Андрей!

Я попытался обернуться и вдруг увидел друга

Лёшку. Отчётливо я видел только его лицо, всё остальное казалось каким-то размытым, нерезким. «Ну вот, началось!», — с грустью подумал я, глядя на него.

— Андрей, — снова сказал он. — Ты что же, не узнал старого друга?

Я догадался, что сплю. Но ведь Нолич говорил, что спать нельзя! Надо проснуться, скорее проснуться!

И тут я снова услышал Лёшин голос.

— Да не спишь ты! Вот чудак.

— Не сплю? — выдавил я из себя и тут понял, что Лёша ответил на мои мысли. Уши у меня были наглухо закупорены, и собственный голос доносился до меня как из бочки, но я отлично слышал голос друга. Я развернулся, чтобы лучше его видеть. Он сочувственно улыбнулся, разглядывая меня, и сказал:

— Ну и занесло же тебя, Лохматый. Еле отыскал.

Он один называл меня Лохматым — с тех пор, как в детстве я на спор подстригся под машинку накануне восьмого марта, когда я должен был читать какие-то лирические стихи со сцены школьного актового зала. Я смотрел на него и думал, что, когда он погиб, я готов был многое отдать, чтобы поговорить с ним — в последний раз, — а вот теперь стою, как дурак, и молчу. Я уже знал, что это не сон.

Лёшка погрозил мне пальцем и опять ответил на мои мысли:

— Дураком ты всегда успеешь себя почувствовать.

— Ты.. — начал я выдавливать из себя, но осёкся и решил поэкспериментировать. «Ты научился читать чужие мысли?» — подумал я, глядя Лёшке в глаза.

— Но если ты весь состоишь из чужих мыслей, что же здесь сложного? — рассмеялся Лёша, напоминая мне наш давний студенческий спор. Теперь я мог спокойно говорить с ним, не сбивая трудно дававшееся мне собственное дыхание.

— Как ты здесь оказался? — спросил я друга.

— Я-то известно как, — перестав улыбаться, грустно ответил он.

Меня захлестнула обида — как и тогда, когда я узнал о его гибели. Я обиделся на него за то, что он бросил меня одного! Я сейчас же ужаснулся этому мерзкому чувству, и мне стало невыносимо стыдно — ещё и оттого, что всё это теперь стало известно Лёшке.

— Прости, — сказал я, покачав головой и тут же, вскинувшись, бросил ему то, что твердил все эти дни, вспоминая о нём. — Но как же так вышло, Лёша? Почему?!

Алексей виновато развёл руками:

— Не знаю. Глупо получилось. Ведь и ехал не так быстро.. — он махнул рукой: — Давай не будем об этом. Я уже как-то привык. Вот решил тебя навестить. Лично. Я ведь и раньше пытался, но не мог достучаться до тебя. Ты оказался непробиваем. А теперь тебя вон куда занесло.

— Я и сам понять не могу, что происходит. Светопредставление какое-то. Нас тут выводит один.. сумасшедший. Поумней многих будет. Он видит, куда нужно идти.

Я вдруг вспомнил:

— Мне ведь нужно идти! Иначе я не выберусь!
— Можно и на ходу разговаривать, — согласился Лёша.

Я пошёл вперёд, раздвигая плотный серый воздух. Лёшка легко двигался рядом. Я покосился на него и спросил:

— Может, хоть ты скажешь, где я нахожусь?

Он пожал плечами.

— Всё равно не поверишь.

— Вот здесь ты ошибаешься. Теперь я поверю во что угодно. Так что можешь говорить.

— Как бы это объяснить.. Ты почти в своём мире. Понимаешь? Почти.

— Не понимаю, но верю.

— Вот и хорошо. Это словами не опишешь, даже великий и могучий не поможет. Это надо увидеть.

— Ладно.. Вот только бы выбраться.

Я помолчал немного, прислушиваясь к боли во всём теле. Голова кружилась, и глаза отказывались различать даже серый призрачный свет, давящий со всех сторон. Я прикрыл веки — стало немного легче. Боясь потерять сознание, я спросил:

— Если я выберусь.. Передать что-нибудь Дине?

— Я им уже всё сказал, Андрей. До моих девочек было гораздо легче достучаться, чем до тебя. К тому же, ещё осталось несколько дней.

— Осталось.. Каких дней?

— Скоро сорок дней, как я.. Ну, ты понял.

Я даже остановился.

— А потом?

— Ты как ребёнок, право. А потом, наверное, свет в конце тоннеля — и всё.

Я посмотрел на него, превозмогая резь в глазах.

— Но ведь мы всегда смеялись над этим.

— Можем и сейчас посмеяться, если хочешь. Только от этого ничего не изменится. Ты иди, иди, не отвлекайся.

Я пошёл дальше, опять закрыв глаза. В мозгу стучало одно:

— Я запутался, Лёша. Я запутался..

— В чём ты запутался? Ведь всё так просто.

— Я обо всём. Живу, как.. По командировкам этим мотаюсь. Пишу чего-то, пишу. Говорю, вроде бы, а словно просто болтаю. Как попугай. Сяжу в этом журнале, как попугай в клетке, и повторяю заученные слова. Ведь по стране езжу, с людьми встречаюсь, а людей этих понять не могу. Не понимаю, чем они живут, для чего живут. И для чего я живу — не понимаю. Не ощущаю жизни. Точно, неинтересно как-то. Хочется чего-то другого, а чего — понять не могу. Работа эта опротивела. Не пишу, а отписываюсь. От меня ждут чего-то, требуют, а я отписываюсь.

— Кто требует? Самсончик твой?

— Да нет. Он мужик хороший. Да и он будто в клетке. Не по душе ему это всё. И мне. Хоть очерк этот взяты: ну, не хочу я писать о жизни военного гарнизона, будь это даже кремлёвская рота..

— А ты о другом пиши. О том, что по душе.

— Не пишется что-то. Мысли вроде есть, а темы нет. Нужно с чего-то начать, а с чего — не знаю.

— Дурак ты, Андрей. Я вот твои рассказы «Таёжные» прочитал. Что же ты, твою мать, на антресолях-то их держишь?! Только не спеши радоваться, это ещё не золото, Андрей. Это — руда. Золотоносная порода. Тема твоё, от которой ты отмахнулся. Её разрабатывать надо, золото это вымывать. А ты эту руду выгреб, по сундукам распахал, и успокоился. А там работать надо, засучив рукава, да пот проливать, да кровяные мозоли на ладонях сдирать. Ты там пишешь о тайге, о людях сибирских, а знаешь обо всём этом только с чужих слов. А ты сам в тайгу поезжай, подыши её воздухом, запахами её пропитайся, среди людей тамошних поживи. Они тебе таких баек ещё с три короба наговорят! И вот тогда ты увидишь, какими эти «Таёжные рассказы» должны быть. Увидишь, Андрей! И просто перенесёшь на бумагу то, что увидел. И именно там, мне кажется, ты и сможешь сказать то, что тебе сказать так давно хотелось. Дурак ты, Андрюшка.

Он один мог назвать меня дураком и ещё как-нибудь покрепче. И за это я не мог на него обидеться. Просто не умел. И не только потому, что он был прав. На друзей нельзя обижаться. Ведь они потому и друзья. Их надо слушать, с ними нужно общаться и спорить — если это необходимо. С ними нужно дружить. Даже если они уходят от нас навсегда.

Я тупо шёл дальше и внезапно почувствовал облегчение — тиски, охватывавшие меня со всех сторон, стали слабеть. Я продолжал двигаться вперёд, с радостью отмечая, что и дышать становится легче. Серая масса вокруг меня словно бы стала разжижаться, и вот уже я задыхался полной грудью. Я хотел вернуться к Лёше, как вдруг понял, сделал очередной шаг, что моя правая нога не находит опоры — даже той зыбкой субстанции уже не было подо мной. Я ахнул и провалился в неведомое.

14

Падение завершилось почти сразу, как только началось. Я упал плашмя, сильно ударив колено, на что-то твердое и мокрое. Глаза всё ещё болели и в голове шумело. Я старательно зевнул, чтобы откупорить заложенные уши. В голове оглушительно щёлкнуло, и я вновь обрёл слух. Я протёр опухшие глаза и замер: подо мной была асфальтовая дорога. Я ошалело, не веря глазам, огляделся — с одной стороны дороги простиралось поле, тонущее в тумане, с другой стоял лес. Приглядевшись, я заметил у деревьев Сафьянова, еле различимого в тумане — он делал резкие взмахи руками, пытаясь, как совсем недавно, согреться. Лёшки нигде видно не было.

— Лёша, — прошептал я, ожидая ответа, но тщетно. Тогда я попытался крикнуть, чтобы позвать майора, но закашлялся. Однако Сафьянов уже заметил меня и шёл сюда.

— И ты выбрался, журналист?! — радостно заорал он. — Я тут уже десять минут маюю.

— А Нолин и Ульяна Петровна? — просипел я, потирая колено.

— Нет ещё. Я первый оттуда вывалился. Кажется, выбрались, а? — он радостно хлопал себя по ляжкам и бокам, содрогаясь после каждого удара, как желе. Я всё ещё сидел на асфальте и гладил его ладонью, с удовольствием отмечая совпадения — между тем, что я видел, и тем, что чувствовал.

— Выбрались.. — бормотал я, боясь ошибиться, боясь поверить в то, что мир вокруг меня был непрерываемо твёрд и ощущаем. — А вдруг это опять не наш мир?

— Фигня! — бодро прогудел майор и показал рукой куда-то в сторону. — Город там. Если прямо сейчас двинуться, минут через десять будем у госпиталя. Вельяминовское шоссе. Новый асфальт прошлым летом наши бойцы класть помогали. Я же говорю, фигня!

— Слава Богу, — прошептал я, поднимаясь с мокрого асфальта.

Сафьянов рассказал, что произошло с ним после того, как мы начали двигаться в том чересчур «плотном» мире. Когда он обнаружил, что поблизости никого из нас нет, то решил, что отстал, и прибавил ходу (глядя на его грузную фигуру, я засомневался, как ему это удалось; тем не менее, было похоже, что он не врал). Вскоре после этого он и очутился здесь.

Мы сошли с шоссе, и в ту же секунду за моей спиной раздался странный звук, будто откуда-то резко выпустили скатый воздух. Мы с Сафьяновым обернулись.

Пространство над шоссе сгустилось, превращаясь в белое пятно. Это пятно быстро приобрело форму халата, и вот уже Ульяна, охнув, грохнулась с полуметровой высоты на дорогу. Мы бросились к ней.

— Ой, господи! Не могу больше.. Что ж ещё-то, а?.. Её белая косынка сползла на глаза, она лежала на асфальте, беспомощно шаря вокруг одной рукой, а другой пытаясь поправить косынку.

— Вы целы? — спросил я, с трудом приседая рядом — колено болело всё сильнее.

— А? — Ульяна сдернула наконец косынку с головы, обнажив смешной ёжик коротко стриженных волос. Она повела кругом красными воспалёнными глазами и, остановив их на моём лице, испуганно спросила:

— Что ли.. всё?..

Я кивнул. Она закрыла лицо руками с зажатой в кулаке косынкой и бесшумно заревела, крупно содрогаясь всем телом.

Встать она не смогла, обессиленная до крайности, к тому же было похоже, что у неё сломана нога. Мы с Сафьяновым неловко отволокли её на обочину, подстелив под неё мою джинсовую куртку.

Вокруг нависала та самая предрассветная бледность, наполненная сырым туманом, которую мы покинули несколько часов тому назад. Время здесь, похоже, не сдвинулось ни на минуту. Расстояние, которое мы покрыли пешком, тоже изрядно отличалось от тех десяти минут ходьбы до госпиталя, о которых говорил Сафьянов.

Не переставая плакать, Ульяна рассказала, что Нолич всё время был с ней, таща её за руку за собой.

Она злилась на него за то, что он не оставлял её в покое, задышалась и постоянно падала. Он заставлял её подниматься, больно щипая за бока, и вёл дальше. Во время очередного падения она и вывалилась из того кошмара.

Слушая её, я озирался, ожидая Нолича. После появления Ульяны прошло уже минут 15, но его всё не было. Было холодно, солнце и не думало подниматься, да ещё, вдобавок ко всему, заморосил противный мелкий дождь.

— Попутку бы поймать, — заметил Сафьянов, когда Ульяна перестала рассказывать и охала, сморкаясь в свою косынку. Я с сомнением посмотрел на завесу тумана. Майор, заметив мой взгляд, добавит:

— Здесь поворот крутой. Надо чуть дальше пройти, тогда, может, заметят.

— Пока вы здесь сидели без нас, много машин прошло? — спросил я его.

— Ни одной, — признался Сафьянов, покачив головой.

И сейчас же из тумана донёсся нарастающий звук двигателя — привычный нам мир оживал. Мы с майором переглянулись. Я пожал плечами:

— Всё равно Нолича ещё...

Меня оборвал уже знакомый звук. Мы с Сафьяновым обернулись.

Прямо посередине шоссе проявлялся, как фотография, Нолич с рассыпанными по плечам волосами и так же, как и мы до него, неловко упал, успев вытянуть вперёд руки. На асфальт выкатилась выпущенная им тушка вороны. Нолич стал подниматься, когда, вспоров белёсую дымку, ему в спину ударил свет фар вылетевшего из-за близкого поворота грузовика. Он успел обернуться, и в придушенном туманом неживом свете электрических ламп я увидел его бледное лицо. У него из-под ног рванулась в сторону крылатая тень, и в ту же секунду чёрная стена большегрузного трейлера набросилась на него.

Меня обдало удушливым сирадом выхлопа, прямо перед моим лицом пронёслась ворона. Туша грузовика, кратко мигнув красными кляксами тормозных фонарей, уже исчезала за следующим поворотом, и на влажный асфальт обрушилась страшная тишина.

Я не верил ничему, что только что увидел.

..Его отбросило на несколько метров вперёд, на обочину. Он лежал на спине и смотрел в серое небо. Словно лучи, от его головы струились в разные стороны полуседые длинные волосы. Больше не чувствуя боли в ноге, я неловко опустился перед ним на колени.

— Нолич!

Он был ещё жив. Прямо ему на глаза капал дождь, но он не моргал, словно не замечая этого. Я нелепо подумал о том, что ему, должно быть, жёстко лежать на обочине, усыпанной мелким щебнем, просунул, путаясь в волосах, под его голову свою замёрзшую ладонь и сразу ощутил тепло. Я пригляделся и понял, что это кровь.

Я обернулся. Ульяна, похоже, так ничего и не заметила, лёжа на моей куртке и продолжая сморкаться в косынку. Неподальку от неё столбом стоял Сафьянов и смотрел в мою сторону. Я попытался крикнуть ему, но поперхнулся — в горле было сухо. В отчаянии, раздирая связки, я заорал:

— В госпиталь! Беги за машиной!

Он не двигался с места.

— Шевелись, твою мать! Убью!

Сафьянов на негнувшихся ногах потрусил ко мне, не отрываясь, испуганно глядя на Нолича. Продолжая держать его голову и с ужасом чувствуя, что моя ладонь совершенно согрелась, я рявкнул на майора, окончательно теряя голос:

— Скорей же! Ну?!

Сафьянов пробежал мимо, в ужасе косясь на Нолича, и, спотыкаясь, окрылся в тумане.

Дождь усилился. Я наклонился над мокрым лицом Нолича, чтоб хоть немного заслонить его от капель, но они продолжали падать ему на лоб, и я понял, что это мои слёзы. Его голова мелко тряслась — это дрожала моя ладонь под его затылком.

— Нолич, — прошептал я сорванным голосом, — всё будет хорошо.. Тебя вылетат.

Капли падали и терлись в щетине на его лице.

— Я.. я..

Я наклонился к нему ближе:

— Что?

Он посмотрел мне в глаза:

— Я.. здоров. Са.. сами лечитесь.

Его голова дернулась на моей ладони, и он перестал дышать.

Поднявшийся ветер погнал туман в поле, обнажая застывший чёрный лес. Где-то неподалёку громко каркнула ворона.

Масон из рода Голубцовых

Откроем роман Л.Н.Толстого «Война и мир» — страницу о Пьере Безухове, как с ним беседовал масон, а затем и о его приеме в масонское братство. Масон с «кроткой отеческой улыбкой» говорит Безухову, что «высшая мудрость и истина есть как бы чистейшая алага, которую мы хотим воспринять в себя...». Затем Пьера вводят в темную комнату, где горит лампада, установленная в человеческий череп. Здесь и Евангелие на столе, и гроб с костями... Ритор сообщает ему «семь добродетелей, соответствующие семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон». Это: скромность; соблюдение тайны ордена; повиновение высшим чинам ордена; добронравие; любовь к человечеству; мужество; щедрость; любовь к смерти.

Возможно, через что-то подобное прошел и Александр Федорович Голубцов, основатель Александровского дворянского помещичьего имения близ Красноуфимска.

О его масонстве я впервые узнал из материала СЗ.Гомельской «Библиотека Н.К.Чулина», что опубликован в сборнике «Уральский библиофил» (1984 г.). Автор пишет: «А вот поэма М.Хераскова «Владимир Возрожденный» в издании 1785 года. Книга очень хорошо сохранилась, видно, что ее берегли. На листе перед титульным — надпись, сделанная, видимо, сразу же после выхода в свет: «Его высородию, милостивому государю моему Александру Федоровичу Голубцову посылает из Москвы Иван Тургенев». Дальше стоит дата: «1785. Марта 8 дня». «Книга эта, — считает автор, — связана с людьми и событиями 18 века, чрезвычайно интересовавшими Н.К.Чулина. И автор поэмы, и названные в надписи на книге И.П.Тургенев и А.Ф.Голубцов, и ее издатель — известный русский просветитель Николай Иванович Новиков были членами общества масонов, или мартинистов, как их тогда называли».

Поэму поэта-масона А.Ф.Голубцов получил уже будучи «поручиком правителя Симбирского наместничества (1783-1792)». А Н.К.Чулину ее, по всей видимости, передал Владимир Владимирович Голубцов-старший (1856-1892). Ведь он и Наркиз Константинович в свое время являлись членами Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и, конечно, обменивались между собой своими интересами и изысканиями.

Екатеринбургская исследовательница истории рода Голубцовых М.Б.Летфулова — нашла в «Личном деле Голубцова А.Ф.» хранящемся в Государственном архиве Свердловской области, свидетель-

ство о том, что «после упразднения института воеводства во вновь открывшемся Пермском наместничестве он работает председателем Верхнего земского суда (1781-1783)».

А ведь в это время в Перми действовала масонская ложа «Золотого Ключа», возглавляемая И.И.Панаевым!.. Об этом рассказано в очерке Ю.М.Курочкина «Под знаком Золотого Ключа», опубликованном в его сборнике «Уральские находки» (Свердловск, 1982). Упоминания об А.Ф. Голубцове в очерке нет, но Юрий Михайлович отмечал в нем: «...Так что же за люди пермские масоны — кто они, чем примечательны, кроме участия в ложе Золотого Ключа?»

По разного рода «Росписям чиновных особ в государстве» за эти годы можно узнать о некоторых из них. Выяснилось, что Ашитков, Ванслов и Лев Черкасов были заседателями, а Бейльвиц — судьей земского суда...».

Связь с масонами у А.Ф.Голубцова вполне могла быть!.. Ведь уже в 1784 году он — Великий Мастер в открывшейся в Симбирске масонской ложе «Златого Венца». Об этом сказано в книге Г.В.Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины III», вышедшей в Петрограде в 1917 году. При встрече М.Б.Летфулова познакомила меня с ксерокопией «Послания Симбирских масонов в Москву», что было опубликовано в разделе «Масонские бумаги» в историческом сборнике «Осьмнадцатый век», издаваемом Петром Бартедьевым (Кн. 2. Москва, 1869). К тексту приложен список членов «Златого Венца», и в нем значится «Александр Федорович Голубцов (Великий Мастер)».

Далее идут фамилии 1-го и 2-го надзирателей, секретаря, обрядоначальника, ритора, товарищей и учеников — всего 16 человек.

Но когда же проникся идеями масонства Александр Федорович Голубцов?

Журнал писателей России «Наш современник» со второго номера 1995 года начал публиковать «конспирологию» Олега Платонова «Масонский заговор в России (1731—1995 гг.)». Нахожу там строки: «...с 40-х годов рассадником масонской идеологии среди молодежи становится шляхетский сухопутный корпус, в котором преподавали масоны-иностранцы...», а ведь Александр Федорович Голубцов «воспитывался в пансионе Ферре при Сухопутном шляхетском корпусе (1748)».

Возможно, что именно с той поры и до своей кончины основатель Александровского имения на Урале принадлежал к кружку ревнителей русского просвещения.

Особенности организации путешествия в пещеры

Типы пещер

Карстовые полости образуются в известняках, доломитах, гипсах, ангидритах, каменной соли и других горных породах в результате растворения и размыва поверхностными и подземными водами. Они могут быть горизонтальными, наклонными (пещеры, гроты) или вертикальными (колодцы, шахты). В отечественной спелеологии пещерой считается полость, длина которой больше ширины и высоты, а гротом — полость, имеющая ширину или высоту больше длины. Вертикальная полость глубиной менее 20 м называется колодцем, более 20 м — шахтой.

По происхождению карстовые полости подразделяются на три класса. Коррозионно-гравитационные полости располагаются в 10–150 м от бровки плато и крутых склонов речных долин. Они формируются под влиянием сил бортового отпора, вызывающих раскрытие трещин отседания. Имеют клиновидную форму, постепенно суживаются книзу, достигая глубины 40–100 м. Обычно лишены натеков, слабо обводнены. Часто возникают камнепады.

Нивально-коррозионные полости располагаются на участках, наиболее благоприятных для накопления снега: на днищах карстовых воронок, под структурными уступами, в тальвегах временных водотоков. Формируются в результате растворяющего действия талых вод. Представлены в основном колодцами, реже — шахтами, которые при больших размерах входа достигают глубины 50–70 м. Бедны натеками. На дне некоторых шахт в течение всего лета сохраняются скопления снега мощностью до 4–12 м.

Коррозионно-эрозионные полости тесно связаны с современным или древним эрозионным рельефом, располагаясь на днищах или склонах карстовых котловин и долин. Часто образуют крупные водоносные системы, состоящие из пещер-поноров и шахт-поноров, вскрытых пещер и пещер-источников. Пещеры и шахты-поноры поглощают постоянные или периодические поверхностные водотоки. Размеры этих полостей определяются характером геологического строения питающих водосборов и количеством выпадающих осадков. После снеготаяния и ливней в них устремляются целые

Специфика спелеологического (пещерного) туризма определяется положением карстовых полостей в труднодоступной местности и условиями, в которые попадает турист под землей. На подходах к пещерам спелеологу приходится пользоваться тактическими и техническими приемами, заимствованными из пешеходного, горного, водного и лыжного туризма. Под землей наряду с приемами спелеотуризма применяются приемы альпинизма и подводного плавания. Действия спелеолога осложнены полной темнотой, низкой температурой воздуха (от $-4 - 0^{\circ}$ до $+8 - 10^{\circ}$) при почти стопроцентной относительной влажности. Это предъявляет особые требования к здоровью спелеолога, его тактической и технической подготовленности.

Самостоятельный выход в необорудованные пещеры разрешается только туристам, прошедшим обучение в школах предлагерной подготовки, а затем в спелеолагерях и на учебных сборах. Участники путешествия должны иметь полисы индивидуального страхования.

По прибытии в район путешествия нужно зарегистрировать маршрут в контрольно-спасательной службе, а затем постоянно информировать МЧС о его прохождении.

реки с расходом до 1 – 5 куб. м в секунду.

Пещеры-источники располагаются на склонах горных массивов и дают начало постоянным или периодическим карстовым источникам. Иногда они состоят из нескольких этажей.

Вследствие перекрытия галерей различными отложениями (снег, глина, песок, глыбовые накопления, натёки) или водой карстовые системы обычно не удается пройти полностью. Однако и в доступных спелеологу участках они имеют огромные размеры (до 100 тыс.–1,5 млн. куб. м), значительную длину и глубину. К этому классу относятся все крупнейшие карстовые полости России: шахты-поноры Снежная (550 м) и Назаровская (500 м) на Кавказе, Солдатская (500 м) в Крыму, вскрытые пещеры Оптимистическая (75,1 км) и Озерная (65,1 км) в Подольи, Кутук-Сумган (7,8 км) на Урале, Анакопийская (3,3 км) на Кавказе, пещеры-источники Красная (13,1 км) в Крыму и Воронцовская (7,5 км) на Кавказе. Они обычно обводнены, украшены натёками и представляют не только спортивный, но и научный интерес.

Полости первых двух классов характерны для известнякового (реже – гипсового) голого карста, когда карстующиеся породы выходят непосредственно на земную поверхность. Коррозионно-эрозийные полости образуются во всех разновидностях карстующихся пород в условиях голого и открытого карста (растворимые породы перекрыты толщей нерастворимых отложений). В известняках, мраморах, доломитах, каменной соли они обычно имеют простое линейное, реже – древовидное строение, в гипсах, ангидридах и конгломератах на карбонатном цементе – сложное, лабиринтовое.

Кроме карстовых пещер, колодцев и шахт, значительный интерес для спелеолога представляют золотые, вулканические, морские и ледниковые пещеры, а также искусственные пустоты: каменоломни (катакомбы), соляные копи, заброшенные рудники, жилые и культовые сооружения (пещерные города).

Организация безопасности.

Опасности пещер, вызываемые спецификой спелеотуризма

Естественные обвалы и камнепады. Наиболее вероятны в коррозионно-гравитационных трещинных шахтах и пещерах, а также в коррозионно-эрозийных полостях, заложенных в слюистых известняках и гипсах. В целом опасность обвалов преувеличена, так как своды пещер «проверены на прочность» сейсмической деятельностью планеты. Однако во многих пещерах близ тектонических нарушений и сопровождающих их трещиноватых зон есть опасные уча-

стки, которые следует проходить быстро и без шума. Во входных стволах шахт бывают опасны обвалы ледяных натёков и снежных карнизов.

Загазованность пещер. Содержание углекислого газа в воздухе почти всех карстовых полостей России составляет 0,3 – 0,5%, что практически не ощущается человеком. В пониженных, плохо проветриваемых участках пещер и вблизи зон тектонических нарушений возможно повышение концентрации CO₂ до опасных величин (6 – 7% и более). При появлении симптомов отравления CO₂ – потливости, головной боли, стука в висках, головокружения, дискоординации движений, тошноты – необходимо немедленно выйти из опасного участка, а при возможности – и на поверхность. В вертикальных полостях возможна сезонная загазованность (наиболее вероятно летом, при слабой естественной вентиляции). В зонах тектонической трещиноватости иногда наблюдаются выходы метана и других непредельных углеводородов. Их концентрация не превышает 1 – 1,5%, что не представляет никакой опасности.

Опасности, связанные с водой. Существуют как в постоянно обводненных, так и в периодически обводняемых полостях. Внезапный подъем уровня воды после сильного ливня или снеготаяния в ряде полостей Крыма, Кавказа и других горных районов страны может достигать 10–15 м, а иногда и 50 м (Скельская пещера в Крыму). Расход подземного потока за 4 – 6 часов может измениться в 400 – 500 раз, достигнув 2 – 5 куб. м в секунду. Особенно увеличивается опасность, когда спелеолога отделяют от поверхности узкие труднопроходимые лазы, полусифоны и вертикальные шахты, где в паводках ударная сила потока и захваченных им камней возрастает в десятки тысяч раз. Меры предосторожности: выход в полость при благоприятном прогнозе погоды (в горных районах грозовые ливни не прогнозируются), телефонная связь с поверхностью, срочная эвакуация при первых признаках паводка. Под землей по уровням максимального подъема воды в разных частях пещеры следует определить зоны спасения.

Страшный враг спелеолога – сифоны. Преодоление их без специальной подготовки в школах спелеологов-подводников категорически запрещено.

Яков ГЕЛЬБЛУ,
фото Евгения САВЕНКО

Яков Гельблу — германист, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета. Занимается палеонтологией слова.

ШУЛЬГАН-ТАШ — столпы мироздания

Шульган-таш-Капова — одна из крупнейших карстовых пещер на Башкирском (Южном) Урале. Расположена на правом берегу реки Белой в 4 км ниже д. Новоакбулатово Бурзянского р-на на территории Прибельского филиала Башкирского заповедника. Трехъярусная, с крупными гrotами и широкими проходами. Образовалась в известняках и доломитах верхнего девона и нижнего карбона. Через пещеру протекает подземная река Шульган..

Впервые Шульган-таш описал А.Рычков в 18 в. В 1954 г. зоологом А.В.Рюминим были обнаружены наскальные рисунки палеолитического возраста. В 1960-71 гг. изображения в пещере были изучены археологом Е.Н.Бадером. Найдено около 30 рисунков (мамонты, носороги, дикие лошади и др.) Они выполнены красной охрой. (Башкирская энциклопедия. Уфа 1996.)

По мнению автора этих строк, Шульган-таш — это не просто имя топонима на карте Башкортостана.

Как прекрасное творение природы, скала-столб на просторах Евразии встречается только в Сибири и на Урале.

Как тезаурус, хранящий произведения человеческой культуры, одно из немногих мест культового, сакрального характера для древних племен, населявших Южный Урал, Шульган-таш также имеет мало себе равных на нашем континенте.

В этой триаде: место-действие-название — третий элемент очень скромный, очень невыразительный: «камень Шульган». По названию нельзя понять, чем это место, эта скала привлекла внимание древних людей, почему именно эта пещера избрана в качестве «художественной галереи». В названии совсем не выражен присущий древним людям сильный анимализм, когда они в каждом явлении природы видели проявление АНИМУСА — духа, души.

Мы пришли к выводу, что имя ШУЛЬГАН-ТАШ, его значение, как оно принято в совре-

менном башкирском языке, не соответствует древнейшему периоду истории того тюркского племени, которое в палеолите разукрасило залы и галереи пещеры своими творениями. Исходя из этого убеждения, мы начали свое, выражаясь современным языком, «независимое расследование».

Отправная точка нашего палеонтологического анализа — глубокое убеждение, что неисчерпаемым источником древнетюркской лексики от 5 века до н.э. по 5 в. н.э. («эпоха великого переселения народов») является ДРЕВНЕСАКСОНСКИЙ диалект, широко представленный в истории современного

немецкого и английского языков. Племя САКСОВ — не германское, а тюркское. Пришло оно в Европу из Великой Степи (Скифии) еще до н.э. — как можно судить по многочисленным языковым следам, но впервые зафиксировано Птолемеем в 1 в. н.э. на западном берегу Балтийского моря под именем Фалоны (Фавоны). Оно постепенно перебазировалось на побережье Северного моря и там прочно обосновалось. С течением времени оно слилось с германскими племенами, оставив почти в неприкосновенности свой язык, считающийся ныне нижненемецким диалектом верхненемецкого языка.

На этом мы закончим нашу историческую справку и перейдем непосредственно к палеонтологическому анализу.

Шульга-таш — это сложное слово, состоящее из трех компонентов: шуль(ь) + ган + таш. Проанализируем каждый компонент. Начать необходимо с конечного, поскольку в немецком языке, по законам словосложения, основным считается последний компонент. Это, так сказать, «базовая» часть слова, именуемая общим понятием; стоящие впереди него слова придают только дополнительную характеристику.

Все три элемента этого композита представлены в истории немецкого языка на разных этапах становления немецкой лексической системы, с разной степенью значения и актуальности применения.

ТАШЕ. Большой авторитет в этой области — Ф.Клуге сообщает, что это слово неизвестного про-

исхождения, в других германских диалектах не зафиксировано. Его отношение к германской группе слов, исходя из итальянского «таско», определению не поддается.

Подобное заявление Ф.Клуге свидетельствует, что ТАШЕ не является индоевропейским словом. Наше многолетнее общение со словарем Ф.Клуге дает нам основание считать, что слова с пометой «происхождение неизвестно» — тюркские и очень древнего происхождения. Наш дальнейший анализ подтверждает это.

Другой, не менее важный источник — «Средневерхненемецкий словарь» — утверждает, что наряду с современным значением «сумка» слово ТАШЕ еще в 13–15 вв. обозначало: тело, внутренности, женские половые органы.

Становится ясно, что древние люди, в силу своего анимизма, рассматривали скалу как живой организм, как «тело», «вместилище внутренностей», а «пещера» рассматривалась ими как «чрево», «живот».

Это подтверждается следующим словом — сначала его морфологическая форма была ГАНК, а затем ГАНГ. В древнесаксонском было ГАНГ (звук носовой). Слово значило: ход, проход, дорога; звериная тропа, звериные следы; вена, кровеносный сосуд; рудная жила; клоака.

В немецком языке нет своего слова для обозначения понятия «клоака». Язык воспользовался заимствованием из латыни, в которой под КЛОАКОЙ понимается — подземный сточный канал, сточные воды, выгребная яма.

Сочетание древнесаксонского ГАНГ в его усеченной форме ГАН с еще более древним, но, по нашему глубокому убеждению, также древнесаксонским словом ТАСК/ТАШ — это первоначальная основа сложного слова, зримо характеризующего:

- тело (внешнее и внутреннее) — людей и животных;
- занятие авторов наскальных рисунков;
- объясняет, почему именно тут (в этой пещере) появились рисунки диких зверей;
- характеризует фауну Южного Урала времен палеолита.

Через некоторый промежуток времени (по законам немецкого словосложения) к этой двухкомпонентной основе добавляется третий, завершающий всю конструктивную компонент «СУЛ». Это слово не тюркское, а санскритское, заимствованное тюркскими племенами. Древнетюркский словарь фиксирует композит DRZul (Sanskrit trisula) — ТРЕЗУБЕЦ. В комментариях к этому слову словарь отмечает, что оно встречается в двух источниках: в сутре «Северное сияние» как sul и в одной буддийской легенде в форме sul.

Из истории саксов хорошо известно слово irminsul — деревянный столб, посвященный их богу Ирмину, находившийся в религиозном центре саксов городе Эресбурге в Вестафалии, разрушенном Карлом Великим в 772 году.

В немецкий язык это слово вошло в фонетическом варианте СУЛ. Из этого корня постепенно возникает современная форма SAULE – колонна; словарь приводит много значений этого слова. Отметим только то, которое имеет непосредственное отношение к имени «Шульган-таш»: ОПОРА, ПОДДЕРЖКА. Это древнее значение слова ШУЛ, которое позже забылось. Сейчас все стало на свое место. Шульган-таш – это не «Камень Шульган». На языке древних тюрков это столп (столб) мироздания, или, иначе говоря, Опора всей живой природы (включая воду и огонь). Вот почему стало возможным появление антропонима Шульган – имени старшего брата Урал-батыра, на которого при рождении возлагались все надежды, но он их не оправдал... Из этого же истока появился и гидроним – река Шульган. Теперь триада стала полной. Все три ее составные части стали соответствовать степени анимизма.

В начале статьи я назвал первую часть триады: великое творение природы; вторую часть триады: великое творение человека палеолита. Как филолог, хочу охарактеризовать третью, заключительную часть триады – ИМЯ: ШУЛЬ-ГАН-ТАШ – это словесный портрет великого периода в истории

человечества, по красоте и тонкости словесного узора не уступающий аналогам мирового эпоса. Этот портрет достоин стать ценнейшим элементом любой хрестоматии, посвященной творчеству, отнюдь не противостоя словесному творчеству других племен, так же тонко чувствующих природу. Меня поразило это описание своей конкретностью, детализацией, знанием естества. Это своего рода наименование храма природы, либо сакральная формула тех действий, которые совершали в нем древние.

Я позволю себе закончить строками из известной поэмы выдающегося поэта и философа античного мира Лукреция Карра «О природе вещей». В ней всеобщая связь явлений и роль языка в этом процессе подчеркнута с особой силой:

*«Даже в наших стихах вид имеет большое значение,
Расположение букв и взаимное их сочетание;
Тем же буквами ведь мы означаем небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью все, то все-таки большая часть их
Те же в самих вещах: материи все изменения –
Встречи, движения, положенья ее и фигуры –
Необходимо влечет за собой и в вещах переменны».*

Фото Анатолия Любли

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

СМУ-9

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2004, №11 (569)